

6882

*Въ Председательство
Николаю Христиану
Бунге.
Ген. Министру Финанс.*

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

Авторъ

16 Августа 1884

АРТИЛЛЕРІИ КАПИТАНА

В. Н. ТАТИЩЕВА

НА

УРАЛЬСКИХЪ ЗАВОДАХЪ

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОСТАВИТЬ

В. РОЖКОВЪ

Горный Инженеръ.

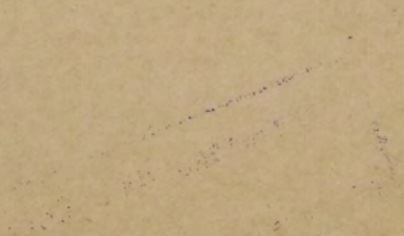
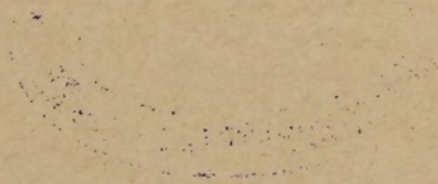
С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

1884.

Самиздатъ

~~2848~~
6882

~~9361~~

ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

АРТИЛЛЕРІИ КАПИТАНА

В. Н. ТАТИЩЕВА

НА

УРАЛЬСКИХЪ ЗАВОДАХЪ

ВЪ

ЦАРСТВОВАНІЕ

ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

СОСТАВИЛЪ

В. РОЖКОВЪ

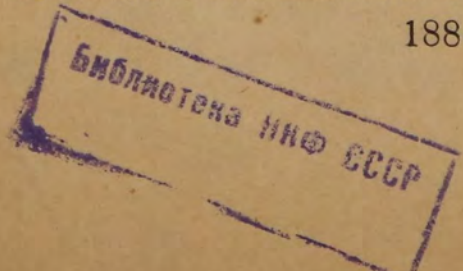
Горный Инженеръ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФИЯ И ХРОМОЛИТОГРАФИЯ А. ТРАНШЕЛЯ, СТРЕМЯННАЯ, № 12.

1884.

39

64341

Извлечено изъ №№ 7 и 8 „Горнаго Журнала“ за 1884 г.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Первыя распоряженія Бергъ-Коллегіи къ благоустройству горнозаводства.—Кабинетъ-куррьеръ Голенищевъ-Кутузовъ.—В. Н. Татищевъ и нѣмецъ Блюэръ.—Инструкціи имъ.—Отъѣздъ и пребываніе ихъ въ Москвѣ, Нижнемъ-Новгородѣ и Казани.—Розыскъ о подъячихъ въ Кунгурѣ. Важный указъ Бергъ-Коллегіи и Сената по горнозаводству.—Письмо Татищева изъ Казани. Прибытіе его въ Кунгуръ.—Розыски и поводы къ нимъ.—Горнозаводство подъ Кунгуромъ.—Уктусскій заводъ.—Плохое состояніе его.—Мѣры къ благоустройству его.—Алапаевскій заводъ.—Полное разстройство его.—Военно-плѣнные шведы.—Каменскій заводъ.—Общія мѣры къ поднятію дѣйствія горныхъ заводовъ.—Сношенія Татищева съ тобольскимъ губернаторомъ, кн. А. М. Черкасскимъ.—Приписные къ заводамъ крестьяне.—Сословіе заводскихъ мастеровыхъ изъ пришлыхъ и бѣглыхъ людей.—Переписка съ уфимскими воеводами о башкирцахъ.—Сношенія съ башкирскими батырями.—Хитрости послѣднихъ.—Драгунская на заводахъ стража.—Поѣздка Татищева въ Тобольскъ.—Новая въ Сибирь дорога.—Заставы.—Администрація въ приписныхъ слободахъ.—Лукавство земскихъ подъячихъ.—Школы.—Частные горнозаводчики.—Переговоры о передачѣ Алапаевского завода въ частныя руки.—Мѣры къ улучшенію техническихъ производствъ.

Учрежденіе Бергъ-Коллегіи (12 дек. 1718 года) и изданіе Бергъ-Привиллегіи (19 декабря 1719 года), —^{систематическаго} перваго горнаго закона, — составили самую важную эпоху въ нашемъ отечественномъ горнозаводствѣ. Бергъ-Коллегія, открывъ свои дѣйствія въ 1720 году и руководимая предсѣдателемъ своимъ, генералъ-фельдцейхмейстеромъ Яковомъ Вилимовичемъ Брюсомъ, въ самомъ началѣ издала цѣлый рядъ распоряженій, весьма замѣчательныхъ по правильному взгляду на дѣло. Изъ отрывочныхъ дѣлъ бывшихъ прежде „Руднаго Приказа“ и „Рудной Канцеляріи“ она могла заключить только, что Сибирскіе казенные горные заводы содержатся весьма худо, дѣйствуютъ неудовлетворительно. Представители провинціальной власти, воеводы и коменданты, которымъ до того были подчинены эти заводы, предоставивъ управленіе ими комиссарамъ, подъячимъ и даже „ларечнымъ“, сами мало заботились объ успѣшномъ дѣйствіи ихъ. Нѣкоторые изъ комендантовъ старались даже за-

крыть заводы вовсе. При такихъ порядкахъ Бергъ-Коллегія, не надѣясь получить отъ мѣстной власти затребованныя ею свѣдѣнія о положеніи горныхъ заводовъ, сочла за лучшее послать отъ себя довѣренныхъ лицъ, поручивъ имъ на мѣстѣ осмотрѣть заводы, описать ихъ и свѣдѣнія представить въ Бергъ-Коллегію. Такъ, на Тульскіе и смежныя съ ними заводы былъ посланъ ассессоръ оной князь Василій Григорьевичъ Волконскій, а въ Сибирь—кабинетъ-курьеръ Илья Голенищевъ-Кутузовъ. Послѣдній, получивъ указъ отъ 23 января 1720 года о командировкѣ своей, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ того же года прислалъ въ Коллегію самыя обстоятельныя свѣдѣнія о Кунгурскихъ, Уктусскихъ и Алапаевскихъ заводахъ, причѣмъ не ограничился осмотромъ ихъ однихъ, но описалъ также и другія промышленныя заведенія въ краѣ, принадлежація частнымъ лицамъ. Съ Урала кабинетъ-курьеръ отправился далѣе въ „Дауры“, съ тою же цѣлью, и потомъ былъ назначенъ управлять Нерчинскими серебро-плавильными заводами.

Для приѣма отъ воеводъ заводовъ и для непосредственнаго управленія ими на мѣстѣ слѣдовало опредѣлить особаго начальника. Выборъ палъ на Василя Никитича Татищева, состоявшаго въ то время въ чинѣ капитанъ-поручика артиллеріи при генералъ-фельдцейхмейстерѣ Я. В. Брюсѣ. Находясь, по своимъ служебнымъ обязанностямъ очень близко къ своему начальнику, Татищевъ могъ обратить на себя вниманіе его своими природными дарованіями, многостороннимъ образованіемъ и способностью къ труду. Объ немъ могъ знать и самъ Царь, такъ какъ Брюсъ нерѣдко посылалъ Василя Никитича къ нему лично съ письмами (съ Аланда) и дѣловыми докладами, и весьма вѣроятно, что выборъ его на новую должность сдѣланъ съ согласія Петра, всегда лично руководившаго въ подобныхъ случаяхъ ¹⁾. Приходилось поднять видимо унадающую промышленность въ отдаленномъ и пустынномъ краѣ: тутъ недостаточно однихъ указовъ, хотя бы весьма основательно придуманныхъ, нуженъ былъ живой умъ человѣка, и Татищевъ доказалъ, что выборъ сдѣланъ весьма удачно.

Здѣсь мы встрѣчаемся въ первый разъ съ дѣятельностью В. Н. Татищева въ нашемъ горнозаводствѣ, и, по справедливости должны сказать, что прочнымъ водвореніемъ на Уралѣ и своими успѣхами оно, изъ всѣхъ сотрудниковъ Петра Великаго, наиболѣе обязано Татищеву: безспорно это былъ самый лучший администраторъ въ горнозаводствѣ и первый

¹⁾ Годомъ ранѣе Татищевъ предлагалъ свои услуги Царю заняться размежеваніемъ земель всего государства, съ составленіемъ описанія и ландкартъ. „Царь изволилъ милостиво принять и повелѣлъ (миѣ) сдѣлать краткое представленіе на письмѣ, что къ тому потребно, которыя я немедленно сдѣлавъ Его Величеству въ Адмиралтействѣ вручилъ, о чемъ Его Величѣ же зимы въ Сенатѣ изволилъ объявить, что меня къ землемѣрію изволилъ опредѣлить. Но сіе Его Величества весьма нужное намѣреніе *хитрымъ случаемъ* перемѣнилось, и посылкою меня въ Сибирь осталось безъ дѣйства“, говоритъ Татищевъ въ одной изъ своихъ записокъ.

его законодатель. Между многими, замѣчательною чертою дѣятельности Васи́лія Никитича выдается стремленіе его заводить школы: гдѣ бы онъ ни появлялся хозяиномъ-распорядителемъ—въ заводѣ-ли, или въ крестьянскомъ селѣ,—первою заботою его было учредить школу. Посланный въ край, весьма мало благоустроенный, но гдѣ промышленная дѣятельность начинала замѣтно развиваться, онъ хотѣлъ все организовать, подчинить законности и праву, поставить дѣло на правильный путь. Онъ первый замѣтилъ и провелъ много новыхъ идей, доказавшихъ его обширный умъ и вѣрный взглядъ на мѣстное горнозаводство: нѣкоторыя учрежденія, заведенныя по мысли его, сохранились до нашего времени и оказались до того прочными, что отступленіе отъ нихъ влекло за собой только вредныя послѣдствія.

Въ „Горномъ Архивѣ“ сохранились самые обстоятельные документы въ формѣ доношеній, записокъ, инструкцій, указовъ и своеручныхъ писемъ Татищева, приведенныхъ въ большой порядокъ, и на основаніи такихъ официальныхъ актовъ мы прослѣдимъ, шагъ за шагомъ, всю дѣятельность его за 4 года (съ 1720 по 1723 годъ включ.)¹⁾.

Указъ Бергъ-Коллегіи о посылкѣ В. Н. Татищева на Уралъ состоялся 9 марта 1720 года. Указъ этотъ составленъ въ общихъ выраженіяхъ, и видно, что Бергъ-Коллегія въ то время не приняла еще какихъ либо опредѣленныхъ рѣшеній, не начертала точнаго плана дѣйствій; въ указѣ сказано глухо: „Въ Сибирской губерніи, на Кунгурѣ и въ прочихъ, гдѣ сыщется руда, удобныхъ мѣстахъ построить заводы, и изъ рудъ серебро и мѣдь плавить, и для того послать туда артиллеріи капитанъ-поручика Васи́лія Татищева и бергмейстера Блюэра, да съ ними бергъ-шрейбера Ивана Патрушева, штейгера Гаврила Шенфельдера съ Олонца, толмача Павла Бривцина, да для науки тому рудному дѣлу артиллерійскихъ школьниковъ изъ царедворцевъ четырехъ человекъ. И на строеніе заводовъ послать туда съ комиссаромъ Ив. Тряпицынымъ 5,000 р., деньги взять въ Москвѣ съ денежныхъ (монетныхъ) дворовъ и расходовать по указанію Татищева. Воеводамъ написать, чтобы они къ строенію заводовъ оказывали всякое вспоможеніе“. Блюэру данъ подобный же указъ съ особою инструкціею, написанною пространно, но безсодержательно. Въ распоряженіе Татищева переданы были Бергъ-Коллегіей два рудныхъ доносителя (Прок Сталовъ и Зуевъ), оба бывшіе крѣпостные крестьяне Строгоновыхъ, отданные въ солдаты, и по ихъ доносу онъ долженъ былъ произвести на мѣстѣ „розыскъ“²⁾. (См. приложеніе).

¹⁾ „Горный Архивъ“, томы подъ №№ 1289, 1296 и 1300.

²⁾ Плата назначена: Блюэру 500 р. (по договору), Патрушеву 100 р., Бривцину 60 р., руднымъ доносителямъ по 12 р. каждому въ годъ, школьнымъ ученикамъ по 18 р., и сверхъ того, имъ выдавался солдатскій паекъ. Татищевъ получалъ жалованья 180 р. (по чину) и раціоновъ на 2-хъ деньщиковъ (7 р. 96 к. на человека въ годъ). На проѣздъ ихъ изъ С.-Пе-

Въ виду неясности указа Василій Никитичъ передъ отъѣздомъ своимъ спросилъ Бергъ-Коллегію доношеніемъ: какъ ему поступать въ разныхъ случаяхъ, „такъ какъ въ указѣ не обрѣтаю, а вижу за самую потребность къ исправленію высокихъ интересовъ, къ исполненію которыхъ должный трудъ прилагать со всякою вѣрностію и радѣніемъ общаю“. Онъ спрашивалъ: какъ вознаграждать крестьянъ за новые пріиски рудъ, откуда брать людей для производства работъ по добычѣ рудъ и плавкѣ ихъ, и какую плату давать за работы? Просилъ разрѣшенія нанимать и приглашать въ службу на заводы изъ военно-плѣнныхъ шведовъ, если изъ нихъ встрѣтятся на пути охотники; просилъ снабдить его лекарствами и лекаремъ. Бергъ-Коллегія отвѣтила: по вопросу вознагражденія за пріисканіе рудъ поступать по Бергъ-Привиллегіи, а въ рабочіе люди сыскать прежнихъ рудокоповъ (на Кунгурѣ и Уктусѣ), и, сверхъ того принимать и записывать въ мастеровые изъ вольныхъ, нетяглыхъ людей, а крестьянъ—изъ государевыхъ и монастырскихъ, и быть имъ у дѣла до указа, а платить имъ, смотря по работѣ. Разрѣшалось нанимать шведовъ съ обязанностью доносить о томъ особо. О снабженіи лекарствами и цирюльникомъ написано было въ Москву къ Архіатеру Лаврентію Блюментросту: велѣно отпустить лекарствъ разныхъ на 20 р. Архіатеръ лекарства отпустилъ, а въ присылкѣ цирюльника отказалъ, отзываясь, что „они всѣ обрѣтаются въ военномъ вѣдомствѣ, и всѣ лекари на мѣстахъ, взять не откуда“.

Въ Москву Татищевъ и Блюэръ прибыли 4 апрѣля. Здѣсь они застали тобольскаго губернатора, князя Алексѣя Михайловича Черкаскаго, и отъ него получили мѣдную руду „двухъ видовъ“, оказавшуюся весьма богатою, съ содержаніемъ, по пробѣ Блюэра, болѣе 30 проц. чистаго металла. Руда доставлена обывателями г. Томска: Степаномъ Костылевымъ и Ѳедоромъ Комаровымъ ¹⁾. По представленію Татищева, Бергъ-Коллегія разрѣшила обоихъ

тербурга въ Москву были выданы прогоны. Тогда одноконная подвода на это разстояніе (717 верстъ) стояла въ лѣтнее время 2 р. 15 к., осенью и весной въ распутицу подвода стояла вдвое дороже. Изъ числа поименованныхъ лицъ не доѣхали до мѣста Шенфельдеръ, умершій 18 августа въ Вологдѣ, и Тряпицынъ, задержанный по дѣлу въ Герольдмейстерской канцеляріи.

¹⁾ Эти два человѣка прошли болѣе 3,500 верстъ (отъ Томска до Москвы) единственно съ цѣлью заявить о рудѣ высшему правительству, такъ какъ мѣстное пачальство не приняло ихъ заявленій и даже дѣлало имъ угрозы, какъ видно изъ доношенія ихъ Бергъ-Коллегіи, отправленнаго Татищевымъ изъ Москвы: по ихъ челобитной кн. М. П. Гагаринъ помѣтою на ней отпустилъ ихъ въ 1717 году искать всякаго рода руды и въ курганахъ вещей, по прикащикъ Корейнскаго слободы Константинъ Захаровъ удержалъ челобитную у себя и руды искать имъ не велѣлъ. Это однако не остановило Костылева, и въ слѣдующемъ году онъ съ товарищемъ своимъ Иваномъ Горбуномъ пошелъ на Томскихъ урочищахъ вверхъ по Ишиму рѣкѣ богатія мѣдныя и серебряныя руды. Находку свою рудоискатели показали въ Томскѣ коменданту Василю Козлову, и просили его отпустить ихъ снова на поиски, „но комендантъ челобитную нашу принявъ бросилъ на землю, насъ не отпустилъ и хотѣлъ бить кнутомъ“.

рудоискателей взять съ собой въ Сибирь. Въ Москвѣ же явился къ Татищеву пушкаръ Никонъ Шаламовъ, родомъ изъ Кунгура, гдѣ прежде былъ рудоискателемъ, и нынѣ, будучи отданъ въ солдаты, прибылъ въ Москву въ „провожатыхъ за казною“; онъ показалъ куски руды. Бергъ-Коллегія разрѣшила и его взять въ Кунгуръ.

Здѣсь Татищевъ принялъ на службу съ жалованьемъ „противъ молодаго подъячаго“ Петра Клушина, такъ какъ „Патрушеву одному трудно справиться съ счотными дѣлами“. Этотъ Клушинъ находился постоянно при немъ, велъ его переписку, держалъ приходорасходныя книги. Впослѣдствіи при Дегеннинѣ онъ занималъ должность секретаря въ Оберъ-Бергъ-Амтѣ въ Екатеринбургѣ. Не отсталъ отъ Татищева и Блюэръ, и онъ пригласилъ особаго подъячаго Якова Степанова „къ бергмейстерскимъ дѣламъ“. Затѣмъ, Татищевъ, выбравъ изъ артиллерійской школы, согласно указу, 4 учениковъ: Алексѣя Калачова, Дмитрія Одинцова, Сергѣя Сабанѣва и Афонасія Карташева, 26 мая отправился со всею свитою водою на стругъ въ Нижній-Новгородъ, куда и прибылъ почти черезъ мѣсяць (24 іюня).

Въ Нижнемъ-Новгородѣ Татищевъ получилъ указъ о пожалованіи его чиномъ капитана артиллеріи, съ чѣмъ увеличилось его жалованье на 27 р. въ годъ.

Другимъ указомъ, полученнымъ съ тѣмъ же нарочнымъ, ему поручалось произвести „розыскъ объ утайкѣ подъячими мѣдныхъ рудъ подъ Кунгуромъ и о запрещеніи воеводами мѣдной плавки тамъ же“¹⁾. Въ указѣ сказано слѣдующее:

„Слушавъ выписки, приговорили: Кунгурскіе мѣдные заводы велѣть содержать и размножить по указу, каковъ данъ капитану Татищеву и бергмейстеру Блюэру, а что объявили въ сказкахъ кунгурскіе подъячіе, что руда будто „вынута вся“ и оное знатно тѣ подъячіе скрываютъ, чтобъ тотъ заводъ уничтожить, понеже до сего времени тамошніе обыватели чинили тому дѣлу многое препятствіе. И о тѣхъ рудахъ освидѣтельствовать и розыскать

¹⁾ Вопросъ возникъ по нижеслѣдующему поводу: когда кабинетъ-курьеръ Голеннищевъ-Кутузовъ лично осматривалъ заводы подъ Кунгуромъ, то подъячіе, завѣдывавшіе вмѣсто воеводъ городскими дѣлами, Семень Кадешниковъ и Григорій Поповъ, подали ему за своими руками вѣдѣніе, что въ краѣ томъ мѣдной руды болѣе не обрѣтается, „вынута вся“. Между тѣмъ, по прибытіи кабинетъ-курьера на Угтусъ, завѣдывавшій заводомъ комиссаръ Бурцовъ доставилъ ему много кусковъ мѣдной руды изъ Кунгурскихъ мѣсторожденій, изъ прежнихъ ямъ и частью изъ новыхъ пріисковъ. Всѣ рудные штуфы съ отмѣтками, откуда взяты, Голеннищевъ-Кутузовъ прислалъ въ Бергъ-Коллегію, которая конечно обратила вниманіе на очевидное разногласіе между „вѣдѣніемъ за руками“ кунгурскихъ подъячихъ и фактами, вслѣдствіе чего и подняла дѣло. Къ этому мы прибавимъ отъ себя, что въ той мѣстности подъ Кунгуромъ, начиная со времени Татищева и Дегеннина, добыто рудъ и выплавлено превосходной мѣди казною и частными лицами не одинъ милліонъ пудовъ, и если въ настоящее время мѣдное производство въ томъ краѣ прекращено, то причиной тому несостоятельность заводоуправленій.

имъ, капитану Татищеву да берг. Блюэру“. Далѣе, въ томъ же указѣ, говорится: „А Уктусскимъ мѣднымъ и желѣзнымъ заводамъ и приписнымъ къ нимъ крестьянамъ быть въ вѣдѣніи Бергъ-Коллегіи, а что съ оныхъ крестьянъ въ Сибирскую губернію надлежитъ брать денегъ, и оныя деньги присылаются будутъ въ ту губернію изъ Бергъ-Коллегіи съ денежныхъ (монетныхъ) дворовъ, или зачтутся за артиллерійскій положенный на ту губернію окладъ“. У пристрава велѣтъ быть прежнему комиссару Бурцову, также и приписнымъ крестьянамъ въ работѣ, и сборъ съ нихъ денегъ быть по прежнему указу изъ Сибирской губернской канцеляріи. И той мѣди предъ прежними годами велѣтъ умножить со излишествомъ, и ежели что въ прибавокъ, что къ той крестьянской работѣ надобно денегъ, а оныя отпускаются будутъ съ Денежнаго Двора. А для лучшаго къ тому дѣлу способа (мѣры) надъ комиссаромъ пристрава велѣтъ имѣть капитану Татищеву, а въ плавкѣ и пробѣ рудъ бергмейстеру Блюэру“. Далѣе указомъ этимъ поручалось имъ „осмотрѣть Уктусскіе заводы и рудники, и что они усмотрятъ къ лучшему, о томъ должны представить мнѣніе“.

Этимъ указомъ, очень важнымъ и смѣлымъ, Бергъ-Коллегія, какъ видно, выдѣляетъ часть крестьянскаго населенія (приписныхъ къ заводамъ крестьянъ) изъ общей гражданской власти и подчиняетъ оныхъ вѣдѣнію горнозаводскаго начальства, и чтобы рѣшенію своему придать силу закона, она представила свое опредѣленіе въ Сенатъ, который, указомъ отъ 28 ноября того же 1720 года, и узаконилъ оное по предоставленной ему Царемъ власти. Съ развитіемъ въ послѣдующее время горнозаводства въ Сибири, что вызвало приписку казенныхъ крестьянъ цѣлыми волостями, равно прикрѣпленіе къ заводамъ разныхъ пришлыхъ и бѣглыхъ людей и пополненіе казенныхъ заводовъ рабочими на правѣ рекрутства законъ этотъ послужилъ основаніемъ къ образованію горнозаводскаго сословія, какъ государства въ государствѣ, съ особыми уставами, съ своимъ судомъ, полиціею и управою.

Въ Казани, куда прибыли путешественники 11-го іюля, явился къ Татищеву военноплѣнный шведъ, взятый подъ Полтавой и поступившій съ чиномъ капитана въ царскую службу, Іоганъ Берглинъ. Онъ просился въ службу на горные заводы, для чего и послалъ прошеніе въ Бергъ-Коллегію. Василій Никитичъ считалъ его хорошимъ приобрѣтеніемъ для своего дѣла, и съ своей стороны представлялъ Бергъ-Коллегіи, что Берглинъ „отъ младенчества своего взросъ и обучался горнымъ дѣламъ въ Фалунѣ, гдѣ вотчимъ его былъ заводчикомъ, что онъ довольно разумѣетъ какъ въ устройствѣ заводовъ, такъ въ копкѣ и плавкѣ рудъ, и потребныхъ къ этому механическихъ дѣлахъ“. Казанскій губернаторъ отпустилъ Берглина и Татищевъ увезъ его съ собой. Видно, Василій Никитичъ, по примѣру своего Великаго Царя, черпалъ силу отовсюду, гдѣ только она ему представится.

Изъ Казани Татищевъ послалъ, отъ 15 іюля, письмо Я. В. Брюсу, гдѣ

извѣщалъ своего начальника о томъ, что нашель и видѣль въ Казани, не забыль заглянуть и въ пороховые погреба, пересчиталъ пушки, между которыми нашель одну 40 фунтовую и очень старую „съ персоною и гербомъ короля испанскаго“. Побывалъ и осмотрѣль производства суконныхъ компанейщиковъ, не очень хвалиль ихъ усердіе: „взявъ деньги изъ казны, о дѣлѣ не весьма радѣють, а довольствуются, что освобождены отъ службъ и постоа“. О капитанѣ Берглинѣ писалъ, что онъ „не безъ ума и трудолюбивъ“. Василій Никитичъ хлопоталъ также о другомъ шведскомъ плѣнномъ капитанѣ Ригелѣ, который „искусный химикусъ и въ пробѣ рудъ будетъ не безъ пользы“, но не успѣль, такъ какъ эготъ плѣнникъ сидѣль въ „желѣзахъ“ въ тюрьмѣ за убійство черемиса во время своего побѣга.

Изъ Казани Татищевъ съ Блюэромъ отправились почтовой дорогой, а прочихъ спутниковъ своихъ отправили водою по Камѣ до устья р. Сылвы. Въ Кунгуръ прибыли 30 іюля. На пути они осмотрѣли мѣдныя ямы и плавильни, заведенныя ранѣе того (въ 1697 г.) на рѣкѣ Сарали рудознатцомъ подполковникомъ Лаврентіемъ Нейдхартомъ, и отданныя на откупъ казанскимъ котельникамъ, и нашли, что работы ведутся худо, и совѣтовали тѣ заведенія передать другимъ свѣдущимъ людямъ.

По прибытіи въ Кунгуръ Татищевъ приняль отъ мѣстныхъ подъячихъ, которымъ уже было дано знать о посылкѣ его Вятскимъ воеводою, В. И. Чаадаевымъ, казенные дворы, „снасти“ и разные припасы и матеріалы. На первыхъ же дняхъ явились къ Василю Никитичу два первые и самые радѣтельные рудоискателя: крест. Ѳедоръ Мальцевъ и татаринъ Болякъ Русаевъ, и явились не съ пустыми руками, а принесли много рудныхъ кусковъ, частью изъ прежнихъ, и частью изъ вновь ими присканныхъ мѣсторожденій. Они сразу почувствовали, что повѣяло другимъ вѣтромъ, и не боялись, что ихъ за руду будутъ стегать, какъ бывало прежде при воеводахъ. Они рассказали новому начальнику, что помнятъ „Неторта“ (Нейдхарта), при которомъ и начали копать руду, и стариковъ своихъ, которые везли руду водою въ Казань для плавки, а потомъ, при допросахъ по розыскнымъ дѣламъ показали, какъ воеводы (Воронецкій и Усталковъ) насильно отбирали отъ нихъ подписки, что руда „вынута вся“, какъ грозили и стегали ихъ, чтобъ отвадить отъ „рудокопнаго дѣла“. Татищевъ приняль этихъ рудоискателей ласково, выдалъ имъ по 2 р. „за ихъ усердіе, паче-же для прикладу (примѣра) другимъ, чтобы всякъ охоту лучше возымѣль“; приняль ихъ на службу и положилъ плату по 90 коп. въ мѣсяць, чѣмъ рудокопы остались совершенно довольны. Не теряя времени, Татищевъ и Блюэръ осмотрѣли окрестныя ямы и рудники, наняли рабочихъ копать руду, для надзора поставили Берглина.

Но Татищеву было поручено Бергъ-Коллегіею произвести розыски по разнымъ дѣламъ. Всѣ розыскныя дѣла касались прямо первоначальнаго заведенія мѣдной плавки подъ Кунгуромъ, и мы объяснимъ, не входя въ под-

робности, въ чемъ состояли эти заведенія, и какіе поводы послужили къ „розыскамъ“.

Горнозаводство около Кунгура началось еще въ первой половинѣ XVII вѣка первыми поселенцами въ краѣ. Оно ограничивалось только выдѣлкою желѣза въ небольшихъ горнахъ прямо изъ руды, и протяжкою его на шины и другіе сорта. Въ концѣ столѣтія считалось тамъ уже болѣе 45 такихъ промышленныхниковъ. Дѣйствіе, конечно, было ручное, а годовая производительность каждаго хозяина едва превышала 50 пудовъ; у промышленника крест. Сысоева было заведено даже водяное дѣйствіе для молотовъ на рѣчкѣ Суксунѣ.

Мѣдная плавка началась позднѣе, въ 1713 году, и велась мѣстными воеводами и комендантами, Леонтіемъ Шокуровымъ, сыномъ его Львомъ, и Лариономъ Сенявинымъ. Въ теченіи 5 лѣтъ (съ 1713 по 1717 г. включ). выплавлено ими мѣди 410 п. 12 ф. Преемники ихъ, полковникъ Иванъ Васильевичъ Воронежскій и Афонасій Усталковъ не только не производили плавки, но рѣшительно запрещали рудоискателямъ копать руду, угрожая имъ наказаніями, даже ставили заставы, чтобы не пропускать ихъ на поиски. Къ сожалѣнію, должны мы къ тому прибавить еще, что воеводы, задолжая въ работы окрестныхъ крестьянъ, не давали имъ никакой платы, даже не засчитывали въ подушную подать, вслѣдствіе чего почти всѣ окружные крестьяне, за исключеніемъ очень немногихъ „охочихъ“ людей, смотрѣли на заводы весьма непріязненно; многіе крестьяне даже оставили свои жилища и убралась далѣе въ глубь Сибири. (См. приложение 2).

Но розыски, произведенные В. Н. Татищевымъ, лучше укажутъ, въ какомъ положеніи было горнозаводское дѣло въ краѣ къ его пріѣзду, и какія трудности ему предстояло преодолѣть.

Розыски начаты дѣломъ солдата Прокопія Сталова, крѣпостнаго Строгоновыхъ человѣка, прежняго рудоискателя. (См. приложение 3).

Оказалось, по допросамъ прикосновенныхъ лицъ, слѣдующее: „нетолько Прох. Сталовъ, но и отецъ его Марко находили руду въ вотчинѣ Строгоновыхъ, копали ее, возили въ Кунгуръ и плавили при воеводахъ, и тогда еще ему, Марку, младшій прикащикъ въ вотчинѣ, Демидъ Колупаевъ, грозилъ: *„если станешь руду искать безъ указа, и у меня есть про тебя дубина!“*¹⁾ Одинъ изъ дворовыхъ людей Строгоновыхъ, Николай Батуриный, говорилъ ру-

¹⁾ Демидъ Колупаевъ, какъ видно, и послѣ розыска продолжалъ преслѣдовать крестьянъ за поиски руды: три года спустя, въ апрѣлѣ 1724 года, на него пожаловался Дегеннину крестьянинъ Михай Петровъ, показывая, что „прикащикъ билъ его дубьемъ и плетми и угрожалъ смертнымъ убійствомъ, чтобы горному промыслу и со всѣми сгорѣть“. Дегеннинъ, по изслѣдованіи жалобы, жестоко наказалъ Демиду Колупаева: „выбивъ кнутомъ и отрѣзавъ ноздри послалъ въ вѣчную каторжную работу въ Екатеринбургъ, дабы, на него смотря, и другіе такъ ен дерзали, и отъ такихъ бы бездѣльниковъ въ размноженіи заводовъ и въ горныхъ дѣлахъ остановки и помѣшательства не было“. Такъ доносилъ Дегеннинъ императору Петру въ маѣ мѣсяцѣ 1724 года. (Горны Журпаль за 1826 годъ).

доплавному мастеру изъ Кунгура Падунову: „мочно де вамъ то дѣло бросить, а взять бы вамъ рублей десяткѣ—другой и вамъ то пригодится“. Прикащикъ вотчинный Прокопій Вороновъ подтвердилъ, что дѣйствительно Сталова стегалъ кнудомъ за то, что онъ отбивалъ одного крестьянина, заарестованнаго прикащикомъ по какому то дѣлу, и на вопросъ слѣдователя: по какому праву? прямо отвѣтилъ, что это право даровано господамъ его, именитымъ людямъ Строгоновымъ по царскимъ грамотамъ изстари.

Изъ всего слѣдственнаго дѣла видно, что вотчинные прикащики, хотя и не сознавались въ томъ, смотрѣли на рудоискателей какъ на незванныхъ и нежеланныхъ гостей, старались гдѣ возможно замаять пріиски рудъ, и отклонить крестьянъ отъ поисковъ. Препятствовать прямо они не могли, а сами работать не догадывались.

Но интереснѣе другое розыскное дѣло: объ утайкѣ рудныхъ мѣстъ на Кунгурѣ, со включеніемъ счетнаго дѣла Льва Шокурова ¹⁾; тутъ допросамъ подлежали воеводы, подъячіе, рудоискатели и крестьяне. Главное обвиненіе падало на комендантовъ Воронежскаго и Усталкова, но ихъ на мѣстѣ не было, и показаній ихъ въ дѣлѣ нѣтъ. Первые рудоискатели: Ѳ. Мальцовъ и Болякъ Русаевъ, показали слѣдующее: „изначала руду добывали, ставили ее въ заводъ, и тѣмъ были сыты, но коменд. Воронежскій вынудилъ отъ нихъ насильно подписки, что руды больше нѣтъ, а послѣ него коменд. Усталковъ билъ ихъ, садилъ за караулъ и морилъ голодомъ; также и своя братья, крестьяне, грозили имъ. Усталковъ не уставалъ бить и плавильщиковъ въ заводѣ: стегалъ ихъ плетью и дубьемъ, и на снѣгъ босикомъ ставилъ, и все за то, чтобы не работали мѣдь. Было указано на крестьянъ, которымъ ничего за ихъ труды по перевозкѣ руды и другимъ заводскимъ работамъ не заплачено. Оказалось, что только Сенявинъ велъ дѣло чисто, а прочіе: Ѳ. Молодой и Шокуровъ,—ничего не платили и зачета въ подушныя подати не сдѣлали.

Представляя всѣ розыскныя дѣла въ Бергъ-Коллегію, Татищевъ прибавляетъ: „И понеже сіи дѣла не малаго труда и времени требуютъ, и есть не безъ поврежденія прочимъ дѣламъ, а прибытку, яко видимо, изъ онаго уповать не можно, того ради просимъ, дабы сіе какъ возможно милостію прекратить. Наипаче же увѣдомились мы (Татищевъ и Блюэръ) обстоятельно отъ тамошнихъ обывателей, что невозможно было имъ въ томъ дѣлѣ препятія не чинить отъ великихъ налоговъ и разоренія отъ начальниковъ рудныхъ. А особливо въ началѣ Ѳ. Молодой построилъ здѣсь заводы безъ всякой потребности, которые въ вѣденіи подъячихъ написаны: стали въ 4,000 р.,

¹⁾ Левъ Шокуровъ не былъ воеводой и находился въ Кунгурѣ при отцѣ своемъ, воеводѣ Леонтіѣ Шокуровѣ. Кн. Гагаринъ поручилъ сыну вести плавку, для чего выдалъ ему 1100 р. Левъ Шокуровъ выплавилъ 45 п. мѣди, и въ расходованіи денегъ отчета не далъ. Татищевъ взялъ его въ Москвѣ, и привезъ съ собой въ Кунгуръ.

на что навозили вмѣсто руды песку нѣсколько сотъ тысячъ на крестьянскихъ подводахъ, изъ которой руды чаю ни одного фунта мѣди изъ центнера не выйдетъ, не считая подвоя ему, гостинцовъ и прочаго. Такожъ Леонтій Шокуровъ, оставя оныя (печи плавленныя, заведенныя Ѳ. Молодымъ), построилъ близъ города (Кунгура) не малымъ же издвигеніемъ и возилъ руду верстъ за 50 и больше все тамошними обывателями безъ платы имъ; сверхъ того, когда поѣдетъ руды смотрѣть, должны были давать ему подводы, поить, кормить и дарить, что тамошніе обыватели считаютъ болѣе десяти тысячъ убытку; но оное имъ ни во что не зачтено, и отъ того изъ тамошняго уѣзда множество крестьянъ принуждены дома свои оставить и бѣжать въ Сибирь. Такожъ искъ онаго Шокурова (Льва): хотя деньги на всё имѣлъ, однакожъ заставлялъ (крестьянъ) безденежно работать пѣшихъ и съ лошадьми; наипаче его дѣло весьма непорядочно, и безъ многихъ допросовъ окончить неможно. Нынѣ же обыватели, видя что имъ тягости никакой нѣтъ, приходятъ свободно и съ охотою руды являютъ, и хотя не всегда годныя, однакожъ мы съ ласкою ихъ отправляемъ, дабы тщились лучшихъ искать; работниковъ нанимаемъ по 6 р. въ годъ, и оныя являются, имѣя надежду избѣжать тѣмъ солдатства“. Изъ допросовъ по розыскамъ Василій Никитичъ видѣлъ, что рядомъ съ „охочими“ людьми стояла другая сила, неприязненно относившаяся къ рудному дѣлу, это—громада крестьянская, которую нужно было склонить на свою сторону, и онъ обходился съ крестьянами ласково: объявлялъ имъ, что никакого наряда въ заводскую работу для нихъ не будетъ, онъ будетъ нанимать въ оную только желающихъ, съ платою за труды по добровольному уговору. Для разъѣздовъ своихъ по рудникамъ онъ купилъ лошадей, никогда не требовалъ для себя подвоя отъ обывателей, а въ дальнихъ поѣздкахъ всегда платилъ ямщикамъ прогонныя деньги; внушалъ, что за объявленіе новыхъ рудныхъ приисковъ будетъ выдавать награды, и хотя крестьянская громада ясно видѣла, что новый начальникъ не походитъ на воеводъ, и поступаетъ иначе, „по правдѣ“, но при всемъ томъ охотниковъ изъ нихъ къ рудокопному дѣлу являлось мало, и то „избѣгая солдатства“.

Отъ заведенныхъ тамъ прежде плавленъ ничего не осталось, шахты и устройства на „ямахъ“ (рудникахъ) были обрушены и завалены. Легко уронить, даже разрушить до основанія промышленность, какъ это мы видимъ въ настоящемъ случаѣ: для того достаточно было 2-хъ лѣтъ и 2-хъ воеводъ, преемственно преслѣдовавшихъ одну и ту же цѣль; но не такъ легко возстановить оную. Вотъ что засталъ Василій Никитичъ подъ Кунгуромъ, и неудивительно, если онъ доносилъ Бергъ-Коллегіи, что мѣдную плавку здѣсь въ скоромъ времени завести нельзя, для того необходимо войти въ запасъ рудою, къ чему онъ тотчасъ и приступилъ, поставивъ рабочихъ, вопреки увѣреніямъ воеводъ и подъячихъ, что руда „вынута вся“, на старыя ямы, а для приисканія новыхъ послалъ „охочихъ“ людей.

Познакомясь съ природными мѣстными условіями въ промышленно-экономическомъ отношеніи, что Татищевъ дѣлалъ вездѣ, куда пріѣзжалъ въ первый разъ, онъ, въ своихъ доношеніяхъ изъ Кунгура (отъ 13 и 14 сентября и 19 октября), писалъ въ Бергъ-Коллегію о слѣдующихъ обстоятельствахъ, прося ея разрѣшенія:

1) Нанять изъ находившихся здѣсь шведскихъ плѣнныхъ лекаря и топографа и опредѣлить жалованье Берглину. Бергъ-Коллегія разрѣшила пригласить медика съ жалованьемъ по 80 р. въ годъ и сыскать „географа и ландкарту велѣтъ ему сдѣлать добрымъ порядкомъ и съ прямымъ размѣромъ (масштабомъ), гдѣ бы назначены были знатные города и всякіе заводы и рудныя мѣста, а выдать ему за трудъ, что онъ запроситъ“. Капитану Берглину опредѣлила жалованья 120 р. (прежде въ Казани онъ получалъ 66 р. и 14 руб. на деньщиковъ).

2) Узнавъ, что въ прилегающихъ къ Кунгуру башкирскихъ земляхъ имѣется руда, Татищевъ послалъ туда Боляка Русаева, снабдивъ его Бергъ-Привиллегією на татарскомъ языкѣ. Но уфимцы (башкиры Осинской дороги) ¹⁾ „искать руду его не допустили, хотѣли убить“ „до смерти“, гонялись за нимъ съ луками и стрѣлами и Привиллегію ни во что вмѣнили, говоря: „вольно де тебѣ самому написать“. Однако Русаевъ успѣлъ накопать руды по р. Тульѣ отъ Камы въ 10 верстахъ. Съ цѣлью устранить непріязнь инородцевъ, Татищевъ предлагалъ Бергъ-Коллегіи: приписать прилегающія деревни Уфимскаго уѣзда, числомъ до 21, къ заводамъ, объясняя поводы къ этой мѣрѣ такъ: „И понеже обыватели отъ Уфы болѣе 700 верстъ, и къ тому же великимъ лѣсомъ отдѣлены, а отсюда (Кунгура) дальныя деревни въ 70 в. а ближнія въ 40 в., и суще въ срединѣ здѣшняго уѣзда, того ради, ежели высокоповелительная Бергъ-Коллегія за благо изобрѣтетъ, чтобы оныхъ приписать къ горнымъ дѣламъ, чѣмъ надѣмся они довольны будутъ, понеже между ними многіе воровствомъ промышляютъ, а отъ начальства удалены, и въ томъ есть добрымъ не безъ тягости; наипаче же здѣшній и Осинскій уѣзды весьма благодарны будутъ, и казнѣ можно бы надѣяться лучшаго прибытка“. Но Бергъ-Коллегія нашла, что къ такой крутой мѣрѣ въ настоящее время нѣтъ надобности прибѣгать, такъ какъ горнозаводство въ краѣ еще не упрочено; но для прекращенія непріязненныхъ дѣйствій башкирцевъ она представила въ Сенатъ, чтобы дать знать о томъ башкирскимъ батырямъ царской грамотой. Впослѣдствіи, когда въ той мѣстности было построено нѣсколько заводовъ, большая часть тѣхъ деревень все-таки была приписана къ заводамъ.

3) О заведеніи въ краѣ школъ Татищевъ писалъ въ Бергъ-Коллегію слѣдующее: „изъ обрѣтающихся въ Сибирской губ. дворянскихъ дѣтей взять человекъ 30, которые по указу въ школы годны, а въ С.-Петербургъ не вы-

¹⁾ Т. е. волости; *даруга* по башкирски значитъ волость.

сланы, а ежели таковыхъ недовольно будетъ, то (прибавить) подъяческихъ дѣтей, и обучать горнымъ дѣламъ“. Бергъ-Коллегія, одобривъ мысль, отвѣтила: „набрать въ школу подъяческихъ дѣтей, церковниковъ и молодыхъ разночинцовъ, и обучать ихъ цифири, геометріи и горнымъ дѣламъ“. О дворянскихъ дѣтяхъ Военная Коллегія отвѣтила, что такихъ дѣтей по спискамъ Сибирской губерніи не значится.

4) Татищевъ представлялъ также, что по множеству въ краѣ желѣзныхъ рудъ, лучше отдавать ихъ частнымъ охочимъ людямъ, на что уже и изъявили желаніе нѣкоторые тульскіе оружейники. Бергъ-Коллегія согласилась и велѣла Татищеву такихъ людей „искать и чинить имъ всякое вспоможеніе“.

Въ сентябрѣ и октябрѣ Татищевъ вмѣстѣ съ Блюэромъ ѣздили на Строгоновскія земли для осмотра рудныхъ мѣстъ. Но имъ надобно было спѣшить на Уктусскій заводъ, главное мѣсто ихъ занятій, и спѣшить тѣмъ болѣе, что оттуда комиссаръ, завѣдывавшій заводомъ, сообщалъ имъ однѣ только неутѣшительныя извѣстія о дѣлахъ, и предстояла необходимость заняться ими безотлагательно. Оставивъ Патрушова и Берглина въ Кунгурѣ, Татищевъ со всѣми прочими своими спутниками 21-го декабря отправился на Уктусъ, куда прибылъ 29-го декабря.

Исторія Уктусскаго завода слѣдующая: въ 1702 году Петръ Великій послалъ на Уралъ думнаго дьяка Андрея Андреевича Виніуса для обозрѣнія вновь построенныхъ тамъ заводовъ (Каменскаго и Алапаевскаго), и главнымъ образомъ для усиленія выплавки мѣди, въ которой Царь, по военному времени, сильно нуждался ¹⁾. Ко времени прибытія Виніуса въ Уктусъ, мѣстными крестьянами, братьями Родіономъ, Сергѣемъ и Ѳедоромъ Бабинными, открыты были, въ недалекомъ разстояніи отъ нынѣшняго Екатеринбургa, богатая залежь мѣдной руды по рѣкамъ Уктусу, Полевой и Шиловкѣ. Поводомъ къ открытію послужили видимые остатки древнихъ ямъ, слывшихъ тамъ подъ именемъ *чудскихъ копей*, около деревни Гумешки. Въ архивныхъ бумагахъ объ нихъ говорится такъ: „за Чусовою рѣкою, близъ рѣчки Полевой, есть мѣсто Гумешки, и на томъ мѣстѣ были древніе великіе промыслы, и теперь тамъ есть мѣдныя крохи богатая и руда жильная, добрая и прибыльная“. Виніусъ былъ въ Тобольскѣ, гдѣ уговорилъ генераль-губернатора, князя Михаила Яковлевича Черкасскаго, завести на Уктусѣ мѣдную плавку, на что и послѣдовалъ указъ отъ 7 окт. 1702 года. Были построены: плотина, 2 доменные печи, 4 горна, 2 молота, кузница и двѣ фабрики съ мѣдиплавленными печами. Всѣ постройки обошлись въ 6,146 р. 8¹/₂ к. Заводъ пущенъ въ ходъ 19-го ноября 1704 г., сперва на мѣдь и потомъ на желѣзо. Въ

¹⁾ Виніусу поручено было также разобрать „свары“ между мастерами въ Невьянскомъ заводѣ, въ томъ же году отданномъ Никитѣ Демидову, и узнать на мѣстѣ, чѣмъ можно пособить новому заводчику.

первые годы дѣйствиѣ шло неуспѣшно: сосѣдніе башкирцы мѣшали добывать руду, сгоняли съ мѣсть рудокоповъ и выжигали заведенія на рудникахъ. Позднѣе, въ 1718 г., былъ заложенъ рудникъ Полевской въ 3 верстахъ отъ Гумешекъ. Со дня открытія дѣйствія къ 1720 году на этомъ заводѣ выковано желѣза 96,000 п., отлито воинскихъ припасовъ 10,000 п., и выплавлено мѣди (съ 1714 г.) 3,734 п.; мѣдь обошлась заводу по 1 р. 17 алт. и 2 деньги за пудъ, желѣзо 21 к., а чугуны по 5 к. за пудъ.

Еще въ Кунгуръ комиссаръ Бурцовъ доносилъ своимъ новымъ начальникамъ, что добыча мѣдной руды на Шиловской ямѣ идетъ малоуспѣшно за сильнымъ притокомъ воды въ выработки; ямы въ Гумешкахъ и Полевой стоятъ „впустѣ за башкирскимъ разореніемъ“ (въ 1718 г.); добыча руды начата на вновь открытой (въ 1720 г.) ямѣ у Подволочной деревни, но Акинфій Демидовъ послалъ туда же своихъ рабочихъ 20 челов. съ прикащикомъ, которые „казенныхъ людей съ мѣста согнали и копать руду имъ запрещали“; что приписные крестьяне отказываются строить струги, и металлы по этому не будутъ отправлены по Чусовой; такое же упорство оказываютъ крестьяне и на Алапаевскомъ заводѣ, отзываясь тѣмъ, что подъячіе и земскіе писари взыскали съ нихъ окладную подать и прочіе запросные сборы сполна, бездоимки за весь годъ, а для найма рабочихъ съ воли нѣтъ денегъ. Обо всемъ этомъ Татищевъ своевременно доносилъ Бергъ-Коллегіи, представляя вниманію оной, что хотя распоряженіе о подчиненіи ему Алапаевскихъ заводовъ вмѣстѣ съ Уктусскимъ ею упущено ¹⁾, но при всемъ томъ онъ, въ виду крайнихъ обстоятельствъ, послалъ туда 700 руб., на дѣло струговъ велѣлъ комиссару нанять рабочихъ съ воли, а для заложенія разработки новаго мѣднаго рудника послалъ на Уктусъ Павла Бривцина.

„Прибыли мы сюда (въ Уктусъ) 29-го дек. (1720 г.), писалъ Татищевъ въ Бергъ-Коллегію, и обрѣли здѣшніе заводы не весьма на удобномъ мѣстѣ, что за малостію воды съ нуждою 2 молота (а ихъ было 6) едва работать могутъ, и то съ немалымъ простоемъ, а домна и другіе молота все лѣто и зиму стоятъ, а другая домна, въ которой Ѳ. Молодой топилъ мѣдь и потерялъ мѣдныхъ рудъ 1,598 п. также стоитъ пуста, которую для обличенія его воровства до указа вашего передѣлывать не смѣемъ.

„Здѣшнія мѣдныя копи осматривали и обрѣли: на Шиловской горѣ руда идетъ жилою, но понеже копано весьма непорядочно, отъ незнанія выбраны ямы великія, и утвержденія (т. е. крѣпей) надлежащаго не учинено, а которыя Ѳ. Молодой дѣлалъ, и оныя паче во вредъ ²⁾, и надлежитъ выломать, отъ чего

¹⁾ Этотъ пропускъ Бергъ-Коллегія немедленно поправила.

²⁾ Годомъ ранѣе этотъ, изъ приставника низведенный въ мастеровые, въ виду трудности работъ въ ямѣ, вызвался поправить дѣло особымъ, имъ придуманнымъ способомъ, коимъ можно будетъ, „призвавъ Бога въ помощь“, управиться вмѣсто 100 только 30 рабочими, и, какъ оказалось, только испортилъ дѣло.

страхъ въ оныхъ работать; того ради намѣрены основать порядочную шахту; такожь и для отвода воды надлежитъ сдѣлать штольну или машину (насосъ), о чемъ прежде лѣта суще опредѣлить не можемъ, и доколѣ оное сдѣлано не будетъ, въ глубь итти невозможно, того ради работы остановили; въ Подволочной деревнѣ работаютъ непрестанно и признакъ есть добрый“¹⁾. Были осмотрѣны и Гумешевскія ямы. Объ нихъ Василій Никитичъ предоставилъ сдѣлать отзывъ Блюэру, но бергмейстеръ написалъ объ нихъ „пункты“, произведеніе, не отличающееся толковостью; по крайней мѣрѣ изъ нихъ нельзя составить себѣ яснаго понятія о природѣ сего замѣчательнаго мѣсторожденія; онъ велѣлъ только отставить отъ работъ занимавшихся тамъ изстари рудокоповъ братьевъ Бабиныхъ и ожидать прибытія новаго штейгера на мѣсто умершаго на пути въ Вологдѣ Шенфельдера. Крутая мѣра бергмейстера съ рудокопами не обошлась однако безъ приключенія: одинъ изъ братьевъ, Сергѣй Бабинъ, „выйдя изъ приказной избы, сказалъ про бергмейстера, что и прежде здѣсь бывалъ“²⁾ и ничего не сдѣлалъ, а нынѣ де какъ они (Бабины) руды размножили, ихъ отставилъ, и по тѣмъ словамъ я (Татищевъ) велѣлъ его допросить“. Бергъ-Коллегія приказала Сергѣя Бабина „за его невѣжество, что онъ бергмейстеру афронтъ учинилъ“, высѣчь батогами. Но виновный рудокопъ, услышавъ о пришедшей „милостивой“ резолюціи, предпочелъ убѣжать. Мы скажемъ, что онъ былъ одинъ изъ первыхъ, открывшихъ „чудскія копи“ на Гумешкахъ, копалъ руду и плавилъ мѣдь. Не его вина, если искусственныя приспособленія того времени не позволяли иначе вести разработку, какъ ямами съ поверхности.

Личный обзоръ въ Уктусѣ могъ привести новаго начальника только къ убѣжденію, что заведенныя тамъ горнозаводскія устройства съ успѣхомъ дѣйствовать не могутъ, и необходимость поставитъ ихъ въ новыя, лучшія условія была очевидна. Ближе познакомясь съ мѣстною природою, Татищевъ попалъ на весьма вѣрную мысль, которая, однакожь, сначала не была принята Бергъ-Коллегіею, и ею отклонена, и только благодаря энергической настойчивости его, была приведена въ исполненіе спустя 1½ года, и не имъ, а генераль-маіоромъ Дегеннинымъ. Татищевъ предложилъ перенести заводъ съ рѣчки Уктуса, притока рѣчки Исети, на эту рѣчку, какъ болѣе обильную водою. Желая это предпріятіе обсудить со всѣхъ сторонъ, онъ пригласилъ на совѣтъ, кромѣ своихъ заводскихъ мастеровъ, шведскихъ военно-плѣнныхъ:

¹⁾ Объ этомъ мѣсторожденіи и былъ споръ между казною и Демидовымъ. Но несомнѣнно тутъ право было за казною мѣсторожденіе это открыто было казенными крестьянами Агеемъ и Алексѣемъ Селиными, и ими заявлено въ апрѣлѣ 1720 г. комиссару Уктусскаго завода, который, по удостовѣреніи въ добротѣ рудъ выдалъ имъ въ награду за открытіе 4 руб. Значитъ Акинфій Демидовъ послалъ своихъ рабочихъ на готовое мѣсто, и Бергъ-Коллегія справедливо отказала ему.

²⁾ Блюэръ былъ посланъ на Уралъ для развѣдокъ въ 1713 году, пробылъ тамъ короткое время и вернулся, не оставивъ никакого слѣда отъ своей поѣздки.

ритмейстера Шенстрема и оберъ-фейерверкера Шульца, находившихся въ то время въ Соли-Камской; былъ вызванъ также Берглинъ изъ Кунгура. Объяснивъ невыгодное положеніе Уктусскаго завода, Татищевъ представилъ Бергъ-Коллегіи о задуманномъ имъ планѣ слѣдующее:

„Изволите усмотрѣть, что прибытка настоящаго по трудамъ уповать невозможно, и понеже Государственная Коллегія высокою своею милостію, хотя не по моему уму и достоинству, повѣрила мнѣ размноженіе государственныхъ прибытковъ и положила на мое разсужденіе съ обѣщаніемъ высокія Его Царскаго Величества милости, которыя по должности моей заслужить всѣми мѣрами до послѣдней возможности желаю. Видя наипаче великую прибыль въ желѣзѣ, намѣренъ построить новые желѣзные заводы, для чего нашелъ р. Исеть, весьма къ тому способную; того ради призвавъ всѣхъ мастеровъ и пригласивъ изъ Соли-Камской ритм. Шенстрема, который въ Швеціи имѣетъ собственные желѣзные заводы и въ томъ дѣлѣ искусенъ, да для учиненія чертежей (ландкартъ) здѣшнимъ заводамъ и слободамъ оберъ-фейерверкера Шульца, и совѣтовавъ съ ними, ѣздилъ по этой рѣкѣ мѣста осматривать, и обрѣли отсюда (отъ Уктуса) въ 7 верстахъ мѣсто, положеніемъ береговъ и довольствомъ лѣсовъ, весьма удобно и руда ближе на половину пути, и по разсужденію мастеровъ возможно на ономъ построить 4 домны и 40 молотовъ (кричныхъ), изъ которыхъ 20 мол. и въ самую сухую пору работать могутъ и понеже весна приспѣваетъ, того ради опасаясь упустить время всепокорнѣйше прошу Бергъ-Коллегію прислать указъ на оное строеніе чрезъ нарочнаго курьера; деньги по примѣру надобно до 25 тысячъ руб., но не вдругъ“.

Эта вѣрная и превосходная мысль такъ занимала Василія Никитича, что онъ въ тотъ же день (6 февраля) послалъ въ Бергъ-Коллегію второе доношеніе слѣдующаго содержанія:

„И ежели Государственной Коллегіи сумнительно явится о прибыткахъ сего новаго завода за неяснымъ обстоятельствомъ на многое требованіе, которое за краткостію времени изъяснить не могъ, того ради немедленно пришлю яснѣйшее дополненіе. Обаче же моей вѣрности доношу и увѣряю, что все положенное на оное иждивленіе (расходы), ежели что нечаянное не превредитъ, заплатится въ 5 лѣтъ, или даже ближе, а потомъ повсягодно ставить желѣза на пристань до 200 тысячъ пудовъ, которое цѣною высшею неболѣе 20 коп. станетъ, а продавать здѣсь можно по 40 коп. за пудъ, въ чемъ ясный прибытокъ“. Но къ удивленію Бергъ-Коллегія положительно отклонила планы Татищева, приведя „резоны“, которые нельзя назвать толковыми: „желѣзныхъ заводовъ вездѣ довольно (это у насъ и въ то время?) и лучше заводить серебряные, сѣрные и квасцовые, да лѣсъ подъ Уктусомъ надобно беречь“. Оба доношенія Татищева (отъ 6 февраля 1721 года) получены въ Бергъ-Коллегіи 22 марта, и ровно черезъ 2 мѣсяца (22 мая) отвѣтъ ей пришелъ въ Уткусь.

Татищевъ былъ до того увѣренъ въ согласіи Бергъ-Коллегіи съ своими предположеніями, что раннею весною заготовилъ для построекъ лѣсъ, и даже срубилъ и поставилъ на новыхъ мѣстахъ нѣсколько избъ для жилья. Остановивъ начатыя работы, Василій Никитичъ возобновилъ свое ходатайство, представивъ вниманію Бергъ-Коллегіи слѣдующіе, весьма уважительные доводы (отъ 2-го іюня того же 1721 года):

„Если несогласны на учрежденіе новаго завода въ большихъ размѣрахъ, то повелите на Исети хотя малый (заводъ) построить: 2 домны, 4 молота и лѣсопильную, а на Уктусѣ желѣзное производство снять вовсе, оставивъ тамъ однѣ мѣдноплавильни по нижеслѣдующимъ причинамъ:

1) домны здѣсь развалились такъ, что необходимо ихъ разобрать и скласть за-ново, того ради убытокъ (т. е. расходъ) надобенъ во всякомъ случаѣ;

2) вода здѣсь (въ рѣкѣ и прудѣ) такъ мала, что лѣтомъ ни единый молотъ безъ перемѣшки работать не можетъ, и плотина для копленія воды надъ-мѣру высоко построена, отъ чего часто вредится. На Исети же безъ копленія воды во весь годъ на 10 молотовъ довольно будетъ, того ради плотина тамъ не въ высокую цѣну станетъ;

3) плотина здѣсь до основанія разорена, и если оставить здѣсь одно мѣдное производство, то не потребуетъ столь большаго строенія;

4) руды желѣзныя на 10 верстъ ближе къ новому заводу на Исети, чѣмъ къ Уктусу;

5) около Уктуса лѣсовъ вырублено довольно, а на Исети они не початы;

6) мѣдныя руды ближе къ Уктусу, того ради оставивъ тамъ мѣдную плавку, сохрятся лѣса“.

Бергъ-Коллегія на этотъ разъ не могла настаивать, уступила, и указомъ своимъ отъ 22 іюля опредѣлила: „желѣзный заводъ съ Уктуса перенести на Исеть, оставивъ тамъ одну мѣдную плавку, но работы начать не ранѣе, какъ по прибытіи въ Сибирь бергъ-совѣтника Михаэлиса“.

Черезъ полтора года проектъ Василя Никитича привелъ въ исполненіе генераль-маіоръ Дегеннинъ, и основалъ заводъ и крѣпость, назвавъ ее Екатеринбургъ въ честь Екатерины I.

И здѣсь, въ Уктусѣ, не обошлось для Татищева безъ розыскаго дѣла. Оно касалось томскихъ рудоискателей, явившихся въ Москву къ кн. Черкасскому съ кусками руды, и послужило къ открытію серебряной руды на Алтаѣ. (См. приложение 4).

Новые начальники поспѣшили отправиться на Алапаевскіе заводы и нашли ихъ еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ Уктусскій заводъ ¹⁾: „Обрѣли мы

¹⁾ Алапаевскій заводъ начать стронться по имянному царскому указу, по грамотѣ изъ Сибирскаго Приказа и по наказной памяти изъ Верхотурья отъ воеводы, стольника Алексѣя Калитина отъ 1-го марта 1703 г. Строилъ дворянинъ Михайло Бибииковъ. Работы велись кре-

6 4344
ихъ, пишетъ Василій Никитичъ, въ худомъ состояніи: лари текутъ, молоты за недостаткомъ воды, а домны безъ руды и угля стоятъ (безъ дѣйствія), строенія перегнили. Хотя къ заводамъ велѣно наряжать работниковъ изъ 8 слободъ Верхотурскаго уѣзда, но крестьяне за дальною ѣздою, паче же, что работа имъ въ платежи (податей и сборовъ) не засчитана, не слушаютъ. Посланныхъ нами изъ Кунгура комисару 700 руб. мало, и ими справиться нельзя. Приписные крестьяне непорядочно опредѣлены: которыя слободы сюда близки, тѣ приписаны къ Каменскому заводу, а къ здѣшнимъ приписаны слободы, лежащія за Каменскимъ заводомъ отсюда болѣе 130 верстъ, и отъ того людямъ тягость. У присмотра за заводомъ ларечный Лука Бурцовъ пьяница и дуракъ, строеній непотребныхъ завелъ, а нужныхъ не починивалъ, того ради по совѣту съ бергмейстеромъ его отставили и приказали до указа смотрѣть плѣнному шведу квартирмистру Біоркману, который поставленъ надъ плѣнниками лѣтъ семь, человекъ умный, въ заводскомъ дѣлѣ свѣдущъ, по-русски говоритъ и пишетъ, и хотя (я) его въ службу призывалъ, но онъ упросилъ видѣться съ тестемъ своимъ полковникомъ Гасфортомъ, а какъ возвратится сюда, чаю его уговорить не весьма за высокое жалованіе, едва не меньше штейгера (125 р.)¹⁾.

Свѣдѣнія эти о заводѣ, какъ видно, испугали Бергъ-Коллегію, и она не могла придумать ничего лучшаго, какъ предложить отдать Алапаевскій заводъ, по прежнему, въ вѣдѣніе губернской власти, а если сія послѣдняя несогласится на то, то Бергъ-Коллегія можетъ даже принудить ее царскимъ указомъ. Но въ то же время предложила: нельзя-ли отдать этотъ заводъ част-

стьянами „безъ платы и безъ зачота“. Было поставлено: 2 домны, 3 молота при 6 горнахъ; въ 1716 г. ниже завода на 5 верстъ было прибавлено еще два молота на запрудѣ по рѣчкѣ Толмачихѣ. Выковано желѣза: въ 1718 г. 6,880 п., въ 1719 г. 7,854 п. Кромѣ того на заводѣ отливались артиллерійскіе снаряды и даже пушки.

¹⁾ Въ Алапаевскомъ заводѣ были поселены съ 1711 года военно-плѣнные шведы въ числѣ 267 человекъ. Въ числѣ ихъ были: пасторъ Петръ Эльстремъ, 5 офицеровъ: Густавъ Біоркманъ, Симонъ Гольберъ, Андреасъ Шильдъ, Бенжаминъ Бривицъ и Андреасъ Бруссе; остальные—капралы, сержанты, рейтары и солдаты. Изъ офицеровъ 3 человекъ и нѣкоторые изъ солдатъ были съ своими женами; всѣхъ женщинъ было 10 и дѣтей 25 душъ. Два солдата перешли въ православную вѣру и писались русскими прозваніями: Ив. Егоровымъ и Алексѣемъ Тимофеевымъ. Нижніе чины отправляли работы: рубили дрова, выжигали древесный уголь, копали руду, за что давалось имъ по 35 коп. въ мѣсяць жалованья; впрочемъ, заводская работа для нихъ не была обязательна, и они могли наниматься въ оную за плату по обоюдному уговору. Зимой шведы не работали вовсе за „скудостію“. Всѣмъ имъ, не исключая женщинъ и дѣтей, отпускалось, независимо отъ работы, ржаной муки по 1½ четверика на душу въ мѣсяць. Нѣкоторые занимались мелкою торговлею, или заводили шинки; были и такіе, которые ушли безъ „указа“ и безъ „отпуска“ къ Никитѣ Демидову и поселились у него, въ числѣ 37 чел., въ особой „шведской“ деревнѣ, недалеко отъ Невьянскаго завода. Къ несчастію, изъ-за религіи плѣнникамъ не позволяли жениться на русскихъ, и женившихся даже разводили. Василій Никитичъ весьма сочувственно относился къ плѣнникамъ, многихъ приглашалъ на службу, исходатайствовалъ указъ, разрѣшавшій шведамъ жениться на русскихъ безъ перемѣны вѣроисповѣданія. По заключеніи мира почти всѣ плѣнники вернулись въ свое отечество.

нымъ людямъ въ содержаніе на ихъ собственный счетъ, но „безъ приписныхъ крестьянъ“. Спросили мнѣнія Татищева. Василій Никитичъ отвѣчалъ такъ: „ежели ихъ отдать въ „губернію“, то отъ непризрѣнія весьма разорятся, и прибытка никакого не будетъ, понеже опредѣленные отъ „губерній“ комисары въ рудныхъ дѣлахъ неискусны, къ тому же не имѣя охоты и попеченія лѣса рубятъ и руду копаютъ непорядочно“. Мысль Бергъ-Коллегіи отдать заводъ въ частныя руки Василій Никитичъ одобрилъ, но прибавилъ, что едвали найдутся „охочіе люди“ взять заводы „безъ крестьянъ“. Лѣтъ 8 ранѣе того Никита Демидовъ просилъ Алапаевскіе заводы взять на себя, причемъ въ своемъ прошеніи прямо заявилъ, что тѣ заводы, сами по себѣ, „ничего не значать“, но онъ могъ бы съ „довольствомъ“ воспользоваться приписными къ нимъ крестьянами и для своихъ Невьянскихъ заводовъ“.

На Уралѣ былъ еще одинъ заводъ, Каменскій, лежащій отъ Уктуса въ 85 верстахъ разстоянія на востокъ, оказавшій въ свое время Царю немалыя услуги отливкою чугунныхъ орудій. Такъ какъ заводъ этотъ оставался все еще въ вѣдѣніи губернской власти, то Татищевъ не ѣздилъ туда, и по слухамъ написалъ Бергъ-Коллегіи о положеніи его слѣдующее: „Хотя мы завода того не осматривали, однако слышимъ, что отъ небреженія весьма развалился, а по разсужденію мастеровъ возможно оный малыми деньгами исправить и въ состояніе доброе привести, и потомъ добрый прибытокъ уповать, того ради разсуждаемъ, ежели изволите за благо признать оный заводъ со всѣми принадлежностями къ своему управленію, а мы здѣсь трудъ ко исправленію прилагать будемъ, понеже наша въ томъ повинность есть“. Но это предложеніе еще болѣе испугало Бергъ-Коллегію, и она поспѣшила отписать Татищеву, чтобы онъ Каменскій заводъ: „отнюдь подъ свое правленіе не бралъ“ до указа, а если что можетъ касаться къ улучшенію его хозяйства, то донести отъ себя прямо губернатору. И дѣйствительно, когда Татищевъ, въ мартѣ мѣсяцѣ 1721 г., съѣздивъ въ Тобольскъ и съ разрѣшенія губернатора осмотрѣлъ на обратномъ пути Каменскій заводъ, то и здѣсь, какъ и вездѣ, преподаль основательный совѣтъ: закрыть на немъ выдѣлку желѣза и обратить все дѣйствіе исключительно на выплавку чугуна и отливку пушекъ за „скудостію лѣсовъ“. Къ тому же, передъ самымъ пріѣздомъ Татищева, всѣ молотовыя амбары въ заводѣ со всѣми устройствами сгорѣли „безъ остатка“. Позднѣе этимъ совѣтомъ воспользовались и Каменскій заводъ остался до нашихъ дней специально пушечно-литейнымъ.

Отправивъ доношеніе свое въ Тобольскъ къ губернатору (кн. А. М. Черкасскому), Василій Никитичъ снова предложилъ Бергъ-Коллегіи не оставлять заводъ въ рукахъ губернской власти. Онъ особенно нападалъ на подъячихъ, „преданныхъ своимъ корыстямъ, а не государеву добру“. Одинъ изъ подъячихъ оказалъ ему даже грубость, оказавъ, что „тебѣ здѣсь дѣла нѣтъ, убирайся откуда пришолъ“. Въ то время заводомъ управлялъ комиссаръ Фефи-

ловъ: „человѣкъ не глупъ, но молодъ, у дѣлъ прежде не бывалъ, но при-
выкнуть, можетъ“ прибавляетъ Татищевъ.

Но не одна техническая сторона требовала новыхъ, сильныхъ мѣръ къ прочному водворенію горнозаводства въ краѣ: настояла нужда ввести порядокъ во внутреннемъ управленіи, установить хорошее хозяйство, обезопасить край отъ нападений сосѣднихъ башкирцевъ, жившихъ недалѣе 40 верстъ отъ Уктуса. Этотъ полудикій народъ дѣлалъ частые набѣги, грабилъ и разорялъ заводское и слободское населеніе, выжигалъ заводскія устройства. Также необходимо было установить лучшій распорядокъ въ приписныхъ къ заводамъ слободахъ, привести въ извѣстность и раздѣлить по категоріямъ населеніе въ самыхъ заводахъ, состоящее въ большей части изъ пришлыхъ, вольныхъ, гулящихъ и бѣглыхъ тяглыхъ людей. Тутъ Татищевъ показалъ свои замѣчательныя организаторскія способности и развилъ удивительную дѣятельность. Онъ видѣлъ, что на заводахъ и въ слободахъ нѣтъ надежныхъ приставниковъ; одного комиссара въ Уктусѣ (Тимофея Бурцова) онъ нашелъ человѣкомъ годнымъ; пріѣхавшій съ нимъ изъ С.-Петербурга бергъ-шрейберъ Патрушовъ, пожалованный въ бергъ-фохты „по саксонскимъ правамъ“, былъ нуженъ для счетоводства и содержанія казны, да притомъ по лѣтамъ и увѣчью былъ „человѣкъ скорбенъ“ (больной). Василій Никитичъ просилъ Бергъ-Коллегію о присылкѣ къ нему въ Сибирь нѣсколькихъ человѣкъ изъ дворянъ, но Бергъ-Коллегія посоветовала ему только пригласить изъ мѣстныхъ дворянъ „людей добрыхъ и заобычныхъ“. Поэтому, онъ обратился къ лучшимъ средствамъ, бывшимъ у него подъ руками. Мы видѣли, какъ онъ выписалъ чрезъ воеводу Соли-Камской двухъ шведовъ Шенстрема и Шульца. Но изъ нихъ перваго онъ не могъ держать и отпустилъ, подаривъ ему „косякъ“ камки и 6 р. деньгами. Шульца онъ оставилъ при себѣ и поручилъ ему снять съ натуры и нанести на планъ мѣстности всѣхъ заводовъ, не исключая и Невьянскаго (Демидова), съ принадлежащими къ нимъ слободами, а „наипаче рѣки, озера, рудныя мѣста и лѣса“, осмотрѣть, описать и сдѣлать всему чертежъ, причемъ на дорогу выдалъ 5 руб., кромѣ разумѣется подводъ. Шульцъ ѣздилъ по указаннымъ мѣстамъ, и въ декабрѣ 1721 года подалъ изготовленную имъ ландкарту въ 3-хъ экземплярахъ. За трудъ дано Шульцу 20 р. Въ бытность свою въ Тобольскѣ, Татищевъ пригласилъ въ горную службу нѣсколькихъ человѣкъ изъ находившихся тамъ дворянъ, боярскихъ дѣтей и подъячихъ. Тамъ же онъ встрѣтилъ дворянина Ѳедора Еварлакова, „который человѣкъ умный и въ Саксоніи не малое время бывъ и ѣздивъ по заводамъ, нарочно присмотрѣться могъ; къ тому умѣнье языковъ латинскаго и нѣмецкаго, немаловажную помощь подать можетъ, и понеже онъ сосланъ во дворяне, а не какъ прочіе ссылочные, того ради дерзаю объ немъ представить въ Государственную Коллегію, ибо подобнаго ему обрѣсти не могъ“¹⁾).

¹⁾ Но это ходатайство было нелегко исполнить, такъ какъ Ѳедоръ Еварлаковъ былъ замѣшанъ въ дѣлъ царевича Алексѣя Петровича, два раза подвергался пыткѣ, наказанъ кну-

Въ видахъ благоустройства заводскихъ округовъ Татищевъ, въ мартѣ 1721 года, отправился въ Тобольскъ для личныхъ объясненій съ Сибирскимъ губернаторомъ о разныхъ дѣлахъ. Здѣсь Василій Никитичъ подалъ князю А. М. Черкасскому очень подробное доношеніе, въ которомъ представилъ на вниманіе о дурныхъ послѣдствіяхъ распоряженія подьячихъ Губернской Канцеляріи о взысканіи окладныхъ сборовъ съ приписныхъ крестьянъ за 1720 г. Когда вышелъ указъ о зачисленіи ихъ въ вѣдѣніе Бергъ-Коллегіи, то Камеръ-Коллегія приказала составить обстоятельные именные списки и вѣдомости о сборѣ съ нихъ всѣхъ денегъ за 1719 годъ, не запуская въ доимку за прошлые годы, не принимая никакихъ отговорокъ, а сборщикамъ угрожая быть разорену до основанія“. Но вслѣдъ за этимъ законнымъ распоряженіемъ, подьячіе тобольскіе послали другаго человѣка съ указомъ, за подписаніемъ вице-губернатора Петрово-Соловова, чтобъ взыскать также всѣ подати и экстренные сборы съ тѣхъ же заводскихъ слободъ и за текущій 1720 годъ, причемъ строго было заказано взыскивать и за „пустоту“ (т. е. почему либо бывшихъ крестьянъ изъ слободъ). Вслѣдствіе такого распоряженія подьячихъ, когда приписныхъ крестьянъ потребовали въ заводскія работы, то они не пошли, отзываясь тѣмъ, что съ нихъ взысканы всѣ деньги ¹⁾). Татищевъ доносилъ губернатору: „отъ того на заводахъ не припасено ни угля, ни руды, денегъ нѣтъ для найма съ воли, мастеровые разбрелись, а надѣланное желѣзо не перевезено на пристань и лежитъ въ складахъ при заводахъ“. Далѣе, въ томъ же доношеніи Татищевъ просилъ губернатора: 1) не вызывать въ Тобольскъ къ смотру нѣтчиковъ, гулящихъ людей, нетяглыхъ бобылей, находящихся въ заводахъ у дѣлъ, такъ какъ иначе причинится заводамъ „сущее опустошеніе“; 2) лучше распредѣлить между заводами крестьянскія слободы по припискѣ ихъ, соображаясь съ близостью разстоянія; 3) о судныхъ и розыскныхъ дѣлахъ, также о бѣглыхъ солдатахъ и другихъ чиновъ бѣглыхъ людяхъ: куда ихъ для суда отсылать? и, наконецъ, 4) „напредь сего на Уктусскихъ заводахъ былъ проѣздъ изъ Казанской губерніи, съ Вятки и Кунгура, понеже тутъ ближайшій путь, также и слободскіе многіе крестьяне проѣзжали съ рыбою и съ хлѣбомъ на Кунгуръ и съ оныхъ сбиралась пошлина. А въ бытность губернатора князя Гагарина оный проѣздъ запрещенъ;

томъ и отправленъ въ ссылку. Бергъ-Коллегія представила объ немъ въ Сенатъ, который чрезъ кабинетъ-секретаря, Алексѣя Васильевича Макарова, довелъ ходатайство до свѣдѣнія Государя, и Петръ Великій, указомъ за собственноручнымъ подписаніемъ изъ Ротервика (Балтійскаго порта), разрѣшилъ принять Еварлакова въ службу на заводахъ. Но это случилось черезъ два года, когда заводами управлялъ Дегеннишъ.

¹⁾ Подьячіе, въ этомъ случаѣ, оказались вѣрными своей традиціи: они взымали со всѣхъ крестьянъ въ свою пользу негласный, но постоянный сборъ по 10 коп. съ двора, и когда увидѣли, что эта добыча ускользаетъ изъ рукъ ихъ навсегда, то пожелали оглодать косточку до конца.

а нынѣ многіе, не хотя ѣхать на Верхотурье, проѣзжаютъ здѣсь тайнымъ обычаемъ разными окольными путями, и казнѣ убытокъ и купцамъ не безъ нужды“. Татищевъ объ этомъ обстоятельстве доводилъ только до свѣдѣнія губернатора чтобы, въ случаѣ запроса со стороны таможенъ ему не было поставлено въ вину.

Князь Черкасскій отнесся къ Татищеву по всѣмъ его ходатайствамъ благосклонно, многія изъ поднятыхъ дѣлъ тутъ же рѣшилъ, о другихъ велѣлъ навести справки. Нѣтчиковъ, служившихъ на заводахъ, не велѣлъ требовать къ смотру. Судными дѣлами предложилъ было завѣдывать самому Татищеву, но онъ отказался, и тогда, по предложенію Бергъ-Коллегіи, опредѣленъ былъ на заводы особый судья изъ Надворнаго Суда, дворян. Венедиктъ Томиловъ съ подьячими. Это сдѣлано для избѣжанія дальней посылки подсудимыхъ изъ заводовъ въ Тобольскъ; велѣно только бѣглыхъ рекрутъ присылать въ Тобольскъ. Объ открытіи новаго пути князь Черкасскій велѣлъ подать особую записку: „возможно-ли оныя проѣзды утвердить“.

27 марта Татищевъ вернулся въ Уктусъ и тотчасъ занялся приведеніемъ въ извѣстность заводскаго и слободскаго населенія, съ „ихъ оклады и тяглы“. По указу изъ Губернской Канцеляріи, къ Алапаевскимъ заводамъ были приписаны три большія слободы: Невьянская, Арамашевская и Мурзинская съ 786 дворами, въ числѣ коихъ оброчныхъ крестьянъ было 221 двор., пашенныхъ 265 двор.; въ прочихъ дворахъ жили пришлые. Мастеровыхъ въ самомъ заводѣ считалось 54 человекъ и 3 бѣломѣстныхъ казака. Къ Уктусскимъ заводамъ приписаны были также 3 большія слободы: Арамилевская, Бѣлоярская и Камышинская и, сверхъ того, для строенія судовъ — Уткинская слобода на Чусовой. Въ 3-хъ первыхъ слободахъ по новой переписи (сдѣланной по распоряженію Татищева) нашлось 1373 двора, и въ томъ числѣ пришлыхъ, не вошедшихъ въ переписныя книги 1710 года 372 двора. Въ Уктусскомъ заводѣ нашлось 140 дворовъ и только въ нѣкоторыхъ изъ нихъ жили заводскіе мастера. Въ Уткинской слободѣ считалось 80 дворовъ съ населеніемъ 274 душъ м. п. и 266 душъ ж. п. Но что это были за люди и откуда явились? Когда строгіе указы о бѣглыхъ помѣщичьихъ и другихъ крестьянахъ дошли до Уктуса, то Татищевъ доносилъ Бергъ-Коллегіи, что указы трудно исполнить, такъ какъ всѣ жители пришлые и безъ отпусковъ и поселились въ краѣ болѣе 40 лѣтъ тому назадъ, а въ 1709 г. разорены и разогнаты башкирцами, послѣ того снова явились на прежнія жилища „съ приумноженіемъ“. Если выслать ихъ, то на заводахъ никого не останется, и работы должны закрыться. Татищевъ такъ описываетъ этихъ людей: „На Уктусѣ 140 дворовъ, которые торгомъ и заводскою работою кормятся, а въ казну ничего не платятъ. Полезно было бы, когда вновь поселившимся при заводахъ указные годы выйдутъ, положить на всякаго человека, не увольняя никого, окладъ противъ крестьянъ; ибо хотя они пашень не имѣютъ, но могутъ болѣе заработать, и чѣмъ болѣе окладъ, тѣмъ

полезнѣе, понеже здѣшній народъ такъ лѣнивъ, что, получивъ за денную плату 4 или 5 коп., лежитъ недѣлю, развѣ пропьетъ, или проиграетъ, или если ему сверхъ надлежащаго на день прибавятъ 1 коп., то онъ станетъ работать, но недолго“ Татищевъ хотѣлъ обложить ихъ небольшимъ оброкомъ по 1 р. съ двора на заводскіе расходы; но жители не соглашались платить, и чтобы „они не сошли къ Демидову, откуда выдачи не бываетъ“, оставилъ свое намѣреніе. Бергъ-Коллегія въ разрѣшеніи вопроса о заводскихъ обитателяхъ приказала держаться закона, недавно издавнаго (Бергъ-Привил. пунктъ 10): составить списки всѣмъ желающимъ поступить на заводы въ мастеровые для постоянныхъ работъ за плату, смотря по мастерству, и съ такихъ не брать никакого оброка и считать свободными отъ солдатской и матросской службы. Это—начало происхожденія особаго вида крѣпостныхъ потомственно заводскихъ мастеровыхъ съ обязательнымъ трудомъ: обыватель завода, разъ согласившись записаться въ мастеровые, уже не имѣлъ права отказаться отъ заводской работы за льготы по освобожденію отъ рекрутства, податей и сборовъ. Затѣмъ тѣхъ жителей завода, которые не пожелаютъ записаться въ мастеровые, Бергъ-Коллегія велѣла выслать немедленно по указамъ о бѣглыхъ. Безъ сомнѣнія эта мѣра болѣе всего помогла заводамъ къ увеличенію контингента обязательныхъ мастеровыхъ. Пришлыхъ, не вошедшихъ въ переписи (частныя) жителей слободъ, Бергъ-Коллегія велѣла включить въ число приписныхъ крестьянъ и обложить оброкомъ наравнѣ съ прочими приписными крестьянами. Но кромѣ этого осѣдлаго населенія являлось на заводахъ много воровъ, приводимыхъ челобитчиками, и бѣглыхъ солдатъ; съ ними Татищевъ не церемонился: держалъ ихъ до суда въ каторжной работѣ, съ платою по копейкѣ въ день.

Не менѣе дѣятельно Татищевъ занялся улаженіемъ отношеній съ башкирцами. Изъ разсказовъ стариковъ онъ могъ узнать о набѣгахъ башкирцевъ на русскія поселенія, о разбояхъ и постоянномъ воровствѣ ихъ. Еще недавно, въ 1718 г., они, набѣхавъ громадою на Полевскія мѣдныя копи, выжгли все строеніе, согнали рабочихъ людей и впредь промышлять на томъ мѣстѣ, а равно и на смежно лежащей копи Гумешевской запретили. Еще при самомъ отправленіи Татищева въ Сибирь Бергъ-Коллегія просила канцлера и Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ президента, графа Г. Н. Головкина, написать въ „Башкиры“: „когда они (Татищевъ и Блюэръ) придутъ туда, дабы о томъ башкирцы, татарове и прочіе народы были свѣдомы, и въ сысканіи рудъ запрещенія и противностей никакой не чинили, а чинили бы вспоможеніе и давали подводы, и о томъ дать Татищеву *откровенную грамоту* за государственною печатью, съ переводомъ на ихъ языкъ“. То же самое было повторено при другомъ случаѣ, при посылкѣ полковникомъ граф. Головкинымъ изъ Уфы поручика Данила Витковскаго съ штуфами заявленной башкирцами руды: „чтобъ они русскимъ искать руду не запрещали, хотя бы и въ

ихъ владѣніяхъ“. Воевода Уфимскій Бахметевъ разослалъ по всѣмъ башкирскимъ дорогамъ нѣсколько десятковъ экземпляровъ переведенной на татарскій языкъ Бергъ-Привиллегіи. Наконецъ Сенатъ опредѣлилъ: послать начальнымъ людямъ въ башкирахъ, батырямъ, царскую грамоту о томъ 9-го мая (1721 г.) Татищевъ на Уктусѣ получилъ эту грамоту, и тогда же отправилъ ее съ сержантомъ Пр. Сталовымъ, придавъ ему въ провозатые драгуна и „языка“ изъ татаръ, къ полковнику гр. Головкину, для врученія батырямъ, написавъ особо, съ приложеніемъ копии съ грамоты и Уфимскому воеводѣ. Оба начальствующія лица въ Уфѣ послали повѣстки по всѣмъ 4 башкирскимъ дорогамъ, чтобы батыри собрались въ Уфу для выслушанія царской грамоты. 7-го іюля явился къ гр. Головкину Чубарь Балагушевъ, батырь Сибирской дороги, Челжеутской волости, самый близкій и самый безпокойный сосѣдъ къ Уктусскимъ мѣдн. рудникамъ, съ товарищами изъ 7 человекъ. По выслушаніи грамоты батырь объявилъ съ подпиской, что онъ и товарищи его въ поискѣ рудъ и строеніи заводовъ никакого помѣшательства чинить не будутъ, служить Великому Государю готовы и присланнымъ отъ Бергъ-Коллегіи офицерамъ послушны будутъ. Башкиры просили гр. Головкина дать имъ въ провозатые драгуна, который проводилъ бы ихъ къ Татищеву для переговоровъ съ нимъ. Гр. Головкинъ вмѣстѣ съ тѣмъ писалъ Татищеву: „извольте, когда явятся къ вамъ башкиры, показать къ нимъ любовь, понеже они люди дикіе“. Къ этому онъ могъ бы прибавить, что они и очень лукавые. Дѣйствительно, капраль Христ. Шмитъ 27 іюля явился къ Татищеву и съ нимъ простой башкиръ Кульчура Кинзягуловъ съ 3-мя товарищами; самъ батырь почему-то не пріѣхалъ, а обѣщалъ быть послѣ. Татищевъ собирався выѣхать въ Кунгуръ иотложилъ разсмотрѣніе дѣла съ башкирами до своего возвращенія, надѣясь говорить съ самимъ батыремъ. Къ тому времени воеводы изъ Уфы послали для уговора съ батыремъ дворянина Дмитрія Гладышева, который, увидѣвшись сперва съ Татищевымъ, поѣхалъ къ башкирамъ съ уктусскимъ подъячимъ Кирилломъ Хамкинымъ. Что же вышло? Башкиры, прослушавъ читанные имъ указы, грамоту и Бергъ-Привиллегію, сказали: „напиши ты отъ насъ письмо къ своему капитану, чтобы онъ въ нашу вотчину для хмѣлевья и ловли птицъ и звѣрей своихъ людей не отпускалъ и дворами по Чусовой и Полевой рѣкамъ не селилъ“. Спрашивали у подъячаго указа, который разрѣшалъ бы русскимъ селиться въ ихъ вотчинѣ дворами, и угрожали, что если кого изъ русскихъ въ своей вотчинѣ на хмѣлевьѣ, или какомъ другомъ промыслѣ найдутъ, то ограбятъ ихъ до нага. Это было въ іюль. Наконецъ 10 августа явился на Уктусъ отъ батыря Чубара толмачъ Алка Тимофеевъ съ мірскими людьми, и передалъ Татищеву отъ своего батыря отписку: „чтобы по р. Чусовой, начиная съ верховья ея, по обѣ стороны, вплоть до деревни Кургана (ниже нынѣшняго Билимбаевского завода) русскихъ людей не селить, русскія поселенія у Багарядскаго озера и деревни Казариной снять и жителей выслать, или же платить имъ

оброкъ; межою своею вотчины башкиры считаютъ: отъ Багарядскаго озера къ вершинѣ Арамили, и отсюда прямо на дер. Курганъ“. Нѣсколько дней ранѣе тотъ-же батырь писалъ гр. Головкину въ Уфу, жалуясь, что русскіе люди, пермяки, селятся на ихъ вотчинѣ по р. Шушѣ. Татищевъ разумѣется не оставилъ безъ разъясненія всѣхъ хитростей батыря и отвѣчалъ гр. Головкину: „здѣсь о р. Шушѣ никто не свѣдомъ, и вѣроятно башкирцы разумѣютъ подъ ней Чусовую. Поселеніе по ней русскихъ сдѣлано свѣдома его, Татищева, и учинено во первыхъ: по челобитію крестьянъ Арамилской слободы, которые прежде башкирскаго бунта (1709 г.) жили въ тѣхъ мѣстахъ, были башкирцами разогнаны и скитались по разнымъ слободамъ, а какъ стали по указу о бѣглыхъ высылать ихъ на прежнія жилища, то они снова явились сюда и просились застроиться на прежнихъ своихъ жилищахъ; во вторыхъ: эти мѣста лежатъ въ самой близости мѣднорудныхъ ямъ (Гумешевской и Полевской), гдѣ необходимо возстановить работы и заложить вновь желѣзные и мѣдные заводы, а для нихъ потребны осѣдлые люди на мѣстѣ; къ тому же Чусовая рѣка никогда не была башкирскою, но вогульскою, и была отдана Строгоновымъ, которые разогнали вогуловъ, отъ устья до вершины со всѣми впадающими въ нее притоками; что оспариваемыя мѣста никогда не были заняты башкирцами, и самыя ближнія селенія ихъ отстоятъ отъ мѣста на 40 верстъ; въ третьихъ: мѣсто Косой-Бродъ, о которомъ наиболѣе татары спорятъ, выше и ниже его, до бунта, были русскія поселенія и пахали пашни, и понеже оный Бродъ только одинъ способнѣйшій, чрезъ который татары дѣлали свои набѣги на русскія слободы для воровства и разбоя, того ради пресѣкая оное, надлежитъ поставить карауль, ибо отъ башкирскаго воровства здѣшнія слободы весьма разоряются, и нынѣ еще не давно поймано такихъ воровъ 5 человекъ, которые и сидятъ здѣсь подъ стражей“. Татищевъ настаивалъ на заселеніи оспариваемаго мѣста для обезпеченія заводовъ отъ разбоя и желалъ сдѣлать это по обоюдному согласію, посылалъ два раза за батыремъ, чтобъ явился самъ, или послалъ изъ своихъ „кого умнаго“ для разграниченія земель, чтобы „добрымъ порядкомъ, съ удовольствованіемъ съ ними развестись“. Но батырь самъ не явился, и не посылалъ никого изъ своихъ, а сказалъ на словахъ: „что даетъ намъ волю въ землѣ искать, а поверхъ земли намъ дѣла нѣтъ, и я не разумѣю, какъ бы не начавъ сверху, итти въ глубь; притомъ тутъ нужны рабочіе люди, и для нихъ поселенія“. Татищевъ соглашался въ крайнемъ случаѣ за отстаиваемыя имъ мѣста платить кортомъ (башкирцы требовали съ крестьянъ 2 р.), но опасался, что это будетъ противно власти Государевой. Здѣсь замѣтимъ, что Чубаръ, чтобы показать свое усердіе къ интересамъ Царя, являсь въ Уфу для выслушанія царской грамоты, принесъ и подалъ гр. Головкину нѣсколько кусковъ мѣдной руды, найденной имъ будто бы въ своей вотчинной землѣ по р. Шушѣ (т. е. Чусовой). Гр. Головкинъ послалъ руду въ Бергъ-Коллегію, которая, найдя ее очень богатою, съ признаками даже золота, велѣла Татищеву рудныя мѣста осмотрѣть

и описать, и если руда и ея мѣстороженіе окажутся пригодными, то возить ее для плавки на Уктусь, или поставить на самомъ мѣстороженіи заводы, или наконецъ отдать въ промыселъ частнымъ „охочимъ“ людямъ. За объявленіе о рудѣ она велѣла выдать Чубару награду. Татищевъ, знакомый уже съ рудными мѣстами, полагалъ, что руда принска Чубара взята имъ изъ ямъ на Полевой, гдѣ, прежде того, до него, въ 1718 г., обрѣтены были два рудныя мѣста, построены избы и начата даже добыча руды, но что въ томъ же году башкирцы выжгли все строеніе, ямы зарыли, людей прогнали; что Татищевъ, по приѣздѣ своемъ, желая снабдить Уктусскія мѣдныя плавильни рудою, началъ снова разработку на тѣхъ двухъ ямахъ, поселилъ даже нѣсколько крестьянскихъ семей, на Чусовой, выше Красной горы, противъ Косаго Брода. Но 3 авг. наѣхало на поселеніе 30 чел. башкирцевъ (и съ ними два русскихъ, вѣроятно бѣглецы солдаты), ограбили ихъ, выгнали и погрозили всѣхъ побить до смерти, а дворы и сѣно выжечь. И это случилось во время самыхъ переговоровъ. Тогда Татищевъ, извѣстивъ о новомъ разбойническомъ набѣгѣ башкирцевъ гр. Головкина, письмомъ отъ 6-го сентября, просилъ его содѣйствія положить конецъ вовсе не двусмысленному поведенію полудикихъ вотчинниковъ, прислать въ посредники для переговоровъ съ ними кого либо изъ своихъ офицеровъ. Гр. Головкинъ нашель отговорки батыря „скрытными“ (хитростными) и послалъ туда дворянина Гладышева, вмѣнивъ ему въ обязанность привести башкирскихъ вотчинниковъ „къ лучшему послушанію“, и послалъ къ нимъ послушный наказъ. 14-го дек. Гладышевъ былъ у башкирцевъ, говорилъ съ ними, но они ѣхать на мѣсто размежеванія отказались, и вручили ему только слѣдующій приговоръ за своими руками: „Косаго Брода на Чусовой русскимъ не отдавать, а дать по оной же рѣкѣ два мѣста для поселенія двухъ деревень съ земельными угодьями, и для размежеванія явиться весною будущаго (1722 г.) къ кап. Татищеву“. Но дѣло это кончилъ уже де-Геннинъ.

Не безынтересно знать, въ виду такого положенія края, какія средства имѣлись подъ руками для безопасности заводовъ и слободъ? Татищевъ нашель тамъ сотню драгунъ, полукрестьянъ—полусолдатъ, въ самомъ жалкомъ видѣ на нихъ не было не только оружія, но даже аммуничныхъ принадлежностей. Понятно, такое войско не могло внушить страха даже полудикимъ башкирцамъ. Василій Никитичъ прежде всего самъ былъ военнымъ человѣкомъ и глазъ его не могъ терпѣть подобнаго безпорядка. Драгуны выбирались изъ тѣхъ же слободскихъ крестьянъ по рекрутству, жили по 4, 10 и 20 чел. въ разныхъ слободахъ; драгуны сперва получали жалованье по 4 р. въ годъ, но впослѣдствіи были посажены на пашни, съ которыхъ тягла въ казну не платили, но запросные по разнымъ случаямъ сборы съ нихъ взыскивались наравнѣ съ крестьянами (сумма такихъ сборовъ приходилась съ души по 1½ р. въ годъ); лошадей и аммуницію обязаны были заводить на свои деньги; офицеровъ е было, а въ прапорщики и урядники выбирались изъ ихъ же

среды люди неграмотные и съ воинскими порядками вовсе незнакомые. Бергъ-Коллегія по ходатайству Татищева запросные сборы съ нихъ сняла, разложивъ ихъ на прочихъ крестьянъ, „яко ими охраняемыхъ“, велѣла спить имъ мундиры синіе съ красными обшлагами; фузеи, тесаки и пистолеты выписала изъ Москвы на казенный счетъ, и затѣмъ кожаные штаны, козловые сапоги и шляпы завести на свой счетъ ¹⁾. Татищевъ собралъ ихъ для житья въ одну артель, сперва хотѣлъ поселить на Верхнемъ Уктусѣ, но потомъ за лучшее нашель поселить ближе къ „Косому Броду“, основавъ селеніе „Горный Щитъ“ (25 в. отъ Уктуса на югъ); дома для драгунъ срублены крестьянами. Татищевъ просиль прислать изъ служившихъ при полкахъ офицеровъ, хотя-бы за старостью уволенныхъ отъ службы; онъ и тутъ думалъ пригласить изъ военно-плѣнныхъ шведовъ, но найти охотниковъ было трудно, „ибо они обнадежены миромъ, да жалованье гарнизонное весьма скудное“.

Избравъ Уктусскій заводъ, какъ центральный пунктъ, главнымъ мѣстомъ своего пребыванія, и образовавъ управленіе подъ именемъ Сибирскаго Горнаго Начальства, Татищевъ возобновилъ свое ходатайство предъ губернаторомъ на этотъ разъ уже объ утвержденіи новаго тракта изъ Россіи въ Сибирь. Съ разрѣшенія Бергъ Коллегіи онъ уже поставилъ отъ Уктуса до Кунгура корчмы съ почтарями. Указный путь былъ чрезъ Верхотурье, и въ этомъ городѣ была учреждена таможня для взысканія внутреннихъ пошлинъ по торговому уставу. Но съ заселеніемъ Приуральскаго края жители проложили новый путь для торговыхъ сношеній чрезъ Кунгуръ, Уткинскую слободу, Уктусъ и Демидовскія слободы, и этимъ неуказнымъ путемъ, кромѣ мѣстныхъ жителей, пользовались и торговые люди, провозя свои товары тайно изъ Казани и Вятки въ Ирбитъ на ярмарку, и тѣмъ избѣгали уплаты довольно высокой пошлины (10 проц. съ товаровъ и денегъ). Татищевъ въ доношеніи своемъ предложилъ поставить таможенные заставы: въ Горномъ Щитѣ ²⁾, Каменскомъ заводѣ и въ одной изъ Демидовскихъ слободъ, именно въ селѣ Покровскомъ, какъ въ центрѣ лежащемъ; намѣченные пути расчистить, черезъ рѣки построить мосты и поправлять дороги ежегодно; всѣ прочія объѣзжія дороги зарубить (завалить деревьями); на заставы назначить таможенныхъ надзирателей, которые должны осматривать товары, взимать съ нихъ пошлины и выдавать купцамъ проѣзжія выписи съ обозначеніемъ какой товаръ везется, сколько и куда, и сколько взято пошлинъ; о

¹⁾ Ружья для драгунъ были выписаны изъ Москвы съ адъютантомъ Реслингомъ. Въ январѣ 1722 г. Татищевъ велѣлъ сержанту Сталову испробовать ихъ, и оказалось, что „фузеи безъ клейма, длиною и калибромъ неодинаковыя, у нѣкоторыхъ не просверлены запалы“. Прислано 100 фузей, изъ нихъ на пробѣ разорвалось 15, „опасно видимо чтобы въ рукахъ не разорвались“.

²⁾ Въ 3-хъ верстахъ отъ р. Чусовой, по сосѣдству съ башкирами. В. Н. хотѣлъ обставить эту мѣстность официальными лицами для того, чтобы обезопасить заводы отъ башкирскихъ набѣговъ.

новыхъ заставахъ дать знать по губерніи во всѣ города и пограничнымъ башкирскимъ“.

Предлагая этотъ планъ, Татищевъ привелъ нѣсколько примѣровъ проѣзда купцовъ съ товарами тайно чрезъ Демидовскіе заводы и слободы, минуя указный путь на Верхотурье. „Къ Демидову много ѣздитъ крестьянъ изъ ближнихъ уѣздовъ съ хлѣбомъ, но вмѣстѣ съ хлѣбомъ крестьяне могутъ провозить и товары, подлежащіе пошлинѣ. А теперь можно надѣяться, что никто стороннимъ путемъ проѣхать не дерзнетъ; такожъ и заставщики пошлину украсть не могутъ, понеже товары паки на мѣстѣ, гдѣ складываться будутъ, осмотрѣны будутъ противъ пропуску (выписи), и потому можно ихъ осмотра сличать. Купечество получить пользу на 40 проц., отъ чего пошлина и торгъ умножатся“.

Не получая долго отвѣта на свое предложеніе, Василій Никитичъ рѣшился съѣздить въ другой разъ въ Тобольскъ, гдѣ провелъ весь ноябрь. По возвращеніи своемъ въ Уктусъ, онъ получилъ наконецъ давно желанный указъ изъ Губернской Канцеляріи отъ 11-го декабря 1721 г. Къ удивленію Василія Никитича въ присланномъ указѣ сказано слѣдующее: „Прочія дороги, кромѣ Верхотурья, которыя проложены вновь въ Сибирь неуказными мѣстами, хотя можетъ быть оныя дороги въ проѣздѣ и способнѣе, но однакъ до указа Великаго Государя, по прежней граматѣ, присланной изъ Сибирскаго Приказа прошлаго 1704 года, *запретить, и тѣми дорогами съ товары и безъ товаровъ никому не ѣздить и не пропускать*. И для того на тѣхъ дорогахъ учинить крѣпкія заставы, а именно: по предложенію вашему въ Горномъ Щитѣ, на Федьковскомъ (Невьянскомъ) и Каменскомъ заводахъ, да сверхъ того предложенія въ Катайскомъ (острогѣ) и въ Долматовомъ Монастырѣ; чего ради опредѣлить на тѣ заставы за присягами: на Каменскій Ивана Арсеньева, въ Горное (Щитъ) Афонасія Козловскаго, на Федьковскій Якова Вистицкаго“. Указывалось на каждую изъ заставъ поставить по 15 драгунъ. Далѣе въ томъ же указѣ сказано: „а о проѣздѣ въ Сибирь кромѣ (т. е. помимо) Верхотурья, иными заповѣдными дорогами требовать указу изъ Государственной Камеръ-Коллегіи; а буде казанцы, уфимцы и кунгурцы, торговые люди, поѣдутъ на Ирбитскую ярмонку чрезъ слободы и заставы (новыя) тѣми дорогами, которыми напредъ сего ѣзживали и назадъ возвращаются, и тѣхъ торговыхъ людей, осматривая по выписямъ накрѣпко, съ товары ихъ пропускать, а паче того смотрѣть, чтобъ съ ними никакихъ заповѣдныхъ товаровъ и воеводскихъ знакомцовъ и людей ихъ отнюдь бы не было. А кромѣ той Ирбитской ярмонки чрезъ тѣ заставы иными дорогами казанскихъ, уфимскихъ и кунгурскихъ торговыхъ людей русскихъ и татаръ въ Сибирь и изъ Сибири не пропускать“. Разрѣшалось ѣздить по новымъ дорогамъ, разумѣется, съ осмотромъ на заставахъ, посланнымъ по казеннымъ дѣламъ.

Если планъ Татищева о новомъ трактѣ въ Сибирь не былъ принятъ

Губернскою Канцеляріей въ томъ смыслѣ, какъ онъ предложилъ, при всемъ томъ онъ добился до учрежденія заставъ и проѣзда по новой дорогѣ частнымъ торговымъ лицамъ съ нѣкоторыми ограниченіями.

На ходатайство свое по другому вопросу Татищевъ получилъ другой указъ, одновременно съ первымъ, отъ 8 декабря. По этому указу всѣ слободы приписныхъ къ заводамъ крестьянъ поступали въ его прямое распоряженіе, безъ всякаго вмѣшательства губернской власти. Въ указѣ говорилось слѣдующее: „Всякія В. Г. подати, окладныя и неокладныя, откупныя, и съ оброчныхъ статей, и по запроснымъ указамъ собирать, по переписнымъ книгамъ 1719 г., а камерировъ въ тѣ слободы для сборовъ не опредѣлять, для того, что по присланному В. Г. указу изъ Камеръ-Коллегіи велѣно къ тѣмъ заводамъ приписныя слободы отдать и съ оклады и тяглы тебѣ (Татищеву) и собирать подати тебѣ же, или кого ты отъ себя опредѣлишь, и то положить на счетъ Бергъ-Коллегіи“. Значитъ, смѣлое рѣшеніе Бергъ-Коллегіи о выдѣленіи приписныхъ крестьянъ изъ общей гражданской власти приведено въ исполненіе. Для взиманія податей и сборовъ во всѣхъ уѣздахъ Петръ Великій учредилъ, въ 1718 г., особыхъ должностныхъ лицъ, постоянныхъ, подъ именемъ *земскаго комиссара* и *земскаго писаря*, придавъ имъ нѣсколько надзирателей и сборщиковъ. Камеръ-Коллегія, въ томъ же году, составила подробныя инструкціи особо для земскаго комиссара и особо для земскаго писаря, которыми опредѣлялись точно обязанности каждаго изъ нихъ. Земскій писарь обязанъ былъ составить по переписямъ книгу, въ которой записать въ уѣздѣ, не минуя никого, съ обозначеніемъ имени, отчества и прозванія, и съ отмѣткою противъ каждаго, кто чѣмъ владѣеть, и какіе подати и сборы обязанъ нести. По этой книгѣ въ началѣ каждаго года земскій писарь долженъ былъ составить вѣдомость (вторая книга), гдѣ на одной страницѣ отмѣтитъ: съ кого и сколько приходится податей и сборовъ по всѣмъ статьямъ. Затѣмъ, взиманіе податей лежало на прямой обязанности земскаго комиссара, который на другой страницѣ той же вѣдомости отмѣчалъ своею рукой поступленія. Откупныя и торговыя статьи вѣдѣнію земскаго комиссара не подчинялись. Всѣ расчеты и отчеты, срочныя вѣдомости составлялъ земскій писарь. Земскому комиссару подчинялось, сверхъ того, назначеніе крестьянъ въ рекруты, смотрѣть за исправностью дорогъ и мостовъ, ловить и отсылать въ губернію бѣглыхъ солдатъ и воровъ, не вмѣшиваясь однако, въ судейскія дѣла, и наблюдать, чтобы крестьяне были обучены и наставлены страху Божию, добродѣтели, добрымъ поступкамъ, правдѣ, справедливости и любви къ ближнему, покорности и вѣрности Е. Ц. Величеству, крестьянскихъ дѣтей писью и грамотѣ обучать, воздерживать отъ всякаго плутовства, обмана, хуленія, прелюбодѣянія и всякаго содомскаго грѣха. Вмѣстѣ съ указомъ Татищеву были посланы и копіи съ инструкцій, и онъ, не откладывая далѣе, выбралъ лицъ на новыя должности въ свои слободы: на Уктусскія въ земскіе комиссары дворян. Ст. Неѣлова, какъ „опытнаго подъячаго, человека

добраго и не пьяницу“; въ земскіе писари опредѣлили изъ своихъ подъячихъ Кир. Хамкина, въ подчиненные комиссары Ѳед. Коченовскаго (прежде былъ казначеемъ на Уктусѣ), въ мостовые и лѣсные надзиратели дворян. Вас. Томилова. Алапаевскія слободы поручилъ вѣдать заводскому комиссару дворянскому сыну Ив. В. Абрамову, съ правомъ выбрать въ земскіе писари человека „годнаго“, ему въ помощники двор. Аф. Чернышева, и въ лѣсные надзиратели верхотурскаго дворянина Гавр. Албычева.

Сдѣлавшись такимъ образомъ полнымъ хозяиномъ въ заводахъ и приписныхъ слободахъ, Татищевъ старался насадить въ краѣ грамотность и завелъ въ немъ школы. Въ бытность свою въ Тобольскѣ (во второй пріѣздѣ), онъ писалъ Бергъ-Коллегіи: „здѣсь (въ Уктусѣ) въ школахъ 50 человекъ учатся разнымъ наукамъ: читать, писать, арифметикѣ и геометріи, и можно надѣяться (и болѣе): дѣтей боярскихъ въ здѣшнихъ слободахъ много, и ежели такихъ обучать, то весьма лучшую услугу отъ нихъ можно получить, чѣмъ (оставивъ) ихъ въ подлости; такожь охотно являются изъ Россійскихъ дворянскихъ дѣтей, отцы которыхъ здѣсь у дѣль, и я велѣлъ ихъ обучать до указа“. Бергъ-Коллегія однакожь опасалась своею властью распоряжаться дворянскими дѣтьми, такъ какъ они всѣ считались по спискамъ въ Военной Коллегіи и обязаны были явиться въ Москву къ „смотру“. Но Военная Коллегія написала, что по спискамъ ея тобольскихъ дворянскихъ дѣтей не значится. По представленію Татищева Бергъ-Коллегія разрѣшила завести школы въ Кунгурѣ и Уктусѣ, и онѣ дѣйствительно были тамъ открыты въ томъ же 1721 г. Въ Уктусской школѣ училъ шихмейстеръ Братцовъ, а въ Кунгурской Одинцовъ, оба изъ учениковъ Московской артиллерійской школы; они учили изъ-за должности. Татищевъ просилъ прислать изъ Тобольска учителей, человекъ двухъ или трехъ, но оттуда отвѣтили ему, что такихъ у нихъ нѣтъ. Посылая Одинцова изъ Уктуса въ Кунгуръ, Татищевъ далъ ему письменное наставленіе о порядкѣ школьнаго обученія, о надзорѣ за учениками, о пріученіи ихъ благонравію и вѣжливости. Эти школы были заведены главнымъ образомъ для приготовленія къ горной службѣ, и въ нихъ поступали преимущественно дѣти служащихъ на заводахъ; но не запрещалось поступать въ нихъ и постороннимъ, „взимая себѣ (учитель) за трудъ отъ родителей по возможности, а отъ неимущихъ ничего не требовать“. Учащимся въ школахъ сиротамъ и дѣтямъ бѣдныхъ родителей Татищевъ опредѣлил (24 іюня 1721 г.), съ разрѣшенія Бергъ-Коллегіи, давать каждому по 1½ п. въ мѣсяцъ ржаной муки, и по рублю въ годъ на платье, а тѣмъ, у которыхъ отцы зажиточные, либо находились при церквахъ, или въ заводской службѣ, и получали въ годъ болѣе 10 руб., ничего отъ казны не выдавать, пока не начнутъ учить тройнаго правила, тогда и имъ выдавать то же содержаніе, какое назначено сиротамъ. Въ Алапаевскомъ зав. и въ приписныхъ слободахъ Татищевъ велѣлъ завести низшія школы, требуя, чтобы церковники учили въ нихъ грамотѣ и Закону Божію, «хотя бы читать умѣли,

дабы ихъ (т. е. крестьянъ) подъячіе не могли обманывать, и въ томъ ихъ обнадежить, что оныя обученные въ солдаты и заводскую службу (т. е. въ работу) никогда взяты не будутъ, но всегда останутся въ слободскомъ управленіи». Учащіеся въ заводскихъ школахъ также были обнадежены, что ихъ въ солдаты, матросы и другія подневольныя службы никогда не отдадутъ. Въ Уктусѣ и Кунгурѣ школы были высшія; въ нихъ поступали грамотные, и преподавались ариѳметика и геометрія.

Явились къ Татищеву охотники завести частный рудный промыселъ. Кунгурскій крестьянинъ Гав. Соковнинъ просилъ и получилъ разрѣшеніе поставить молотовую фабрику подъ Кунгуромъ. Сынъ послѣдняго именитаго человѣка баронъ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ прислалъ Татищеву два доношенія: въ первомъ просилъ разрѣшить ему построить мѣдный заводъ на р. Яйвѣ въ своей вотчинной землѣ съ присылкою знающихъ дѣло мастеровъ, пока не выпишетъ для себя иностранныхъ. Въ другомъ доношеніи просилъ выслать съ казенныхъ заводовъ и слободъ бѣглыхъ крестьянъ его, «покинувшихъ свои дома отъ несноснаго тягла и смертнаго правеза». Но, какъ видно, Строгоновы не торопились водворить въ своихъ вотчинахъ горнозаводство, и оно заведено ими гораздо позднѣе ¹⁾.

Московскій дворянинъ Василій Абрамовъ и тобольскіе подъячіе Трофимъ Замошниковъ и Степанъ Неѣловъ составили два „компанства“ для разработки мѣдныхъ и серебряныхъ рудъ подъ Верхотурьемъ. На это Абрамовъ получилъ указъ изъ Бергъ-Коллегіи. Но оба „компанства“ даже не приступали къ пріискамъ и разошлись, признаваясь, что „денегъ на то не запасли, и въ компанствахъ заобычныхъ (знающихъ) людей къ тому дѣлу нѣтъ“. Бергъ-Коллегія приказала Татищеву отобрать у Абрамова грамату, а компанейщиковъ „съ товарищи“ передать въ Губернскую Канцелярію, дабы отъ нея не было нареканія, что подъ видомъ горнопромышленности держатъ праздно людей.

Посадскій человѣкъ Ѳедоръ Неклюдовъ, имѣвшій въ Камышловскомъ уѣздѣ салотопенное заведеніе, пріискалъ въ дачахъ Каменскаго завода, по р. Багаряку мѣдную руду, заложилъ шахту, завелъ плавильныя печи и получалъ мѣдь. И теперь видны остатки заведенія подъ именемъ Святочудовскаго рудника.

Но являлись и такіе „промышленники“, которые, подъ видомъ рудокопства, искали избытъ какой либо тягости, или пользоваться предоставленными горнымъ закономъ льготами, „тая свое безпутство“. Такъ, 19 января 1721 г. явился къ Татищеву на Уктусѣ подъячій архіерейскаго дома въ Казани, Михайло Сивилицинъ, подалъ нѣсколько рудныхъ кусковъ и просилъ снабдить

¹⁾ Дегеннинъ на землѣ Строгоновыхъ въ 1723 г. построилъ отъ казны Пыскорскій мѣдиплавильный заводъ. Тоже могли сдѣлать и постороннія частныя лица, такъ какъ въ то время дѣйствовалъ во всей силѣ законъ выдворенія землевладѣльцевъ.

его указомъ, „дабы ему позволено было вездѣ ѣздить свободно“. Но Васи́лія Никитича трудно было провести: онъ почему-то заподозрилъ въ промышленникѣ инья цѣли: „указъ выдалъ съ отмѣткою на немъ срока, когда Сивилицинъ долженъ явиться съ рудными знаками; и онъ, увидя ту помѣту, указа не взялъ, того же дня уѣхалъ, и знатно, что это человекъ плутоватый, и хотѣлъ съ онымъ указомъ ѣздить въ Башкирахъ для своихъ какихъ (либо) прихотей; въ поданныхъ имъ кускахъ никакой руды кромѣ песку не оказалось“. Другой примѣръ: промышленникъ крестьянинъ Строгоновыхъ Петръ Бакакинъ заинтересовалъ Татищева объявленіемъ о серебряной рудѣ, найденной будто имъ въ вотчинѣ своихъ господъ. Для указанія мѣста съ нимъ были посланы рудознатецъ Сергѣй Щелкуновъ и два солдата. Бакакинъ ничего не могъ показать и сослался на брата своего, Никиту Никифорова, жившаго въ селѣ Мулахъ. Щелкуновъ почелъ за лучшее взять обоихъ братьевъ съ собой въ Кунгуръ, и здѣсь, на допросѣ, Никифоровъ обличилъ Бакакина въ „воровствѣ“, что онъ ни въ какомъ родствѣ съ нимъ не состоитъ, что вѣрнѣе Бакакину нельзя, такъ какъ онъ заворовался у господъ своихъ и, бросивъ жену, бѣжалъ и женился на другой. Прикащикъ Строгоновыхъ не только подтвердилъ обличеніе, но и добавилъ, что Бакакинъ, бывъ посланъ прежнимъ прикащикомъ съ письмами къ господамъ въ Москву, на дорогѣ въ Воздвиженскомъ монастырѣ, назвалъ повѣреннымъ своихъ господъ, взялъ у монаховъ 140 руб. на покупку колокола и съ ними скрылся. Татищевъ засадилъ его въ острогъ, но Бакакинъ нашель возможность убѣжать¹⁾.

Явился охотникъ купить Алапаевскіе заводы и продажа ихъ могла состояться безъ затрудненій, такъ какъ Бергъ-Коллегія не знала что съ нимъ дѣлать, и совѣтовала Татищеву отдать заводы въ частныя руки. Строгоновскій

1) Лѣтописи Горнаго Архива наполнены подобнаго рода примѣрами. Явленіе ихъ совпадаетъ съ изданіемъ перваго горнаго закона. Бергъ-Привиллегія была переведена на нѣмецкій, татарскій и башкирскій языки, и разслана повсюду; воеводамъ приказывалось читать ее народу въ торговые дни на рынкахъ. Простые люди не пропустили мимо ушей статьи о льготахъ, какія предоставлялись объявителямъ о рудѣ, и вотъ явилось множество объявленій о разныхъ рудахъ, и преимущественно о серебряной, не рѣдко въ такихъ мѣстахъ, гдѣ нахождение ея и подозрѣвать нельзя (напримѣръ подь Москвою, въ Переяславлѣ Рязанской губ., въ Кіевской губ., на Дону); почти всѣ такія объявленія выходили изъ казармъ, или тюремъ. Солдаты и матросы въ такихъ случаяхъ поступали въ вѣдѣніе Бергъ-Коллегіи. Преступники въ тюрьмахъ при слушаніи приговора сказывали за собой „Государево слово и дѣло“, объявляли о рудѣ, и тѣмъ достигали почти всегда отмѣны приговора, иногда смертельнаго. Крѣпостные доносили на своихъ господъ въ утайкѣ рудъ, что влекло за собой „розыски“. Къ Дегеннину въ Кунгуръ прислали приговореннаго къ смерти преступника Сергѣя Маторыгина Безрукаго, „повинившагося съ пытки въ трехъ разбояхъ (убійствахъ) и одной татѣбѣ, и сказавшаго о серебряной рудѣ въ Тобольскомъ уѣздѣ“. Дегеннинъ нашель въ рудномъ кускѣ простой дресвяный камень, и донесъ о томъ Сенату. „И понеже нынѣ такихъ воровъ умножилось, что пріискавъ руду прежде пойдетъ на разбой, въ той надеждѣ, что хотя ихъ и поймають, то можетъ избавиться отъ смерти, и такимъ ворами не вѣрнѣе“. Сенатъ въ декабрѣ 1723 г. издалъ указъ: „рекрутовъ и матросовъ по допросѣ оставлять въ полкахъ и во флотѣ, а самихъ воровъ и разбойниковъ ко изысканію того на мѣста не посылать, и имъ не вѣрнѣе“

крестьянинъ Сидоръ Бѣлопашенцовъ подалъ Татищеву, въ декабрѣ 1721 г., доношеніе на имя Бергъ-Коллегіи, въ которомъ, упомянувъ, что заводы Алапаевскіе „остаются безъ призрѣнія и не обѣщаютъ казнѣ прибытка“, просилъ отдать ихъ ему въ вѣчное владѣніе съ мастеровыми и приписными крестьянами, обѣщаясь заплатить за строеніе, припасы и матеріалы въ теченіи 10 лѣтъ. Челобитчикъ до того времени былъ подрядчикомъ по отправкѣ казенныхъ металловъ по Чусовой и далѣе въ Москву, бывалъ на всѣхъ заводахъ и, какъ видно, зналъ очень хорошо хозяйственно-экономическія условія и положеніе ихъ; ему извѣстны были также всѣ условія дѣйствія и успѣха Демидовскихъ заводовъ. Прося Алапаевскіе заводы, Сидоръ Бѣлопашенцовъ обѣщалъ платить въ казну всѣ подати и сборы за приписныхъ крестьянъ, а „въ десятину за пользованіе лѣсомъ, рудою, камнемъ (горновымъ) и прочія потребности отдавать казнѣ отъ всякаго образца, или сорта литейнаго и кованнаго желѣза десятую долю“; съ проданнаго на волю метала обѣщалъ платить указныя пошлины; просилъ приписать къ заводамъ три слободы: Арамашевскую, Мурзинскую и Бѣлоярскую, „чтобы тѣхъ крестьянъ на Верхотурѣ ни въ чемъ не спрашивать, кромѣ разбоя и смертнаго убивства, потому что бѣгаютъ отъ воеводъ въ маломъ дѣлѣ по крестьянъ посылки и разоренія, а заводамъ остановка“, а Демидову указомъ запретить принимать крестьянъ тѣхъ слободъ на свои заводы. Бѣлопашенцовъ обѣщалъ усилить дѣйствіе заводовъ и даже построить новый въ той же чертѣ.

Татищевъ, желая оградить свои дѣйствія въ этомъ случаѣ, какъ и всегда, законностью, назначилъ торги, для чего разослалъ по слободамъ извѣщенія, а въ Горной Канцеляріи на Уктусѣ прибилъ объявленіе; о состояніи и дѣйствіи продаваемыхъ заводовъ составилъ записку. Оказалось, что въ 1720 году на тѣхъ заводахъ выковано 10,094 пуд. желѣза, и литья военныхъ припасовъ и котловъ 1,730 пуд.; расходовъ на то употреблено 1,985 руб., а по продажнымъ цѣнамъ выручено 4,475 руб.; значить, чистаго дохода заводъ принесъ во весь годъ 2,490 руб.; мастеровыхъ состояло въ работѣ 54 человекъ. Разумѣется, на торги никто не явился и пришлось уговариваться съ однимъ Бѣлопашенцовымъ. Татищевъ на уговорѣ предложилъ въ числѣ условій и слѣдующія: „платить въ казну всѣ прибыльные доходы, какъ съ новопробылыхъ крестьянъ (въ приписныхъ слободахъ), которые отдѣляются отъ отцовъ и братьевъ своихъ, такъ и оброки съ откупныхъ статей: питейной, таможенной и мельничной, съ наддачами“, и на заводы никакихъ пришлыхъ людей не принимать. Бѣлопашенцовъ, соглашаясь на всѣ предложенныя статьи, возразилъ только на двѣ, нами вышеприведенныя, и отвѣтъ его слѣдуетъ замѣтить: „Понеже Демидовъ платитъ съ приписныхъ своихъ деревень, съ таможенныхъ и прочихъ откупныхъ статей токмо такое число, какое прежде сего при отдачѣ было, а нынѣ слободы его и иные сборы развѣ вдесятеро умножились, такожь за солдатъ, матросовъ, и другихъ новоположенныхъ податей не платитъ, и отъ того есть ему, кромѣ

промыслу, прибытокъ великій; мнѣ же безъ поравненія съ нимъ сихъ пунктовъ обѣщать невозможно, ибо отъ того могу разориться“.

Татищевъ, представляя „уговоръ“ въ Бергъ-Коллегію, съ своей стороны соглашался на отдачу заводовъ Бѣлопапенцову, побуждая тѣмъ, что заводы эти обветшали и требуютъ денежныхъ затратъ для исправленія. При этомъ Татищевъ такъ выразился объ нихъ: „въ лѣтнее время на нихъ вода въ рѣчкѣ высыхаетъ, а зимою вся промерзаетъ“. Но тутъ самую важную статью составляли приписные крестьяне: Татищевъ зналъ, что Бергъ-Коллегія готова уступить заводы, но безъ приписныхъ крестьянъ, и чтобы заставить ее иначе смотрѣть на этотъ предметъ, онъ писалъ: „Что же деревень касается, о томъ мы довольно видимъ, что губернія изъ того имѣетъ немалый способъ избавиться отъ труда и недоборовъ, крестьяне-же безъ тягости зарабатывать могутъ; промышленникамъ же велика въ томъ помощь что ему работники, когда нужда позоветъ, готовы“.

Дѣло Бѣлопапенцова отослано было вмѣстѣ съ доношеніемъ Татищева отъ 3 іюня. Доношеніе пришло въ Бергъ-Коллегію 7 іюля, но при немъ уговорнаго дѣла не оказалось: его кто-то выкралъ. Подобная покража случилась также съ представленіемъ Татищева о ломкѣ горноваго камня въ Мурзинской слободѣ по поводу безпорядковъ въ добычѣ его мастеровыми, посланными Акино. Демидовымъ. Такъ дѣло Бѣлопапенцова и пропало ¹⁾.

Занимаясь самыми разнообразными дѣлами по благоустройству края и заводовъ, Татищевъ не упускалъ изъ виду и главной своей обязанности: привести техническія производства въ лучшее состояніе и поднять производительность ихъ. Въ желѣзныхъ рудахъ, конечно, не могло быть недостатка, но техника плавки ихъ и молотовое (кричное) производство стояли весьма низко. Годичная производительность въ обоихъ заводахъ желѣза не превышала 14 тысячъ пудовъ ²⁾. Въ годъ приѣзда Татищева (1720) выковано желѣза, благодаря его энергическимъ распоряженіямъ, на обоихъ заводахъ до 24 тысячъ п., а на 1721 г. онъ предполагалъ довести выковку до 30 тысячъ п. Видя неудовлетворительность техники, Татищевъ просилъ Бергъ-Коллегію пригласить молотовыхъ и доменныхъ мастеровъ изъ Финляндіи: „увѣдомленья отъ ротм. Шенстрома, что въ Финляндіи есть молотовые мастера славные, такожь и доменныхъ много, лучше даже шведскихъ; они обыкновенно дѣлаютъ изъ 13 п. чугуна 10 п. желѣза, а наши едва вполы, и понеже я

¹⁾ Алапаевскіе заводы были проданы въ царствованіе Елизаветы Петровны гвардіи маіору Гурьеву, но на иныхъ, невыгодныхъ для казны условіяхъ: казна, не получивъ въ теченіе 7 лѣтъ отъ Гурьева ни копѣйки, считала на немъ только долги, возраставшіе съ каждымъ годомъ, и вышла только тѣмъ, что явился новый горнозаводчикъ Сава Яковлевъ Собакинъ, перекупившій эти заводы съ обязательствомъ уплатить казнѣ все долги послѣдняго.

²⁾ Изъ 8 пудовъ руды получалось 4 п. чугуна и 2 п. желѣза; древеснаго угля выходило на каждый пудъ желѣза отъ 9 до 10 п. Оба завода (Уктусскій и Алапаевскій) въ 1718 году пострадали отъ пожаровъ, отчего въ послѣднемъ изъ нихъ сгорѣла „заводская изба“ (контора), со всеми дѣлами.

самъ свидѣтельствоваль, что вся сила состоитъ въ мастерствѣ, того ради нельзя-ли призвать ихъ сюда изъ Финляндіи“. Нуждаясь въ стали, Татищевъ писалъ въ Бергъ-Коллегію: „сталь здѣсь весьма плоха, и мастеровъ достать негдѣ, отъ чего здѣсь намъ великая остановка, ибо снасти (инструменты) въ работѣ не стоятъ“, и просилъ прислать стального мастера съ Олонца. Бергъ-Коллегія написалъ полковнику Дегеннину, коменданту и начальнику Петровскаго завода, но онъ отвѣтилъ, отъ 21 іюля, слѣдующее: „вѣрно прислать хотя русскаго мастера изъ обрѣтающихся на Олонецкихъ заводахъ и понеже здѣсь стального дѣла мастеровъ, которые бы знали (сами) собою сталь дѣлать, не обрѣтается, а сталь къ ружейному дѣлу дѣлаю я, только пруты тянетъ и разбираетъ иноземецъ одинъ съ русскими учениками, по моему объявленію (т. е. указанію), а безъ меня, собою, оный иноземецъ стали дѣлать не умѣетъ и русскіе ученики къ тому дѣлу еще не пріучились“.

Но Бергъ-Коллегія, одобряя дѣйствія Василя Никитича, особенно требовала развитія въ краѣ мѣдной плавки, и настоятельно приказывала подъ Кунгуромъ завести плавильни. На эти требованія Татищевъ отвѣчалъ (отъ 2 іюня) слѣдующее: „Кунгурское рудокопство не оплошностію нашею ничего прибытка не показало, но несчастіемъ такимъ, что нигдѣ постоянной руды обрѣсти не могли, однакожь труда нашего было и тутъ явлено безъ всякой лѣности, а главное нельзя было за зимнимъ временемъ порядочно мѣста осмотрѣть, къ тому же сначала и работать гдѣ и какимъ порядкомъ невозможно было опредѣлить; и хотя многіе знаки доброй руды нами пріисканы, но не войдя въ запасъ оною, плавильни заводить преждевременно считаемъ за великій убытокъ“.

По разработкѣ Кунгурскихъ мѣсторожденій мы можемъ указать на одно изъ самыхъ замѣчательныхъ распоряженій Татищева. Для успѣха онъ схватилъ весьма счастливую мысль, состоящую въ слѣдующемъ: „къ полученію прибытка и къ размноженію заводовъ не могли мы (Татищевъ и Блюэръ) лучшаго способа обрѣсти, какъ учредить (частныя) рудокопства такимъ образомъ, чтобы объявить всѣмъ тамошнимъ обывателямъ: ежели кто изъ нихъ мѣдную руду найдетъ, то бы оную копаль и привозилъ къ заводу, за которую руду имъ будутъ платить по добротѣ оной деньгами, и чрезъ такой случай уповаемъ не токмо тою покупкою прибыль получить, но и народъ въ охоту привести, чрезъ что могутъ и постоянныя руды обрѣстись“.

Этотъ превосходный планъ уже гораздо выше «приписки крестьянъ», онъ, одобренный Бергъ-Коллегіею, былъ принятъ заступившимъ мѣсто Татищева генер. Дегенниномъ, и имъ былъ примѣненъ. По практичности своей, планъ наилучшимъ образомъ согласовался съ свойствами мѣстныхъ рудныхъ мѣсторожденій, скоро принялся, вошелъ между окрестными жителями въ обычай и сохранился до нашего времени. Эти частныя рудокопства состояли преимущественно изъ крестьянъ, рѣдко изъ купцовъ; въ первое время въ составѣ ихъ находилось много башкирцовъ и татаръ, и мѣра эта до того при-

нялась между ними, что башкирцы и крестьяне просили учредить школу, гдѣ преподавалась бы наука о „рудоконіи“, и они изъявляли даже готовность на содержаніе школы платить изъ зарабатываемыхъ ими денегъ по полупшкѣ съ пуда руды. Желаніе кунгурскихъ рудокоповъ исполнено Императрицею Екатериною II: она, указомъ 21-го октября 1773 года, учредила Горное Училище въ С. Петербургѣ, впоследствии Горный Институтъ.

Не оставилъ Татищевъ принять нѣкоторыя мѣры и къ огражденію лѣсовъ отъ истребленія. Въ одномъ изъ своихъ донесеній онъ писалъ Бергъ-Коллегіи: «Меня ничто такъ не страшитъ, какъ непорядочные поступки съ лѣсомъ и великое небреженіе; заводы хотя малые, но уже кругомъ версть на 5 и болѣе обрублены; Каменскіе весьма опустошены. Я опредѣлилъ лѣсообъѣздчиковъ, дабы лѣсъ ни на какое строеніе безъ указа рубить не давать, а по указамъ отводить въ 10 верс., на дрова брать пни и валежники; тоньше 4-хъ вершковъ не рубить, а если надобность въ нихъ, то колоть большія деревья на 6 и 8 частей, и ихъ употреблять на заборы, огороды и анбары; но лѣность и небреженіе здѣшнихъ жителей, паче же Демидова чрезвычайная многовредительная вольность творить много непокорливыхъ, и хотятъ уйти къ нему». Въ видахъ сохраненія лѣса Татищевъ писалъ въ Казань комиссару рудоконныхъ дѣлъ Аристову, чтобы онъ нанялъ и прислалъ на Уральскіе заводы черепичниковъ и каменотесцевъ, также мастеровъ, которые бы умѣли строить лѣсопильныя мельницы; онъ предполагалъ поставить лѣсопильню въ Уткинской слободѣ для распиловки бревенъ на струги.

Мы можемъ указать еще на другое, также весьма хорошее распоряженіе Татищева по ломкѣ необходимаго для заводовъ горноваго огнеупорнаго камня на лещади къ доменнымъ печамъ. Такихъ свойствъ камень найденъ былъ въ самомъ началѣ построенія заводовъ на Точильной горѣ, въ чертѣ Мурзинской слободы, на Государевой землѣ, и для добычи его каждый заводъ посылалъ своихъ рабочихъ. Мастера, посланные для этой цѣли Бурцовымъ съ Уктуса и Алапаева (въ апрѣлѣ 1721 г.), жаловались, что «на то мѣсто пріѣзжаютъ отъ Демидова многолюдствомъ и занимаютъ лучшія мѣста, гдѣ похотятъ, отгоняя ихъ, и отъ того въ добычѣ камня сталъ не порядокъ: Демидовскіе люди казенныхъ мастеровъ добывать камень не пускаютъ и чинятъ имъ обиды». На донесеніе Бурцова Татищевъ съ Блюэромъ (15 мая) приговорили: «учредить ломку горноваго камня на Точильной горѣ такимъ порядкомъ: опредѣлить туда одного мастера, да 2-хъ учениковъ въ помощь, послать къ нимъ рабочихъ 6 человекъ, или сколько потребуется, изъ крестьянъ Мурзинской слободы, ломать камень, съ обтескою (въ форму квадеровъ) и затѣмъ отпускать на всѣ заводы, казенные и промышленничьи, сколько который изъ нихъ потребуетъ, за деньги, во что обошлась добыча камня, ибо видно, что отъ небреженія много онаго теряется; смотрѣть, чтобы камня всегда было припасено довольно на удовлетвореніе потребностей всѣхъ заводовъ».

II.

Неудовольствіе Татищева на воеводу въ Вяткѣ и Соли-Камской. — Акинфій Никитичъ Демидовъ. — Столкновенія его съ Татищевымъ. — Грубости демидовскихъ прикащиковъ. — Жалобы Татищева Бергъ-Коллегіи. — Рѣшеніе ея. — Ироническое донесеніе А. Демидова Татищеву. — Выговоръ за то Демидову въ указѣ. — Прибытіе Никиты Демидова въ Невьянскій заводъ. — Смиреніе Демидовыхъ предъ Татищевымъ. — Татищевъ въ Невьянскѣ. — Его свиданіе съ заводчиками. — Десятина. — Перепись всѣхъ крестьянъ и рабочихъ на заводахъ Демидова. — Бергъ-совѣтникъ Михаэлисъ. — Его прибытіе въ Кунгуръ. — Татищевъ отправляется въ Москву съ дѣлами. — Занятія его въ Москвѣ. — Генераль-маіоръ Дегеннинъ назначается Петромъ управлять Уральскими заводами. — Ему поручается розыскъ надъ Татищевымъ. — Судъ. — Доносъ Никиты Демидова на Татищева. — Отъѣздъ Дегеннина и Татищева и прибытіе ихъ на Уралъ. — Отзывъ Дегеннина о мѣстномъ горнозаводствѣ. — Производство розыска. — Письмо Татищева къ графу Брюсу. — Дегеннинъ оправдываетъ Татищева. — Указъ Петра о назначеніи Татищева совѣтникомъ Бергъ-коллегіи. — Неправда Демидовыхъ. — Взысканіе съ нихъ Татищевымъ за „оболганіе“. — Царь посылаетъ Татищева въ Швецію.

Здѣсь мы должны отмѣтить, что въ неутомимой дѣятельности своей къ благоустройству заводовъ, Татищевъ, къ сожалѣнію, не нашолъ достаточнаго содѣйствія со стороны мѣстныхъ воеводскихъ властей, а ближайшій сосѣдь его, Акинфій Никитичъ Демидовъ, управлявшій Невьянскими заводами своего отца, оказалъ ему даже явное противодѣйствіе. О Вятскомъ воеводѣ Василии Ивановичѣ Чаадаевѣ Татищевъ писалъ въ Бергъ-Коллегію слѣдующее: „Видимо намъ, что доношенія наши чрезъ Вятку весьма надъ-мѣру умедлили, ибо оныя господинъ воевода получилъ отъ насъ въ мартѣ, а онѣ 15 іюня еще не получены вами, въ чемъ намъ не безъ сумнѣнія; также и векселя Строгоновыхъ на Вяткѣ не малое время удержаны, отъ чего здѣсь случилась остановка“. ¹⁾ Дѣйствительно оказалось, что шесть доношеній, отпра-

¹⁾ Александръ Григорьевичъ Строгоновъ, сынъ послѣдняго именованнаго челоука Григорія Дмитриевича, узнавъ, что изъ Петербурга должны выслаться въ Сибирь деньги (3 тысячи рублей), предложилъ, во избѣжаніе издержекъ на пересылку ихъ черезъ нарочнаго курьера, замѣниться съ уплатою Татищеву въ Кунгурѣ чрезъ прикащиковъ на своихъ солеварняхъ.

ленныхъ Татищевымъ въ разное время, пришли въ Бергъ-Коллегію всё вдругъ, въ одинъ день; а три дѣла, очень важныя, одно объ отдачѣ Алапаевского завода въ частныя руки (крестьянину Сидору Бѣлопащенко) и два другія съ жалобой на самовольство Демидовскихъ прикащиковъ и на некрасивыя выходки самого Акинфія Демидова, Бергъ-Коллегія не получала вовсе, и гдѣ онѣ потерялись — осталось не раскрытымъ. Встрѣчались и такіе примѣры: Бергъ-Коллегія послала къ Татищеву очень важные указы съ нарочнымъ курьеромъ, школьникомъ Одинцовымъ. „И какъ поѣхалъ школьникъ изъ Казани, доносятъ В. Н., подѣ Арскомъ въ татарской деревнѣ Качалиной староста татаринъ, давъ ему подводы и выпустивъ изъ деревни, догналъ его на дорогѣ воровски, и оныя указы и посылки отбилъ у школьника“¹⁾. Воевода въ Соли-Камской князь Вадбольскій, за несодѣйствіе съ своей стороны въ посылкѣ крестьянъ на заводскія работы, былъ даже удаленъ Сенатомъ отъ должности. Вообще какая-то невидимая, но за всѣмъ слѣдящая рука „превреждена намъ“, какъ выражался Василій Никитичъ. По своей осторожности и чрезвычайной бдительности онъ не могъ подозрѣвать въ такихъ неблаговидныхъ поступкахъ кого-либо изъ своихъ подчиненныхъ; въ выборѣ ихъ онъ былъ очень разборчивъ. Впрочемъ виновники впоследствии сами собой сказались.

Но на Уралѣ Татищевъ встрѣтился съ инымъ человекомъ, чѣмъ воеводы, богатымъ и независимымъ, пріобрѣтшимъ въ краѣ между простымъ народомъ большую извѣстность. Это былъ Акинфій Демидовъ, старшій сынъ Никиты, управлявшій полновластно всѣми заводами своего отца и жившій почти безвыѣздно въ своихъ каменныхъ Невьянскихъ хоромахъ. Объ немъ Дегеннинъ, знавшій его лично, въ письмѣ къ Царю Петру отзывался такъ: „до сего времени (до пріѣзда Татищева на Уралъ) никто не смѣлъ ему, боясь его, слова выговорить, и онъ здѣсь поворачивалъ, какъ хотѣлъ“. О такомъ фактѣ, какъ посылка Татищева на Уралъ для оживленія угасавшихъ казенныхъ заводовъ, Демидовы, конечно, тотчасъ узнали, и несомнѣнно слѣдили за всѣми его дѣйствіями. Но Акинфій Демидовъ и прежде не хотѣлъ знать воеводу (тобольскихъ), и посланнымъ отъ нихъ съ указами прямо говорилъ: „у воеводы твоего одинъ указъ, а у меня въ рукахъ другой указъ Государевъ“, и всегда уходилъ отъ послушанія даже губернаторскимъ указамъ подѣ однимъ впрочемъ очень вѣскимъ предлогомъ „исполненія Государева дѣла по изготовленію корабельнаго желѣза“. Привыкшій ни во что ставить мѣстную власть и едва удостоивая вниманіемъ даже Сибирскаго губернатора, Акинфій Демидовъ не потрудился понять что такое В. Н. Татищевъ, и къ какимъ послѣдствіямъ можетъ повести его посылка на заводы; въ служебныхъ сношеніяхъ съ нимъ, по порученію Бергъ-Коллегіи, онъ не из-

¹⁾ Староста за свою дерзость жестоко поплатился: его выбили батогами и кнутомъ. Пакеты съ указами были отъ него отобраны и возвращены школьнику.

мѣнили своихъ старыхъ привычекъ „поворачивать какъ хотѣлъ“, и поступалъ съ нимъ грубо и высокомерно. Не скоро замѣтилъ онъ, что тутъ встрѣтилась сила съ силой, не хотѣлъ уступить и столкновения между ними были неизбежны.

Разработка архивныхъ источниковъ доказываетъ до очевидности, что всѣ дѣйствія Татищева въ столкновенияхъ съ Демидовыми были строго законны и справедливы; въ нихъ невидна никакихъ своевольныхъ притязаній: В. Н. охранялъ только интересы казны, хотѣлъ ввести порядокъ въ краѣ, обуздать своеволие и произволь. Доводя до свѣдѣнія Бергъ-Коллегіи о грубыхъ выходкахъ Демидовскихъ прикащиковъ, поощряемыхъ къ тому, конечно, примѣрами самого хозяина своего, онъ просилъ только: „Пожалуйте насъ, извольте рѣшить, и ежели намъ до того дѣла нѣтъ, то мы довольны вашимъ опредѣленіемъ; если же они (Демидовы) то сдѣлали противъ правъ и печатной (Бергъ) привилегіи, просимъ о судѣ, оставя упоминать многія прочія противности“.

По поводу захвата Акинфіемъ Демидовымъ вновь открытаго мѣднаго рудника у деревни Подволочной, въ 30 верстахъ отъ Уктуса по правой сторонѣ р. Чусовой, факты были неоспоримы: заявка сдѣлана казнѣ, прискателямъ выданы наградныя деньги по закону (4 руб. на двухъ чело-вѣкъ), посланы были рабочіе съ Уктусскаго завода для добычи руды; но вслѣдъ за ними явились туда люди отъ Акинфія Демидова и согнали съ мѣста казенныхъ рабочихъ. Это было въ апрѣлѣ 1720 г. Посланные Татищевымъ на мѣсто подъячій Гобовъ и провинціаль-фискаль прапорщикъ Поздѣевъ подтвердили, что рабочіе Акинфія Демидова, въ числѣ 20 чел. съ прикащикомъ Балакинымъ, добывали руду, сваливали ее въ струги и отправляли внизъ по Чусовой на Курьинскую пристань. На спросъ Гобова прикащикъ Балакинъ сказалъ: „отвѣта вамъ нѣтъ, и впредь не будетъ, не посылайте къ намъ ни зачѣмъ, мы-де капитану (Татищеву) не послушны, и дѣла до насъ ему нѣтъ, и впредь бы онъ къ намъ указовъ отъ себя не посылалъ, а пріѣзжалъ бы самъ, а впредь его посыльщиковъ съ указами будемъ держать скованными въ тюрьмѣ до хозяина“.

Вятскій воевода В. И. Чаадаевъ въ декабрѣ 1720 года писалъ Татищеву: „По допросу бѣглыхъ солдатъ явилось, что многіе бѣглые рекруты живутъ на Демидова заводахъ“. Алек. Григ. Строгоновъ писалъ о своихъ бѣглыхъ крестьянахъ также поселившихся у Демидова. Оба просили послать указъ къ нему о высылкѣ бѣглыхъ. Татищевъ, донося объ этомъ Бергъ-Коллегіи, прибавляетъ отъ себя слѣдующее: „Еще увѣдомлены мы, что съ Государевыхъ заводовъ многіе изъ шведскихъ плѣнныхъ и русскихъ мірскихъ людей мастеровые и крестьяне бѣгутъ къ Демидову, оставляя свои дома, не хотя платить податей, и питаются тамъ, заводя шинки и подобные тому промыслы, отъ чего съ крестьянъ нынѣ недоборы“. Нѣсколько позже, когда Татищевъ сталъ вводить порядокъ въ рубкѣ лѣса, и велѣлъ крестьянъ

скихъ ребятъ брать въ школы, то крестьяне, недовольные этими нововведеніями, грозили уйти къ Демидову, а многіе и дѣйствительно ушли. „Другіе никто принимать ихъ не смѣютъ, а ему (Демидову) откуда такая вольность дана? не знаю“. Бергъ-Коллегія въ отвѣтъ на это доношеніе приказала Татищеву обратиться къ губернатору въ Тобольскъ и просить его о посылкѣ кого либо изъ ландратовъ въ Невьянскіе заводы для переписи всѣхъ людей Демидова, а работать ему на мѣдномъ рудникѣ отказала.

На Уктусскомъ заводѣ не имѣлось вѣрныхъ вѣсовъ ¹⁾, а въ Невьянскомъ заводѣ занимались дѣломъ ихъ на вольную продажу, и Татищевъ, сперва чрезъ комиссара Бурцева, а потомъ и самъ писалъ Демидову о продажѣ одного экземпляра вѣсовъ для казны. Но прикащикъ Ѳеклистовъ отказалъ посланному: „получилъ отвѣтъ отъ мужика съ бранью по-поламъ, и я ни зачѣмъ не смѣю посылать, дабы мужикъ не выбранилъ“. Тотъ же прикащикъ Ѳеклистовъ велѣлъ увезти „воровски“ съ Точильной горы наломанный казенными людьми горновой камень: „и оный камень у нихъ на заводѣ найденъ, а часть камня размѣтали по лѣсу, узнавъ свою вину, отъ чего домны въ Уктусѣ и Алапаевѣ простояли (безъ дѣйствія) не малое время“.

Шведу Шульцу, посланному, какъ мы уже знаемъ, для составленія топографической ландкарты, по приѣздѣ на Демидова заводы „не давали подводу, смотрѣть никуда не пустили, и нынѣ принуждены мы послать за нимъ подводу отсюда“ (изъ Уктуса за 90 верстъ).

Въ маѣ 1721 года, получивъ указъ изъ Бергъ-Коллегіи о взиманіи съ частныхъ заводовъ десятины съ металловъ, Василій Никитичъ послалъ къ Демидову указъ отъ себя, приказывалъ составить вѣдомость о выкованномъ въ 1720 г. желѣзѣ и привести оное самому Демидову на Уктусъ къ 25 іюня. Но Акинфій Демидовъ отвѣчалъ ему коротко: „когда пришетъ намъ указъ изъ Бергъ-Коллегіи, и мы тогда платить готовы“. Отвѣтъ написанъ въ формѣ „вѣдѣнія“, а указъ Татищева названъ „отпискою“. Этого не вынесъ Василій Никитичъ, пожаловался Бергъ-Коллегіи, которая особымъ указомъ повелѣла: „Демидовымъ быть послушнымъ законнымъ указамъ Татищева и писать ему „доношеніями“, и впредь особыхъ себѣ указовъ изъ Бергъ-Коллегіи не ожидать“. Но вышла новая бѣда: Акинфій Демидовъ, узнавъ о распоряженіи Татищева по ломкѣ горноваго камня, послалъ къ нему отъ 19 іюня „доношеніе“, въ которомъ выразился насмѣшливо: „Просимъ *вашего величества* о разсмотрѣніи той обиды и о позволеніи ломать камень“. Татищевъ сдѣлалъ выговоръ Акинфію Демидову, замѣтивъ въ указѣ своемъ, что „такая честь принадлежитъ только Великимъ Государямъ, и оное я уступаю, полагая на незнаніе ваше, но упоминаю, дабы впредь того не дерзали“.

¹⁾ Имѣлись одни вѣса съ деревяннымъ коромысломъ.

Случилось ѣхать Татищеву въ Алапаевскій заводъ; дорога лежала чрезъ Демидово (приписное) село Покровское, и „крестьяне доброхотно намъ дали подъ подводы лошадей, за что Акинфій Демидовъ хотѣлъ ихъ нака- зать, и весьма запретилъ, хотя крестьяне сами рады были за прогоны везти“. Желая при себѣ лично отправить караванъ съ желѣзомъ весною 1721 г. по Чусовой, Татищевъ послалъ на Курьинскую пристань солдата Голубева для занятія крестьянской избы подъ квартиру; но крестьянинъ, котораго домъ выбранъ для постоа, сказалъ, что безъ позволенія Демидова пустить къ себѣ въ домъ не смѣетъ, а солдаты, жившіе при домѣ Акинфія, ко- торый въ то время самъ былъ на пристани, прямо сказали Голубеву, что „крестьяне Демидова лучше васъ“ и отдать дворъ подъ постой Татищеву запретили. Замѣтимъ, что деревня Курья принадлежала къ Чусовской (или Сулемской) волости, которая вся была приписана къ Угтусскому казенному заводу; но въ Курьѣ была пристань Демидова, лѣсопильня и дворъ. Когда Татищевъ, получивъ въ свое вѣдѣніе эту волость, послалъ туда, для пере- писи, крестьянъ, иноземца Шейделя, то и тутъ дѣло не обошлось безъ „про- тивностей“: къ Шейделю явился прикащикъ Демидова и не позволялъ пе- реписывать ясачныхъ крестьянъ Курьинской деревни, говоря, что они от- даны хозяину его Демидову имяннымъ царскимъ указомъ, а указъ отъ Та- тищева не настоящій. Не послушавшись прикащика и продолжая свое дѣло, Шейдель выговаривалъ ему, чтобы людей съ казенныхъ заводовъ Демидовы къ себѣ не пропускали и въ работу не принимали, на что прикащикъ от- вѣтилъ: „хотя-де самъ Татищевъ къ намъ въ работу прибудетъ мы-де и его примемъ и деньги за работу давать будемъ“. Въ доношеніи своемъ Шейдель прибавилъ, что Акинфій Демидовъ насильно купилъ дворъ и землю у крестьянина Курьинской деревни, и на рѣчкѣ Шайтанкѣ строить плотину и заводить лѣсопильную. Землею крестьянинъ пользовался отъ казны за оброкъ.

Но столкновенія этимъ не кончились, и Акинфій Демидовъ позволялъ себѣ выходки инаго свойства. Подъячій съ Алапаевскихъ заводовъ Ѳедоръ Поповъ донесъ Татищеву, что въ мартѣ мѣсяцѣ съ тѣхъ заводовъ отпра- влены были на пристань для коломенокъ (барокъ), къ московскому отпуску казенныхъ металловъ, канаты, два ухвата и четыре бичевыхъ съ крестьяниномъ Петромъ Салтановымъ, и когда онъ съ возами своими проѣзжалъ чрезъ Невьянскій заводъ, то Акинфій Демидовъ приказалъ возы остановить за за- водомъ, канатъ сбросить и сложить во дворы шведскихъ плѣнныхъ, причемъ люди Демидова избили Салтанова. Татищевъ, конечно, не пропустилъ новаго насильства со стороны Демидова и поднялъ розыскъ. На допросѣ крестья- нинъ Салтановъ показалъ: „на дорогѣ за Невьянскомъ въ шведской деревнѣ догналъ его подъячій Демидова Елизаръ Барановъ, и сказалъ, что хозяинъ его, Акинфій Демидовъ, велѣлъ выпречь лошадей и канаты сбросить, причемъ подъячій стегалъ крестьянина плетью; воротясь въ Невьянскъ, Салтановъ видѣлъ самого Демидова, и тутъ Акинфій сказалъ ему: „для чего вы ѣздите

по моей дорогѣ, и ежели бы я самъ былъ дома, то ни единого пуда желѣза съ Алапаевскихъ заводовъ по своей дорогѣ на пристань не пропустилъ“. Салтановъ сослался на свидѣтелей битья его плетью и разговора съ Демидовымъ. Донося объ этомъ поступкѣ Бергъ-Коллегіи, Татищевъ прибавляетъ: „и отъ того (за недоставкою каната на коломенки) намъ тогда не безъ нужды было, едва справились старыми канатами, и ежели бы вредъ какой учинился, то бы подрядчикъ по отправкѣ судовъ съ желѣзомъ имѣлъ причину тѣмъ отговариваться“. Бергъ-Коллегія послала запросъ къ Акинфію Демидову, прибавивъ только, чтобы „впредь ему, Демидову, такого препятствія въ Государевыхъ, ни въ промышленничьихъ дѣлахъ не чинить подъ опасеніемъ себѣ истязанія“.

Въ это же время Бергъ-Коллегія, желая точнѣе опредѣлить положеніе Татищева на сибирскихъ заводахъ и отношеній его къ частной горнопромышленности въ краѣ, постановленіемъ своимъ 20 іюля 1721 года опредѣлила: „Въ рудныхъ дѣлахъ на Государевыхъ заводахъ, и Демидову и прочимъ промышленникамъ быть во всемъ послушнымъ Татищеву, яко Горному Начальнику въ Сибирской губерніи“.

Къ описаннымъ выше „противностямъ“ мы приведемъ еще слѣдующій возмутительный фактъ: караванный подрядчикъ Сидоръ Бѣлошапцовъ 20-го апрѣля 1721 г. подалъ Татищеву доношеніе, гдѣ объяснилъ, что „кормщики его Василій Коростелевъ и Ив. Астафьевъ, не зная сами хорошо пути по Чусовой отъ верховья до Курьинской пристани, наняли отъ себя для провода коломенокъ съ Государевыми мѣдью и желѣзомъ двухъ крестьянъ Ефима Пономарева и Ивана Шестака. На той пристани на казенныя коломенки пришли два Демидовскихъ солдата, Степанъ да Андрей (а прозвища ихъ неизвѣстны), Еф. Пономарева схватили и привели на дворъ Демидова, и передъ прикащикомъ его Евдокимомъ Борисовымъ били плетью и кнутомъ смертно, а Ив. Шестака увели за Чусовую передъ жилье и тамъ для оказанія другимъ били и его батожемъ и дубьемъ смертно же“. Солдаты собирались бить и кормщика Корстелева, но тотъ отдѣлался отъ нихъ полгиной. Когда коломенки причалили къ берегу, то „тѣ же солдаты грозили обрубить причальные канаты, а работнымъ людямъ съ коломенокъ дровъ рубить и по берегу наноснаго лѣсу собирать, также на подворье пускать, и хозяевамъ хлѣбъ печь, квасу и хлѣба продавать не велѣли; и нынѣ на то смотря, за такимъ великимъ страхомъ, иные до той Сулемской слободы наймоваться не смѣютъ, а нанятые за болѣзнію плыть не могутъ, и подрядчикъ опасенъ, дабы за такимъ случаемъ казенную мѣдь и желѣзо не остановить“. Татищевъ поднялъ розыскъ, пославъ Акинфію Демидову указъ съ подъячимъ Платинщиковымъ, съ требованіемъ о присылкѣ обоихъ солдатъ и прикащика для допроса, а побитыхъ кормщиковъ освидѣтельствовалъ. У Еф. Пономарева оказалась вся спина избитою: солдаты били его, приговаривая: „не наймайся впредь на

Государевы коломенки, а плавай на Демидовскихъ“. Досталось отъ тѣхъ же солдатъ и отцу Пономарева Дмитрію: на спинѣ его насчитали 8 ранъ; и ему солдаты приговаривали: „не вели впредь сыну своему на Государевы коломенки наймоваться“. Подъячій Платинчиковъ былъ у Ак. Демидова, лично вручилъ ему указъ, и тотъ прикащика и солдатъ къ допросу не отпустилъ, сказалъ только на словахъ: „кормщикамъ де подорожня отъ меня дана, куда хотятъ, туда де пусть ѣдутъ, а съ капитаномъ де мнѣ много говорить нечего“. Обо всемъ происшедшемъ Татищевъ донесъ Бергъ-Коллегіи отъ 23-го апрѣля, съ приложеніемъ копіи съ розыска. Но ни доношеніе ни розыскъ до Бергъ-Коллегіи не дошли.

Удостоверясь, наконецъ, что нѣкоторыя изъ доношеній его въ дорогѣ пропадаютъ, Татищевъ снялъ копіи со всѣхъ дѣлъ по столкновеніямъ съ Акинфіемъ Демидовымъ и, при доношеніи отъ 26 іюля, отправилъ въ Бергъ-Коллегію, причемъ добавилъ еще слѣдующее: „Рудоискателямъ, которые хотятъ къ намъ являться съ рудами, онъ (Ак. Демидовъ) жестоко воспрещаетъ, и учиня заставы, ихъ не пропускаетъ, какъ изволите усмотрѣть изъ показанія вотяка Якова Савина, съ котораго при семъ (прилагаю) копію, изъ чего видно что Демидовы не хотятъ о томъ слышать, чтобы мы о чемъ вѣдали, а когда не будемъ вѣдать, то труднѣе Бергъ-Коллегіи въ столь дальнемъ разстояніи о томъ быть извѣстну“¹⁾.

Вопреки сказкѣ вогулича Як. Савина, Никита Демидовъ, спрошенный о мѣдномъ рудникѣ на Выѣ, отвѣчалъ, что та руда открыта его гранатнымъ литейнымъ мастеромъ Харламомъ Мартыновымъ около 1716 г.; что Бергъ-Коллегія по челобитью его разрѣшила 20 декабря 1720 г. завести на той рудѣ мѣдную плавку, и что онъ въ томъ же году выплавилъ 150 п. чистой мѣди, о чемъ сказкою заявилъ въ декабрѣ 1721 г. капитану Татищеву.

¹⁾ Въ сказкѣ вотяка Савина говорится слѣдующее: „въ прошлыхъ годахъ, назадъ тому лѣтъ съ девятнадцать, обыскали мы, нижепоименованные, мѣдную руду на рѣчкѣ Выѣ, отъ деревни Тагильской (нынѣ Нижне-Тагильскій заводъ) въ 2 верстахъ, и оную руду объявили на Верхотурѣ управителю (воеводѣ) Алексѣю Калитину, который ту руду промыслять не почалъ. И въ прошломъ 1704 году объявили мы о той рудѣ Никитѣ Демидову, который до 1720 г. тоже не промыслялъ, а нынѣ промышляетъ, и намъ объявлять объ ней, такожь о найденной въ другихъ мѣстахъ не велитъ, по всѣмъ дорогамъ учинивъ заставы, и говоритъ: буде станете руду объявлять на Уктусѣ, то де мы васъ бить станемъ кнутомъ и въ домны помечемъ. А сего іюня 5-го сосѣди наши уѣхали изъ домовъ своихъ для пріиску мѣдной руды, и въ то время къ нимъ пріѣхалъ отъ Демидова шуринъ его Ив. Ив. Малыхъ, дѣтей изъ дома выбросилъ, и говорилъ: когда отцы ваши воротятся къ себѣ домой, то я де ихъ кнутомъ застагаю. А сего іюня въ 12 день пошли мы на Уктусъ для объявленія руды, и Демидовъ послалъ за нами въ погоню, хотѣлъ взять насъ и увезти къ себѣ, и мы ушли отъ нихъ лѣсомъ но въ селѣ Покровскомъ жители насъ задержали, пропустить не хотѣли, и уговаривали не доносить на хозяина ихъ и руду въ Уктусъ не объявлять. Отъ Демидова поставлены заставы, куда мы ходили промыслять бобровъ на ясакъ въ казну и онъ насъ не пропускаетъ, собакъ перебилъ, и мы теперь въ конечную скудость пришли“. Сказку подписали, кромѣ вогулича Савина, три крестьянина изъ Арамашевской слободы.

Бергъ-Коллегія, руководимая своимъ предсѣдателемъ Я. В. Брюссомъ, усерднымъ исполнителемъ идей Петра Великаго, правильно посмотрѣла на дѣло и, отложивъ въ сторону бесполезные споры о первенствѣ открытія руднаго мѣсторожденія по р. Выѣ, опредѣлила: заложенные Демидовымъ разработки оставить за нимъ, запретивъ только подъ штрафомъ останавливать рудоискателей, а Татищеву предписала изслѣдовать новооткрытыя руды подлѣ Демидова.

Также удовлетворительно рѣшила Бергъ-Коллегія дѣла по вопросамъ поднятымъ Татищевымъ, о лѣсопильной, застроенной Акин. Демидовымъ на Курьинской пристани, и о ломкѣ горноваго камня. По первому вопросу она разрѣшила поставить лѣсопильную, несмотря на то, что земля считалась казенной, подтвердила только, чтобы Демидовы доносили въ подобныхъ случаяхъ Татищеву заблаговременно ¹⁾. По второму вопросу Бергъ-Коллегія разрѣшила ломку горноваго камня на Точильной горѣ производить самимъ заводчикамъ, каждому для себя, но подъ надзоромъ и полнымъ распоряженіемъ казенныхъ мастеровъ, для устраненія безпорядковъ. Рѣшеній Бергъ-Коллегіи по другимъ дѣламъ не видно, что конечно могло зависѣть и отъ того, что не всѣ доношенія В. Никитича доходили до нея. На одномъ изъ послѣднихъ доношеній, дошедшихъ до Бергъ-Коллегіи, положена ею резолюція: „обо всѣхъ „противностяхъ“ Акинфія Демидова составить особую выписку“.

Угрозы-ли Бергъ-Коллегіи подѣйствовали, или Демидовы сами убѣдились наконецъ, что Татищевъ составляетъ изъ себя силу, съ которой имъ бороться трудно, въ Невьянскій заводъ пріѣхалъ самъ старикъ Никита Демидовъ. Съ появленіемъ его отношенія спорящихъ сторонъ становятся мягче. Акинфій, не хотѣвшій знать Татищева, значительно понизилъ тонъ своихъ рѣчей, и посланному отъ него, разумѣется съ указомъ, шихтмейстеру Карташеву для изслѣдованія рудныхъ мѣсторожденій по р. Выѣ, на замѣчаніе послѣдняго, что слѣдовало бы закрыть брошенныя разработки, отвѣтилъ: „у меня такихъ работниковъ нѣтъ, и я на васъ не слуга, полно-де вамъ, что я *Василія Никитича слушаю*, а на бергмейстера (Блюэра) и не гляжу, а тебя не слушаю“.

Карташевъ ѣздилъ въ Невьянскъ по распоряженію Бергъ-Коллегіи для изслѣдованія вновь заявленныхъ рудныхъ мѣстъ крещеными вогулами Максимомъ и Андреемъ Савинными и вогуличемъ Яковомъ Савиннымъ, для чего Татищевъ снабдилъ его инструкціей изъ 8 пунктовъ: осмотрѣть и описать, кромѣ новыхъ рудныхъ мѣстъ, заводы и мѣдныя копи Демидовыхъ. Карта-

¹⁾ Впрочемъ и самъ Татищевъ говорилъ, что лѣсопильня Демидовымъ очень нужна и заводится съ полезною цѣлію, что онъ и самъ думаетъ завести таковую же по Чусовой для казенныхъ коломенокъ, въ видахъ сохраненія лѣса и просушки барочнаго теса, такъ какъ коломенки изъ сухаго лѣса могутъ поднять груза на 3 тысячи пуд. болѣе; онъ возставалъ только противъ своеволія.

шевъ по окончаніи возложеннаго на него дѣла представилъ 17 ноября подробное описаніе всѣхъ заводскихъ устройствъ и дѣйствія ихъ ¹⁾. Вогулы указали Карташеву на два рудныхъ мѣста: одно по р. Выѣ, отстоявшее отъ ихъ деревни на 2½ версты, и другое, лежавшее недалеко отъ магнитной горы, теперь знаменитый Мѣдно-Рудянской рудникъ съ огромными штоками цѣльнаго малахита.

Былъ наконецъ на заводахъ у Демидова и самъ *Василій Никитичъ*: ему предстояло вырѣшить два вопроса: о десятинахъ съ металловъ въ пользу казны и о рабочихъ людяхъ на тѣхъ заводахъ. По первому вопросу Никита Демидовъ подаль Татищеву слѣдующую сказку: „въ 1720 году сковано у меня желѣза 140,526 п. 30 ф., и оно все отправлено въ Петербургъ, и еще отлито для Государя фонтальныхъ трубъ 26,567 п; въ десятину приходится 15 тысячъ пудовъ, и мы готовы отдать желѣзо, присылайте кому принять. Мѣди выплавлено 150 п. и она вся ушла на свои заводскія надобности; теперь мѣдь не плавится по недостатку рабочихъ“. Въ этой сказкѣ Никита Демидовъ предъявилъ также, что вся годичная партія желѣза зазимовала въ Твери, и неизвѣстно какая часть изъ оной пойдетъ въ казну на корабельное желѣзо, за которое по уговору не платится десятина, и чтобы при взысканіи оной за будущіе годы эту часть принять въ расчетъ. Сказку подписалъ вмѣсто отца по приказанію его Акифій Демидовъ.

Труднѣе было Татищеву вырѣшить второй вопросъ—о рабочихъ людяхъ на заводахъ Демидова: это была довольно темная сторона у нихъ. По первоначальной жалованной грамотѣ (4 марта 1702 г.) Никитѣ Демидову были „даны“ мастеровые, переселенные въ Невьянскій заводъ изъ подъ Москвы и Тулы, и работные люди изъ мѣстныхъ крестьянъ, во время состоянія того завода въ казенномъ управленіи. Эти люди съ потомствомъ впослѣдствіи составили особую категорію крѣпостныхъ заводскихъ людей, „данныхъ“ отъ казны и крѣпкихъ не лично владѣльцу, а заводу. Число ихъ не превышало 70 человекъ, кромѣ 10 бѣломѣстныхъ казаковъ. Особаго списка имъ въ дѣлахъ не имѣется. Затѣмъ по грамотамъ 9 января 1703 г. и 4 апрѣля 1704 г. было „приписано“ къ Невьянскому Демидова заводу крестьянъ въ слободахъ Аядской и Краснопольской, и въ монастырскомъ селѣ Покровскомъ съ посел-

¹⁾ Въ *Невьянскомъ* заводѣ 4 доменныхъ печи и 19 молотовъ въ 9 деревянныхъ анбарахъ; въ тѣхъ же анбарахъ стоятъ 4 мѣдиплавленные печи, лѣсъ вырубленъ кругомъ на 10 версты. Въ *Бытговскомъ* заводѣ, въ 7 верстахъ отъ перваго: 7 деревянныхъ анбаровъ съ 25 молотами, лѣсъ вырубленъ на 3 версты. Въ *Шуралинскомъ* заводѣ (въ 5 верстахъ): 4 молота лѣсъ вырубленъ кругомъ завода на 4 версты. Въ *Верхне-Ташинскомъ* заводѣ (въ 20 верстахъ отъ перваго): 2 доменныхъ печи, 6 молотовъ; лѣсовъ довольно. Въ *Нижне-Выйскомъ* заводѣ (въ 50 в. отъ перваго): 2 домны, построены вновь, а въ нихъ чугуна еще не плавилось. Въ *Нижне-Ташинскомъ* (нынѣ главномъ заводѣ Демидова) поставлены только кирпичные саран и расчищено мѣсто подъ плотину (такъ было въ ноябрѣ 1721 г.). Мѣдная руда копалась въ двухъ смежно-лежащихъ мѣстахъ ямами, которыя теперь затоплены; при нихъ 2 анбара съ 25 мѣдиплавленными горнами и ручными мѣхами.

ками и заимками, 386 душъ, и съ ними „дѣтей, братьевъ, пасынковъ, племянниковъ и зятевей“ 800 душъ, всего 1,186 душъ м. п. въ 371 избахъ и дворахъ. Это была первая перепись (частная), касавшаяся исключительно „приписныхъ“ крестьянъ. Вторая перепись всѣхъ людей, обращавшихся на заводахъ Демидова, была сдѣлана въ 1717 году по распоряженію Тобольской Губернской Канцеляріи ландратомъ Митрофаномъ Вельяминовымъ Воронцовымъ вслѣдствіе настоятельнаго требованія начальника „Розыскной Канцеляріи“ Ивана Никифоровича Плещеева, по поводу доносовъ фискаловъ на Никиту Демидова. По сей переписи въ приписныхъ слободахъ и селахъ оказалось всѣхъ крестьянъ, со включеніемъ малолѣтнихъ и престарѣлыхъ, 919 душъ мужскаго пола и 1059 душъ женскаго пола въ 290 избахъ и дворахъ ¹⁾.

Кромѣ приписки казенныхъ, крестьянъ Никитѣ Демидову даровано было Царемъ, по той же жалованной грамотѣ 1702 г., право покупать крѣпостныхъ крестьянъ у вотчинниковъ, и водворять ихъ у себя на заводахъ, а впоследствии разрѣшено было указами принимать въ заводскія работы всякихъ пришлыхъ, но только свободныхъ, нетяглыхъ людей и съ паспортами. Въ переписныхъ вѣдомостяхъ ландрата Вельяминова - Воронцова собственно о заводскомъ населеніи, „мастеровыхъ и рабочихъ людей“, значитъ: „на двухъ заводахъ (Невьянскомъ и Шуралинскомъ) въ 338 дворахъ и 60 избахъ обитателей 910 душъ мужскаго пола и 971 душа женскаго пола ²⁾. Въ этомъ числѣ оказалось огромное большинство бѣглыхъ, не свободныхъ, тяглыхъ людей, и всѣ безъ „отпусковъ“, которыхъ Демидовы не имѣли права принимать къ себѣ въ заводскія работы.

¹⁾ Изъ сравненія вѣдомостей по обѣимъ переписямъ видно, что въ теченіе 13 лѣтъ, протекившихъ между ними, число приписныхъ крестьянъ не только не возросло, но даже убавилось: въ переписи, веденной подробно по дворамъ и избамъ, отмѣчено: „многіе дворы и избы опустѣли за выбитіемъ хозяевъ съ семьями безвѣстно куда“.

²⁾ Здѣсь мы видимъ совершенно обратное явленіе, чѣмъ въ „приписныхъ“ слободахъ число заводскихъ людей (мастеровыхъ и рабочихъ) возросло непомерно въ тѣже 13 лѣтъ. Изъ переписныхъ вѣдомостей по избамъ и дворамъ видно, что за исключеніемъ небольшого числа купленныхъ Демидовымъ крестьянъ у вотчинниковъ (село Фокино, Нижегородской губ.) и первоначально „данныхъ“ Демидову вмѣстѣ съ заводомъ казенныхъ мастеровыхъ (70 человекъ), всѣ остальные люди оказались пришлыми изъ разныхъ дальнихъ мѣстъ и всѣ безъ „отпусковъ“: изъ Утюга, съ Ваги (Вычегды), Вятки, Тулы, Каргополя, отъ Строгоновыхъ, изъ подъ Москвы и Нижняго-Новгорода. Въ сказкахъ сихъ пришлыхъ людей приведено коротко: „шелъ безъ отпуску оттуда-то и исполняетъ на заводахъ Ник. Демидова такую-то работу изъ найма“; одни показали, что сошли съ своихъ мѣстъ „ради хлѣбной скудости“, другіе — отъ пожарнаго разоренія; въ числѣ пришлыхъ много оказалось старообрядцевъ. Всѣ они жили семьями въ особыхъ домахъ, и безъ сомнѣнія были привлечены умѣlostію Никиты Демидова и прикащиковъ его: Демидовъ могъ обѣщать имъ, что они не будутъ знать никакихъ властей, никакихъ податей и поборовъ для извѣстнаго кормленія воеводъ съ товарищи, не спрашивалъ у нихъ ни „отпусковъ“, ни какъ крестятся, платилъ за работу деньги. Люди шли на заводы охотно, избѣгая кабалы, крѣпости, половы, или разбоя, или кары за вины; они не подозрѣвали, что впоследствии всѣ поголовно будутъ закрѣпощены, на вѣчно съ потомками.

По заявленію Вятскаго воеводы о бѣглыхъ рекрутахъ на заводахъ Демидова, тобольское губернское начальство, вслѣдствіе требованія Бергъ-Коллегіи, посылало лѣтомъ въ 1721 году нѣсколько разъ нарочныхъ въ Невьянскіе заводы для повѣрки рабочихъ людей, но всё безуспѣшно. Первому нарочному Акинфій Демидовъ отвѣтилъ такъ: „мнѣ нынѣ такимъ скорымъ временемъ переписать (заводскихъ людей) невозможно, ибо нужно отправить караванъ съ нужными Государевыми припасы, о чемъ присланъ къ намъ изъ Кабинета курьеръ Егоръ Сергѣевъ, и мы поспѣшаемъ ѣхать къ отпуску струговъ“. Второму курьеру, дворянину Леонтію Осипову, заводчикъ отвѣтилъ: „вѣдомостей такихъ дѣлать у меня некому, подъячихъ нѣтъ, пусть пришлютъ ихъ изъ Tobольска“. И тутъ же прибавилъ: „хотя бы самъ Грековъ (ландрагъ) пріѣхалъ, у него Великаго Государя указъ, а у меня такой же Великаго Государя указъ, и буду я отвѣтствовать въ С.-Петербургѣ Бергъ-Коллегіи“. Однако въ извиненіе свое онъ написалъ князю Черкасскому съ тѣмъ же курьеромъ, что „за умноженіемъ нужныхъ Государевыхъ дѣлъ, мнѣ управиться въ скорости невозможно“. Въ іюнѣ былъ посланъ урядникъ Лаврентій Игошевъ, но и этотъ курьеръ вернулся ни съ чѣмъ, и въ „доѣздѣ“ своемъ написалъ, что Акинфій Демидовъ „противъ указа Великаго Государя учинился противень, и сказалъ, что указамъ изъ „губерніи“ послушенъ не будетъ, и того же числа съ оныхъ заводовъ уѣхалъ къ Москвѣ, и прикащикамъ своимъ быть послушнымъ указамъ не велѣлъ“. Въ письмѣ своемъ къ вице-губернатору А. К. Петрово-Соловово Акинфій Демидовъ извинился: „мнѣ самому быть къ вамъ нельзя, повелѣно указомъ Царскаго Величества быть мнѣ въ Петербургѣ немедля, и аще Богъ благоволитъ стаскаться мнѣ туда, и я буду у вашей милости“. Можетъ быть Татищевъ при свиданіи замѣтилъ Никитѣ Демидову, что уклоняться отъ затребованной переписи людей на заводахъ нельзя, не навлекая на себя подозрѣнія въ пріемѣ бѣглыхъ рекрутъ; по крайней мѣрѣ, мы видимъ, что Демидовы на этотъ разъ все-таки отвертѣться не могли, но исполнили указъ своеобразно: Н. Демидовъ, сдѣлавъ требуемыя переписныя вѣдомости, уговорилъ подписать ихъ посланнаго за ними изъ Tobольска дворянина Григорія Вильянова, и затѣмъ, удержавъ ихъ у себя, сдалъ самъ въ мартѣ 1722 года въ Бергъ-Коллегію, объяснивъ при этомъ, что въ эту перепись не внесены люди, купленные имъ въ Нижегородской губерніи у вотчинника села Оюкина Головина, такъ какъ многіе изъ купленныхъ крестьянъ еще неявились, и между прибывшими уже туда могли оказаться и бѣглые ¹⁾).

Казалось, за вырѣшеніемъ вышеприведенныхъ дѣлъ о десятинѣ и завод-

¹⁾ Впослѣдствіи дѣйствительно подтвердилось, что въ числѣ прибывшихъ крестьянъ оказалось много бѣглыхъ изъ вотчины генерала Салтыкова, который, узнавъ о томъ чрезъ 1½ года, возбудилъ о своихъ бѣглыхъ крестьянахъ искъ, и Демидовы принуждены были возвратить ихъ вотчиннику съ уплатою положеннаго штрафа.

скихъ людяхъ, на томъ и кончили всѣ сношенія Демидовыхъ съ Татищевымъ при личномъ свиданіи ихъ; о „противностяхъ“ не было рѣчи и повидимому миръ между ними водворился. Но это былъ худой миръ, и долго продолжаться не могъ. Демидовы не могли простить человѣку, который сталъ имъ поперегъ, и закрылъ дорогу къ захватамъ казенныхъ земель, лѣсовъ и крестьянъ. Еще за нѣсколько лѣтъ до пріѣзда Татищева на Уралъ Никита Демидовъ просилъ отдать ему Алапаевскіе заводы съ приписными къ нимъ крестьянами. Съ учрежденіемъ Бергъ-Коллегіи онъ подавалъ нѣсколько своихъ „доношеній“ объ отдачѣ ему и Каменскихъ заводовъ, также съ крестьянами, и земель по рр. Пышмѣ, Чусовой, Ревдѣ, Полевой съ Гумешками, Выѣ, всю Чусовскую волость, — но было уже поздно, и ему отказали: Татищевъ указалъ правительству на природное богатство, какимъ оно обладаетъ въ краѣ, а равно и на способы, какіе нужно приложить, чтобы вызвать эти богатства на государственную и народную пользу. Безъ его воздѣйствія, твердости и энергіи казенные заводы, доведенные до совершеннаго разстройства, могли бы угаснуть, и тогда Демидовы остались бы монополистами въ краѣ по желѣзной и мѣдной промышленности. Кромѣ того Татищевъ зналъ также, что откупныя, таможенныя и оброчныя статьи оплачивались Демидовыми на заводахъ суммою, опредѣленною при отдачѣ ихъ по переписи крестьянъ и рабочихъ 1704 года, а противъ того „нынѣ у Демидовыхъ людей явилось не мало вдесятеро, и отъ того имъ кромѣ промысла великій барышъ“, и Татищевъ могъ предложить сдѣлать по этимъ статьямъ новые торги. Наконецъ Татищевъ могъ послать отъ себя въ приписныя слободы Демидовыхъ земскаго комиссара для учета подушныхъ податей и прочихъ сборовъ со всѣхъ слободскихъ крестьянъ, а на заводы, гдѣ почти все населеніе состояло поголовно изъ пришлыхъ безъ „отпусковъ“, несвободныхъ и бѣглыхъ, не исключая и рекрутъ, опредѣлить въ порядкѣ благочинія земскаго пристава. На все это Татищевъ имѣлъ право, такъ какъ Бергъ-Коллегія прямо указала: „Демидовымъ и прочимъ промышленникамъ быть послушнымъ законнымъ указамъ Татищева, яко горнаго начальника въ Сибирской губерніи“. Мы не можемъ лучше и вѣрнѣ освѣтить положеніе горнозаводскаго дѣла въ краѣ въ то время, какъ привести отзывъ Дегеннина, изложенный въ письмѣ къ Царю Петру, какъ человѣка, бывшаго на мѣстѣ и входившаго въ разбирательство взаимной вражды между Демидовыми и Татищевымъ. Въ письмѣ своемъ Дегеннинъ излагаетъ между прочимъ слѣдующее: „Ему (Демидову) не очень мило, что Вашего Величества заводы станутъ здѣсь цвѣсть, для того, что онъ могъ больше своего желѣза продавать, а цѣну положить какъ хотѣлъ, и работники всѣ къ нему на заводы шли, а не на Ваши; а понеже Татищевъ по пріѣздѣ своемъ началъ прибавливать, или стараться, чтобы вновь строить Вашего Величества заводы, и хотѣлъ по Горной Привиллегіи поступать о рубкѣ лѣсовъ и обмежевать рудныя мѣста порядочно: и то ему (Демидову) такожь было досадно, и не хотѣлъ того видѣть, кто ему о томъ указалъ. И хотя прежь

сего до Татищева Вашего Величества заводы были, но комиссары, которые оными вѣдали, бездѣльничали много, и отъ заводовъ плода почитай не было, а мужики отъ забалованныхъ Гагаринскихъ комиссаровъ разорились, и Демидову отъ нихъ помѣшательства не было, и противиться ему не могли, и Демидовъ дѣлалъ что хотѣлъ, и чаю ему любо было, что на заводахъ Вашего Величества мало работы было, и они заустѣли. Наипаче Татищевъ показался ему гордъ, то старикъ не залюбилъ съ такимъ сосѣдомъ жить, и искалъ какъ бы его отъ своего рубежа выжить, понеже и деньгами онъ не могъ Татищева укупить, чтобы Вашего Величества заводамъ не быть“¹⁾).

Этотъ правдивый отзывъ самага компетентнаго и притомъ пользовавшагося полнымъ довѣріемъ самага Царя человека весьма важенъ, какъ документъ, обрисовывавшій отношенія заинтересованныхъ сторонъ; въ тоже время онъ служитъ къ оправданію дѣйствій Татищева: извѣстно, что Демидовы искали избавиться отъ Татищева, столкнуть его съ мѣста. Прямо они сдѣлать того очевидно не могли, такъ какъ Василій Никитичъ во всѣхъ распоряженіяхъ своихъ выказывалъ большую осторожность, ничего важнаго безъ разрѣшеній своего начальства не предпринималъ, и имъ оставалось добиться своей цѣли тайными путями, чрезъ своихъ „милостивцовъ“ и явными, но ложными извѣтми, и въ этомъ они, какъ увидимъ ниже, успѣли.

Изъ Невьянскаго завода Татищевъ отправился чрезъ Уктусъ на Кунгуръ, куда спѣшилъ, чтобы встрѣтить вновь назначеннаго въ члены Сибирскаго Горнаго Начальства бергъ-совѣтника Михаэлиса. Объ этомъ назначеніи Татищевъ узналъ въ первый разъ изъ указа Бергъ-Коллегіи отъ 18 марта (1721 г.); въ отвѣтъ на одно изъ доношеній его въ указѣ сказано коротко, „гдѣ вамъ жить постоянно, о томъ разсмотрѣть и рѣшить по прибытіи бергъ-совѣтника Михаэлиса“. Потомъ резолюціями на другихъ доношеніяхъ Бергъ-Коллегія давала ему знать: „въ горныхъ дѣлахъ въ помощь къ вамъ посланъ бергъ-совѣтникъ Михаэлисъ, которому дана инструкція, и ему и вамъ поступать по ней непременно во всемъ“; или: „создать бергъ-рата, и рѣшить по его совѣту“, и Василій Никитичъ недоумѣвалъ, что значитъ „въ помощь вамъ,“ такъ какъ хорошо зналъ, что званіе совѣтника Бергъ-Коллегіи было выше его званія, и онъ долженъ былъ уступить свое главенство въ „Горномъ Начальствѣ“ вновь назначенному лицу. Василій Никитичъ чувствовалъ себя такъ, что куда бы его ни посадили, вездѣ онъ могъ бы занять, по своему удѣльному вѣсу, первое мѣсто. Понявъ распоряженіе Бергъ-Коллегіи какъ знакъ недовѣрія къ себѣ, онъ писалъ ей: „не извольте на меня гнѣва и подозрѣнія имѣть, что я дерзновенно вамъ доношу, обаче не ища моего собственнаго, но государственнаго прибытка, и видя не порядокъ, терпѣть (его) не могу. Ежели бы я хотѣлъ себѣ прибытка, то не-

¹⁾ Исторія С. М. Соловьева.

потребно (было-бы) болѣе, чтобы только умолчать, за что видѣлъ и слышалъ себѣ довольныя обѣщанія; но все оное презрѣвъ, желаю остаться лучше съ честію въ вашей милости, чѣмъ съ богатствомъ стропотнымъ“. Далѣе въ томъ же доношеніи онъ писалъ: „Понеже видимо, что Государственная Коллегія о моемъ достоинствѣ, или въ другомъ чемъ имѣеть сомнѣніе, что я на свои доношенія въ полгода указа получить не могу, чего ради дабы повелѣли прислать сюда кого инаго съ полною мочью, и учинить Горное Начальство, которому и дать власть“. Всего болѣе огорчило Татищева распоряженіе объ остановкѣ постройкою новаго завода на р. Исети (нынѣ г. Екатеринбург): онъ видѣлъ ясно настоятельную потребность въ немъ и пользу, и не могъ равнодушно перенести распоряженія Бергъ-Коллегіи: „ожидать прибытія бергъ-совѣтника и рѣшить по совѣщанію съ нимъ“, по поводу превосходно задуманнаго плана. Но сомнѣнія Татищева были напрасны: Бергъ-Коллегія отвѣтила ему, что „она имъ довольна, и за службу его къ чести и награжденію всегда будетъ помнить“. И дѣйствительно Бергъ-Коллегія во всѣхъ случаяхъ относилась къ нему съ довѣріемъ, видѣла и цѣнила его труды, одобряла въ большинствѣ случаевъ его дѣйствія, и во многомъ давала ему полную свободу поступать по его усмотрѣнію. Относительно запоздалости въ полученіи переписки она писала въ почтовое управленіе и требовала подвергнуть отвѣтственности виновныхъ въ удержаніи оффиціаль-ныхъ бумагъ. Если Бергъ-Коллегія не приступала къ рѣшительнымъ мѣрамъ по благоустройству заводовъ, то сдержанность въ этомъ отношеніи не иначе можно объяснить, какъ осторожностію: изъ весьма обстоятельныхъ „доношеній“ Татищева она знала въ какомъ разстроенномъ положеніи находятся не только заводы, но и мѣдные рудники, знала, что добыча мѣдной руды, за исключеніемъ вновь найденнаго прииска близъ Укгуса, даже прекратилась, а мѣдь нужна была Царю для орудій, и тогда онъ настоятельно требовалъ усилить сколь возможно выплавку мѣди; Бергъ-Коллегія надѣялась посылкою на мѣсто свѣдущаго человѣка, хорошо знакомаго съ рудничнымъ дѣломъ, пособить настоятельной нуждѣ. Къ сожалѣнію, Михаэлисъ ¹⁾ не

¹⁾ Онъ былъ принятъ въ царскую службу вице-президентомъ Бергъ-Коллегіи барономъ Альфонсомъ Потъ-фонъ Люберасомъ въ 1719 г. Бергъ-Коллегія, открывъ свои дѣйствія, составила списокъ о штейгерахъ, плавильныхъ мастерахъ и другихъ ремесленникахъ, въ какихъ, по ея мнѣнію, чувствовалась потребность для нашихъ заводовъ, и „Государевъ Кабинетъ“ по сему списку поручилъ барону фонъ Люберасу приискать и нанять ихъ въ Саксоніи и другихъ Государствахъ. Михаэлисъ помогалъ ему въ выборѣ и наймѣ. Всѣхъ нанято было иноземцовъ 24 человѣка. Они прибыли въ С.-Петербургъ 23 апрѣля 1720 г. чрезъ Данцигъ и Ригу. Часть ихъ привезъ съ собой полковникъ Дегеннинъ, Петрозаводскій комендантъ и начальникъ Петровскихъ горныхъ заводовъ. Изъ прибывшихъ иноземныхъ мастеровъ 14 человѣкъ взяты Дегенниномъ на свои заводы, прочіе оставлены при Бергъ-Коллегіи, такъ какъ при ней были заведены нѣкоторыя мастерскія съ плавильными печами и горнами, и лабораторія. Только одинъ штейгеръ Готфридъ Георги уходилъ на Уралъ на мѣсто умершаго въ дорогѣ въ Вологдѣ Шенфельдера.

оправдалъ надеждъ Бергъ-Коллегіи. Дѣятельность свою онъ началъ съ того, что потребовалъ послать на заводы пастора лютеранской вѣры, медика и секретаря и составилъ обширный штатъ личнаго состава. По пріѣздѣ на Уралъ Дегеннина вступилъ съ нимъ въ пререканія до того, что новый начальникъ заводовъ довелъ о томъ до свѣдѣнія Петра, и Царь велѣлъ убрать Михаэлиса съ заводовъ въ Бергъ-Коллегію.

25 августа (1720 г.) Михаэлисъ уже подписывалъ указы Бергъ-Коллегіи въ качествѣ совѣтника оной. Указъ о назначеніи его въ Сибирь состоялся 23 марта 1721 г., съ опредѣленіемъ къ нему въ переводчики и секретари кондуктора Матвѣя Ловзина. Затѣмъ мы встрѣчаемъ бергъ-совѣтника въ Казани, куда прибылъ онъ въ концѣ іюля, и здѣсь зазимовалъ за недостаткомъ денегъ. Татищевъ, узнавъ о томъ, писалъ казанскому губернатору, чтобы снабдить Михаэлиса 300 р., но губернаторъ отказалъ наотрѣзъ, и Михаэлисъ вывернулся изъ бѣды только тѣмъ, что въ Казани нашолся одинъ торговый человекъ, знавшій Татищева, Ѳедоръ Микляевъ: онъ далъ Михаэлису подъ вексель 300 р. Бергъ-Коллегія, узнавъ о томъ, не пропустила даромъ бергъ-совѣтнику подобной оплошности: она довольно строго потребовала отъ него отчета во всѣхъ расходахъ, и удивилась куда онъ могъ издержать тѣ деньги, которыя были выданы ему при отправленіи его съ мѣста съ расчетомъ на весь путь. Только въ первыхъ числахъ января 1722 года, Михаэлисъ прибылъ съ своимъ спутникомъ въ Кунгуръ, и здѣсь Татищевъ, встрѣтивъ его 7 числа, въ тотъ же день написалъ Бергъ-Коллегіи: „Сего числа получили мы видѣть господина бергъ-совѣтника, и о нѣкоторыхъ дѣлахъ ему предлагали, и съ нимъ обще о томъ совѣтовались“. Къ счастью, Татищевъ владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ хорошо и могъ объясняться съ новымъ членомъ безъ переводчика. Вскорѣ затѣмъ, 11 января, онъ подалъ въ Сибирское Горное Начальство представленіе отъ своего имени о дѣлахъ, разсмотрѣнія и рѣшенія требующихъ. Въ этомъ обширномъ документѣ, объясняя что имъ сдѣлано, на чемъ остановилось и какъ слѣдуетъ продолжать и на что именно преимущественно и прежде всего должно обратить вниманіе, Василій Никитичъ въ послѣднемъ 25-мъ пунктѣ говоритъ слѣдующее: „Просилъ я Бергъ-Коллегію, дабы миѣ повелѣно было для объясненія о нужныхъ дѣлахъ нынѣшнею зимою пріѣхать въ С.-Петербургъ, ибо черезъ письма обо всемъ донести трудно; но на оное указа не получилъ. Нынѣ же извѣстно Его Величества прибытіе въ Москву, и притомъ уповаю несомнительно быть тамъ графу генералъ-фельдцейхмейстеру, того ради весьма вижу потребно одному изъ насъ ѣхать, и отъ того никакого препятствія дѣламъ за зимнимъ временемъ не учинится, и онаѣ ѣзда, ежели что (нибудь) нечаянное не превредитъ, весьма въ 10 или 12 недѣль съ возвратомъ окончится, и такъ удобное время къ начинанію дѣла потеряно не будетъ“.

Бергъ-Коллегія за отсутствіемъ своего президента (графъ Брюсъ находился въ то время за границей) не рѣшилась дать позволеніе Татищеву оста-

вить заводы. Теперь, какъ видимъ, онъ рѣшился на это самъ; но, желая избѣжать отвѣтственности въ самовольной отлучкѣ изъ мѣста своего служенія, онъ облекъ свое рѣшеніе въ законную форму. Получивъ указъ о высылкѣ изъ заводовъ всѣхъ бѣглыхъ людей, онъ внесъ его вмѣстѣ съ другими дѣлами въ Горное Начальство, „господину бергъ-совѣтнику Михаэлису съ товарищи на обсужденіе, и такъ какъ г. совѣтникъ рѣшенія никакого не явилъ, то и опредѣлили (18 января): для представленія оныхъ дѣлъ Государственной Коллегіи ѣхать въ Москву самому капитану Татищеву“.

Очевидно, Василій Никитичъ былъ справедливо недоволенъ дѣйствіями Бергъ-Коллегіи: предполагая будущей весной приступить къ исправленію дѣйствовавшихъ заводовъ и къ возведенію новыхъ, преимущественно для мѣдной плавки, онъ просилъ Бергъ-Коллегію, заблаговременно и не одинъ разъ, прислать къ нему навичныхъ плавильныхъ мастеровъ, штейгеровъ, стальныхъ и другихъ ремесленниковъ изъ недавно приглашенныхъ иноземцовъ, а ему прислали одного человѣка, и притомъ такого, въ помощи котораго онъ вовсе не нуждался, такъ какъ управлять заводами и вести ихъ хозяйство онъ могъ лучше, чѣмъ кто-либо другой. Послѣ личнаго предствательства своего въ Москвѣ и послѣ словесныхъ объясненій съ граф. Брюссомъ объ истинныхъ нуждахъ казенныхъ заводовъ, Татищевъ предполагалъ вернуться въ край съ новыми полномочіями. Но вышло иначе: Демидовы не забыли объ немъ, не пропустили удобнаго случая смять своего врага, и это имъ удалось хотя временно. Къ счастью, за всѣми промышленными дѣлами слѣдилъ самъ Царь, и тутъ онъ, какъ вездѣ, поправилъ дѣло посылкою на Уралъ генерала Дегеннина, и въ то же время не допустивъ разыгратъ въ дурную сторону для Татищева недостойной интригѣ, затѣянной Демидовыми съ своими „милостивцами“.

Передъ своимъ отъѣздомъ въ Москву Татищевъ написалъ обоимъ комисарамъ на Уктусѣ, заводскому и земскому, обстоятельныя инструкціи для дѣйствія ихъ во время своего отсутствія. Изъ нихъ первому, Тимофею Бурцеву, онъ указывалъ: 1) сдѣлать роспись всѣмъ дѣламъ съ подраздѣленіемъ ихъ на категоріи: заводскія, земскія и челобитныя, передать ихъ земскому комисару и судѣ по принадлежности, съ подтвержденіемъ однако, чтобы заводскіе служители, мастеровые и рабочіе люди въ жалобахъ своихъ разбирались имъ, комисаромъ, а не судьей, кромѣ, разумѣется, тяжбныхъ и уголовныхъ дѣлъ; 2) всѣ перевозки тяжестей (угля, руды, металловъ на пристань и проч.) исполнять болѣе наймомъ съ воли, если найдутся желающіе не дороже крестьянскаго зачота, дабы не отвлекать слободскихъ крестьянъ во время полевыхъ работъ; 3) заготовить къ предстоящему весной метальному каравану 18 коломенокъ и, снабдивъ ихъ всѣмъ нужнымъ, нанять для сопровожденія его вольныхъ людей по цѣнѣ, какъ найметъ Демидовъ; 4) заготовить достаточно хлѣба и продавать его заводскимъ мастеровымъ съ прибавкою къ цѣнѣ по 1 деньгѣ на пудъ за надзоръ и анбары; 5) продавать заводскія издѣлія на мѣстѣ, для чего объявить на ярмаркѣ (въ Ирбити), за наличныя

деньги, а не въ долгъ; 6) по сработкѣ слободскими крестьянами въ зачотъ окладовъ и сборовъ вести точно дѣла, давая знать письменно земскому комисару; 7) „за школами наблюдать на-крѣпко, чтобы прилежно обучались, и всѣ по воскресеньямъ въ церковь ходили, въ чемъ побуждать поповъ и дьячковъ, чтобы отправляли, какъ въ его наказѣ о школахъ писано; также и въ слободахъ конечно бы попы крестьянскихъ дѣтей по нѣскольکو учить начали; азбукъ и часовниковъ велѣтъ купить къ каждой церкви до десяти на ихъ мірскія деньги; если же попы въ томъ преслушаться будутъ, и вамъ о томъ подать извѣстіе, за что отъ архіерея примуть они достойное наказаніе. На Алапаевскихъ заводахъ взять роспись ученикамъ и пересмотрѣтъ учатся-ли чему, и колико ихъ въ какой наукѣ; если не учатся, то изслѣдовать отъ кого то преслушаніе, а о дачѣ убогимъ и сиротамъ жалованья опредѣлить противъ здѣшняго (какъ въ Уктусѣ). Ежели же тамошняя школа не заведена, то велѣтъ дѣтей всѣхъ заводскихъ и церковныхъ служителей, также и мастерскихъ собрать и обучать, на что имъ мѣсто указано и книги даны, о чемъ какъ управителю, такъ и учителю и школьничьимъ родителямъ подтвердить подъ немалымъ штрафомъ; а которые ребята подъяческіе, дворянскіе и церковничьи писать умѣютъ, и тѣхъ взять сюда (въ Уктусъ) для обученія арифметикѣ; однако изъ одного дома по 2 не брать, и онымъ здѣсь прокормленіе (дать), понеже родителямъ прокормленіе за дальностью не способно“; 8) мастеровыхъ и всякихъ горныхъ подчиненныхъ къ судѣ подъ судъ не отпускать, но судить самимъ, развѣ онъ самовольно къ нему (судѣ) прійдетъ, или приличится къ розыску, и таковыхъ къ судѣ отпускать съ письмами, а самимъ въ розыскныя дѣла не вступаться; 9) „колодниковъ содержать по прежнему въ каторжной и посылать на работы, зачитая по указу и деньги, если кто изъ нихъ долженъ въ судную казну, отдавать судѣ“; 10) устроить и обмундировать драгунъ въ Горномъ Щитѣ.

Менѣе обширно, но также заботливо была написана Татищевымъ инструкція земскому комисару: она касалась внутреннихъ порядковъ въ поддержаніи дорогъ, мостовъ, въ наблюденіи за откупами таможенными и кабацкими, за проѣзжими и вновь прибывающими людьми, смотрѣть за судьей, чтобы напрасныхъ обидъ крестьянамъ не дѣлалъ, и пришлыхъ вновь безъ „отпусковъ“ не принимать.

Не оставилъ трудолюбивый Василій Никитичъ безъ наставленія и совѣтника Михаэлиса: внеся въ Горное Начальство двѣ записки „для напamтoванія г. бергъ-совѣтнику съ товарищи“ о разныхъ заводскихъ дѣлахъ, онъ прибавилъ къ нимъ еще третью записку съ миѣніемъ въ какомъ направленіи слѣдуетъ рѣшать означенныя дѣла. Въ этихъ трехъ документахъ онъ въ видѣ обзрѣнія трактуетъ о многихъ предметахъ, касающихся не одного горнозаводства въ томъ краѣ: объяснивъ кратко содержаніе каждаго дѣла, онъ совѣтуетъ какъ лучше вести его на будущее время. Это не самовосхваленіе, какъ то допускають не къ чести своей нѣкоторые администраторы даже на-

шего времени при разныхъ случаяхъ; напротивъ, въ запискахъ своихъ Татищевъ, какъ заботливый хозяинъ, добросовѣстно высказываетъ свое мнѣніе и мысли. Онъ обращаетъ вниманіе Горнаго Начальства на открытыя незадолго до того минеральныя воды въ деревняхъ *Ключи*, недалеко отъ Кунгура, и *Серги*, въ вотчинѣ Строгоновыхъ (нынѣ Нижне-Сергинскій заводъ Гинцбурга и К^о), для приспособленія ихъ на пользу больныхъ; совѣтуетъ осторожно поступать въ жгучемъ вопросѣ о бѣглыхъ на заводахъ людяхъ и не торопиться, чтобы не попасть въ одну изъ альтернативъ: если не выслать ихъ, то можно навлечь на себя большую отвѣтственность за ослушаніе царскимъ указамъ, а если выслать бѣглыхъ, то придется вовсе остановить заводы. Объясняя свойства рудныхъ мѣсторожденій около Кунгура, высказываетъ почему нельзя на нихъ въ скоромъ времени завести плавку рудъ. Указывая на мѣста, гдѣ можно было бы построить заводы вновь, ближе къ Чусовой, какъ сплавной рѣкѣ, совѣтуетъ какъ ихъ строить; значить знакомство Василия Никитича съ шведами на Уралѣ не прошло для него даромъ: отъ нихъ онъ многому научился. Далѣе предлагаетъ не оставлять безъ рѣшенія вопроса объ открытіи новаго тракта въ Сибирь чрезъ Кунгуръ и Уктусъ. Кажется ни одного вопроса Татищевъ передъ своимъ отъѣздомъ не миновалъ и не оставилъ безъ разъясненія. Въ одномъ изъ документовъ онъ говоритъ, какъ было бы полезно завести въ краѣ другія отрасли промышленности: бумажную, стеклянную, кожевенную, проволочную и другія.

Января 22 (1722 г.) Татищевъ выѣхалъ изъ Кунгура въ Москву, куда прибылъ ранѣе 15 февраля. Въ Москвѣ въ то время для завѣдыванія Подмосковными заводами былъ учрежденъ Оберъ-Бергъ-Амтъ, какъ отдѣленіе Бергъ-Коллегіи, и въ немъ засѣдали совѣтникъ Алексѣй Зыбинъ и ассесоръ Райзеръ. Въ концѣ марта переведена была въ Москву Бергъ-Коллегія во всемъ своемъ составѣ. Но Президента ея, гр. Брюсса, не было; онъ вернулся изъ заграничной поѣздки своей въ іюнь. По прибытіи въ Москву Татищевъ подалъ два доношенія отъ 15 и 20 февраля. Въ первомъ онъ довелъ до свѣдѣнія Бергъ-Коллегіи о постановленіи Сибирскаго Горнаго Начальства, вслѣдствіе чего онъ выѣхалъ изъ Сибири. Во второмъ доношеніи онъ писалъ, что получилъ отписку отъ бергъ-совѣтника, въ которой Михаэлисъ проситъ прислать въ Сибирь маркшейдера Штифта, лекаря, секретаря, который бы умѣлъ по-русски и по-нѣмецки (вѣроятно Ловзинымъ не совсѣмъ былъ доволенъ), мѣховыхъ и рудничныхъ машинъ мастеровъ (2 братьевъ Кейзеръ) и пастора лютеранскаго исповѣданія; также просилъ выписать изъ Берлина извѣстнаго ему доменнаго и молотоваго мастера Пече. Въ концѣ доношенія Татищевъ извѣщаетъ, что къ отправкѣ въ караванъ въ предстоящую навигацію имъ предположено до 85 тысячъ п. желѣза ¹⁾. По настоянію Татищева, Бергъ-

¹⁾ Выковен за 1721 г. 30 т. п., Демидовскаго въ десятину 15 т. п., да оставшагося на пристани отъ прежнихъ лѣтъ 40 т. п. Но успѣли нагрузить и отправить въ тотъ годъ только 36 т. пудовъ.

Коллегія приговорила потребовать изъ артиллерійской школы въ Москвѣ 6 старшихъ учениковъ, „которые были бы въ наукахъ искусны и состоянія (поведенія) добраго, и могли бы горнымъ дѣламъ обучиться и въ высшіе ранги произойти“¹⁾.

Казалось все шло обычнымъ порядкомъ: Бергъ-Коллегія нашла поѣздку Татищева уважительною и онъ спокойно ожидалъ прибытія въ Москву своего начальника, гр. Брюсса, ничего не подозрѣвая, какъ вдругъ 7 мая Бергъ-Коллегія получила доношеніе за рукою генераль-маіора Геннина²⁾, гдѣ написано слѣдующее: „Имяннымъ Его Императорскаго Величества указомъ повелѣно мнѣ ѣхать въ Сибирь, Кунгурскій, Верготурскій и Тобольскій уѣзды, на желѣзные и мѣдные казенные заводы для бергъ-коллежскихъ дѣлъ и исправленія тѣхъ заводовъ, о чемъ дана мнѣ и *Инструкція* за подписавіемъ Его Величества собственной руки, и въ ней между прочимъ написано: „*розыскать между Демидовымъ и Татищевымъ, также и о всемъ дѣлѣ Татищева, не маня ни для кого.* И писать о томъ въ Сенатъ, также въ Бергъ-Коллегію и къ Намъ“. И чтобы для того повелѣно было капитану Татищеву ѣхать со мной въ Сибирь, для очной ставки при розыскѣ съ Никитою Демидовымъ“.

Татищевъ догадался откуда произошелъ ударъ: въ то время, когда онъ сидѣлъ въ Москвѣ, дожидаясь приѣзда гр. Брюсса, Демидовы чрезъ своихъ „милостивцовъ“ успѣли подкопаться подъ него и столкнуть съ мѣста. Въ числѣ „милостивцовъ“, которыми они всегда старались заручиться, на этотъ разъ были: адмиралъ гр. Ѳедоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, очень вліятельный въ свое время человекъ, и самъ свѣтлѣйшій князь А. Д. Меншиковъ.

Назначеніе Дегеннина на уральскіе заводы послѣдовало еще въ мартѣ мѣсяцѣ 1722 г., по всей вѣроятности, по совѣту гр. Апраксина, которому Демидовы хорошо были извѣстны по поставкѣ корабельнаго желѣза во флотъ. Зная по опыту, что нужно „ковать желѣзо пока оно горячо“, они воспользовались настоящей минутой и „обогнали“ Татищева. Такъ выразился Дегеннинъ позднѣе въ письмѣ своемъ Царю послѣ розыска³⁾.

1) Были выбраны на заводы школьники: Андрей Астафьевъ, Степанъ Москвинъ, Тимофей Куроѣдовъ, Андрей Порошинъ, Афонасій Митеневъ и Петръ Родіоновъ. Они выбраны были самимъ Татищевымъ, и съ нимъ же поѣхали на Уралъ. Имъ назначено жалованье старшимъ по 1½ р., а младшимъ по 1 р. въ мѣсяцъ, съ выдачею каждому солдатскаго пайка и на подъемъ по 5 руб.

2) До 1731 г. онъ подписывался: „Вилимъ Геннинъ“; но съ этого года онъ измѣнилъ свою подпись на Дегеннинъ.

3) Петровскіе заводы на Олонцѣ, которыми управлялъ Дегеннинъ, были подчинены вѣдѣнію Адмиралтействъ-Коллегіи, и между Президентомъ ея гр. Ѳ. М. Апраксинимъ и Дегенниномъ существовала обширная переписка. При назначеніи его на Уралъ гр. Апраксинъ просилъ его оказать Демидову помощь, что видно изъ письма Дегеннина къ гр. Апраксину: „вспоможеніе Демидову чинить я радъ только въ томъ, что интересу Е. И. Величества непротивно“. Впослѣдствіи, когда Дегеннинъ оправдалъ Татищева, гр. Апраксинъ остался очень недоволенъ, и переписка между ними прекратилась на два года.

Извѣстно, что Татищевъ былъ преданъ Вышнему Суду при Сенатѣ. Въ дѣлахъ Бергъ-Коллегіи сохранился слѣдующій документъ: „Указъ изъ Канцеляріи Вышняго Суда въ Бергъ-Коллегію, 18 мая 1723 года: вельно справиться: капитану Татищеву, при отправленіи его изъ той Коллегіи въ Сибирь, на мѣдные и желѣзные заводы, въ какой силѣ инструкція дана? И онъ, Татищевъ, съ тѣхъ заводовъ за неумѣньемъ плавильщиковъ о запрещеніи имъ на мѣдныхъ заводахъ плавки мѣди и о присылкѣ плавильщиковъ и гармахера, и о непорядочномъ устроеніи Уктусскихъ и Алапаевскихъ заводовъ, и чтобъ вмѣсто оныхъ повелѣно было ему на Исети рѣкѣ построить вновь въ Бергъ-Коллегіи—многожды-ль доносилъ? и къ тому строенію завода удобному мѣсту чертежи сообщилъ-ли? И о бывшей при заводѣ заставѣ, которая до его прибытія изъ губерніи учреждена, и что онъ въ проѣздѣ всякихъ чиновъ людей усмотрѣлъ на той заставѣ слабость—доносилъ ли? И на тѣ его доношенія указы въ какой силѣ къ нему посланы? Прислать въ Вышній Судъ извѣстіе объ этомъ въ немедленномъ времени“. Подлинный указъ подписали: „Семень Блеклой, Александръ Бредихинъ, Иванъ Бахметевъ“. Но въ Высшемъ Судѣ кромѣ ихъ участвовали: гр. Андрей Матвѣевъ, гр. Мусинъ-Пушкинъ и Мамоновъ.

Черезъ 12 дней, т. е. 1 іюня, объ исполненіи сего указа, по жалобѣ Вышняго Суда, было подтверждено Бергъ-Коллегіи отъ Кабинета Его Величества, за подписью кабинетъ-секретаря А. В. Макарова.

Изъ приведеннаго выше документа, а равно изъ словъ данной Дегенину Инструкціи: „розыскать между Демидовымъ и Татищевымъ, также о всемъ дѣлѣ Татищева“, слѣдуетъ заключить, что на Василія Никитича были поданы обвинительные пункты. Они были сочинены по всей вѣроятности Демидовыми, и чрезъ графа Апраксина представлены Царю. Татищевъ призывался въ Вышній Судъ и давалъ свои показанія, на основаніи которыхъ и состоялся означенный запросъ Вышняго Суда Бергъ-Коллегіи. Видно также, что Вышній Судъ не торопился рѣшеніемъ дѣла, такъ какъ объясненія на свои запросные пункты потребовалъ отъ Бергъ-Коллегіи ровно черезъ годъ отъ начала дѣла. Къ сожалѣнію, въ Горномъ Архивѣ мы не нашли полного изложенія по этому розыскному дѣлу ¹⁾. Сохранилось только во всей цѣлости „доношеніе“ (вѣрнѣе назвать извѣтъ) Никиты Демидова, поданное имъ на Татищева 7 іюня (1722 г.) въ Бергъ-Коллегію, когда главное дѣло—смѣна Татищева—было совершившейся фактъ: „Въ бытность въ Сибири (такъ доносить Никита Демидовъ) на Уктусскихъ заводахъ отъ Артиллеріи капитанъ Василій Татищевъ поставилъ во многихъ мѣстахъ заставы, а нынѣ я увѣдомился чрезъ письмо сына своего Акинфія, что тѣ заставы содержитъ комисаръ Уктусскаго завода Тимофей Бурцовъ, и чрезъ оныя на Невьянскіе заводы

¹⁾ Томъ, гдѣ по алфавитику значились все документы по розыску Дегенина, затерявъ

хлѣбнаго припасу не пропускаютъ и отъ того не токмо вновь мѣдные заводы строить и размножать, но и желѣзные заводы за небытіемъ работныхъ людей конечно въ дѣлѣ и во всемъ правленіи государевыхъ желѣзныхъ припасовъ (это воинскіе снаряды и корабельное желѣзо) учинилась остановка, понеже который хлѣбъ и былъ, и тотъ мастеровые и работные люди дѣлили на человека по четверику, и отъ такого хлѣбнаго оскудѣнія пришлые работные люди на нашихъ заводахъ не работали, всѣ врознь разбрелись, да и крестьяне, купленные нами въ нижегородской губерніи, и переведенные на заводы изъ Фокина села для работъ, и изъ тѣхъ крестьянъ отъ той хлѣбной скудости многіе бѣжали, а наипаче большая половина померли, о чемъ сынъ мой въ Сибири Горному Начальству подаль доношеніе, съ котораго въ Государственную Коллегію бергъ-совѣтникъ Михаэлисъ прислалъ копію¹⁾. Никита Демидовъ просилъ дать указъ о пропускѣ чрезъ заставы хлѣба¹⁾.

На спросъ Бергъ-Коллегіи по содержанію сего доношенія Татищевъ на другой же день отвѣтилъ, что „заставы учреждены имъ по указу губернаторскому для удержанія проѣзжихъ съ товарами заповѣдными, неявленными, и чтобъ неуказными дорогами для воровства никто не ѣздилъ; а о пропускѣ на заставахъ хлѣба запрещенія вовсе не было“. Василій Никитичъ, какъ видно, и въ Москвѣ зналъ обо всемъ, что происходило на сибирскихъ заводахъ, и доносъ Демидовыхъ не засталъ его въ расплахъ: къ отвѣту своему онъ приложилъ копію съ письма Бурцева, въ которомъ Укусскаго комисаръ писалъ слѣдующее: „въ бытность г. бергъ-совѣтника Михаэлиса на Оедьковскихъ (Невьянскихъ) заводахъ подали мастера, по наученію Акинфія Демидова, челобитную, что постановлена застава отъ Горнаго Начальства, и на тѣхъ заставахъ къ Демидову хлѣбъ не пропускаютъ, и отъ того мастера и работные люди помираютъ голодомъ. Да онъ же, Демидовъ, прислалъ нынѣ къ г. совѣтнику на него, Бурцева, доношеніе, что будто онъ, Бурцовъ, заставы поставилъ и хлѣбъ пропускать не велѣлъ отъ себя, и что все это Акинфій клеветаетъ напрасно“. Къ отвѣту своему Татищевъ приложилъ еще другой документъ: доношеніе заставнаго комисара Якова Вистипцаго, опредѣленнаго Татищевымъ, передъ самымъ своимъ отъѣздомъ изъ Сибири, въ заставные надзиратели на Невьянскомъ заводѣ: „Сего 9 апрѣля прибывъ на заводъ, Акинфія Демидова не улучилъ (дома), и показалъ указъ прикащику его Сидору Оеклистову, который съ указа копіи не взялъ, а сказалъ, что указы губернаторскихъ слушаться имъ не повелѣно, а повелѣно де быть имъ по-

¹⁾ Надо полагать однако что „разбрелись“ и „померли“ изъ фокинскихъ крестьянъ, какъ пишетъ Акинфій Демидовъ, далеко не всѣ: тѣ изъ числа ихъ, которыхъ онъ принялъ къ себѣ на заводы безъ „отпусковъ“ и которые оказались бѣглыми изъ вотчины генерала Салтыкова, остались живы и здоровы, такъ какъ по открытіи впоследствии ихъ бѣгства, всѣ они были возвращены своему вотчиннику съ уплатою Акинфіемъ Демидовымъ большаго штрафа. Впрочемъ лукавая подкладка проглядываетъ въ каждой строкѣ „извѣта“.

слушнымъ изъ Бергъ-Коллегіи указамъ за рукою Государя, или Сенатскимъ“. Что учрежденіе заставъ не могло нравиться Демидовымъ,—это совершенно понятно. Понятно и то, почему Михаэлиса не достало, чтобы, получивъ челобитную отъ мастеровъ на заводѣ, тутъ же на мѣстѣ разобрать жалобу, и своевременнымъ извѣщеніемъ упредить Бергъ-Коллегію о лживости ея: прибывъ недавно въ Россію, не зная ни народныхъ нравовъ, ни порядковъ нашихъ, ни натянутыхъ отношеній Демидова съ Татищевымъ, онъ ограничился только тѣмъ, что обѣ жалобы представилъ на рѣшеніе Бергъ-Коллегіи.

Дегеннинъ отправился на Уралъ изъ Москвы 29 іюля водою. Онъ взялъ съ собою изъ Бергъ-Коллегіи трехъ лучшихъ мастеровъ изъ иностранцевъ; другихъ мастеровъ литейныхъ и плавильныхъ для доменной и мѣдной плавки, а равно мастеровъ для дѣла стали, проволоки, жести, гвоздей и машинъ, онъ отправилъ на Уралъ прямо изъ Олонца. Петръ Великій, узнавъ, что въ одномъ полку находится музыкантъ изъ иноземцевъ, Гельвицъ, работавшій прежде въ своемъ отечествѣ Саксоніи, на добычѣ руды, велѣлъ и его послать на Уралъ. Видно, что Дегеннинъ, хотя самъ былъ превосходный техникъ, постарался запасться знающими мастерами; а Татищева Бергъ-Коллегія оставляла въ иномъ положеніи. Василій Никитичъ отправился въ Сибирь на особомъ стругѣ и повезъ съ собою всѣхъ 6 школьниковъ, 50 п. пороху и 300 п. гжельской огнеупорной глины. Передъ самымъ отъѣздомъ своимъ онъ подалъ 30 іюля въ Бергъ-Коллегію слѣдующее доношеніе, написанное собственноручно: „По указу Его Императорскаго Величества Бергъ-Коллегія опредѣлила ѣхать мнѣ паки въ Сибирь къ Горному Начальству, и явиться къ господину генералъ-маіору Геннину для очныхъ ставокъ съ Демидовымъ, а въ инструкціи ему за подписаніемъ Его Величества написано: розыскать между Демидовымъ и мной, и *о всѣхъ моихъ дѣлахъ*: и потому до окончанія розыска у тѣхъ горныхъ дѣлъ быть мнѣ невозможно. Того ради покорно прошу, дабы отъ Горнаго Начальства повелѣли меня отрѣшить, и по окончаніи розыска меня и подъячаго Клушина, который при мнѣ у прихода и расхода былъ, отпустить въ Москву, давъ подводы и прогоны“. Бергъ-Коллегія (указъ 7 августа) согласилась только съ первою половиною просьбы (съ отрѣшеніемъ его отъ дѣлъ), но отказала во второй половинѣ: „по окончаніи розыска, не описався, никуда ему не отъѣзжать; а для управленія дѣлами въ Горномъ Начальствѣ быть съ совѣтникомъ Михаэлисомъ Ивану Патрушеву за комисара до указа, да бергмейстеру Блюэру, и управлять съ общаго совѣта“.

Какъ видно, Василій Никитичъ самъ напомнилъ Бергъ-Коллегіи о сдѣланномъ ею пропускѣ при первомъ указѣ „ѣхать ему обратно въ Сибирь для розыска“. Можетъ быть этотъ пропускъ сдѣланъ съ умысломъ, по настоянію президента Бергъ-Коллегіи, прибывшаго въ Москву во время самаго начала гоненій на Татищева, и подписывавшаго уже указы 12 іюня. Гр. Брюсъ,

всегда благосклонно относившійся къ Татищеву, зная притомъ его предусмотрительность въ дѣлахъ, не желалъ лишить Дегеннина такого трудолюбиваго и опытнаго помощника, какимъ могъ быть Василій Никитичъ, уже хорошо ознакомившійся съ краемъ. Впослѣдствіи мы увидимъ, что графъ Брюсъ и въ это тяжелое для Татищева время не лишалъ его своей благосклонности, но не заступился за него потому, что былъ не въ силахъ бороться съ вліяніемъ сильныхъ „милостивцевъ“ Никиты Демидова, находясь впрочемъ, съ ними въ самыхъ пріязненныхъ отношеніяхъ. Тутъ онъ видѣлъ волю посильнѣе всѣхъ, непреклонную волю Царя, и молчалъ. Замѣтимъ при этомъ, что Дегеннинъ былъ посланъ на Уралъ временно, и не какъ начальникъ заводовъ, а только для исправленія и размноженія ихъ. Испрашивая для себя инструкцію, онъ заявлялъ, что веденіе счетовъ и письменныхъ дѣлъ на себя не принимаетъ, и ходатайствовалъ, „чтобы въ помощь ему посланъ былъ отъ Бергъ-Коллегіи директоръ, извѣстный человѣкъ“. Петръ Великій выбралъ самъ и послалъ къ Дегеннину въ директоры сержанта лейбъ-гвардіи Преображенскаго полка Украинцова, намѣреваясь поручить ему все управленіе Сибирскими заводами впослѣдствіи, когда Дегеннинъ окончитъ дѣла по благоустройству заводовъ и оставитъ Сибирь.

Дегеннинъ прибылъ въ Кунгуръ 2-го октября (1722 г.). Татищевъ, выѣхавшій изъ Москвы 10 днями позже, конечно поспѣшилъ прибыть туда около того же времени. Спустя мѣсяць онъ послалъ графу Брюсу письмо, 9-го ноября, слѣдующаго содержанія: „Симъ временемъ инаго вашему сіятельству донести не имѣю, токмо что господинъ генераль-маіръ послѣднія мѣста (рудныя подъ Кунгуромъ) осмотра, вчера сюда возвратился, и обрѣлъ всѣ здѣшнія мѣста постоянныхъ рудъ не имѣютъ, и утаенія, или нерадѣнія моего обрѣсти не могъ. Сегодня отъѣзжаемъ къ Соли-Камской для осмотра рудныхъ мѣстъ, а оттуда возвратясь, поѣдемъ къ Демидову на заводы для розыску; однако я никакого сумнѣнія и страха не имѣю, чтобъ могъ Демидовъ жалобу свою за истину доказать; на сіе научить насъ время. На здѣшнія Горнаго Начальства дѣла съ сожалѣніемъ смотрю, ибо многіе указы и дѣла, рѣшенія и исполненія требующія, лежатъ и исполнять (ихъ) некому: совѣтникъ (Михаэлисъ) не хочетъ, бергмейстеръ такожь опасается, яко чужеземець, дабы невѣдѣніемъ не попасть въ погрѣшность, а бергъ-фохтъ Патрушевъ боленъ, и русскаго такого, ктобъ вмѣсто меня въ денежныхъ расходахъ и приказныхъ дѣлахъ имъ помочествовать никого нѣтъ, а генераль-маіоръ такожь вступаться не хочетъ, и хотя мнѣ дѣла до онаго бы не было, однакожь, опасаясь большаго непорядка, не могъ удержаться, чтобы вашему сіятельству не донести, дабы заблаговременно опредѣленіемъ добраго управителя вредамъ подлежащимъ предупредитъ соизволили прекратить сіе“.

Это письмо служитъ явнымъ доказательствомъ, что графъ Брюсъ не былъ противъ Татищева; равнымъ образомъ и Бергъ-Коллегія, гдѣ самымъ вліятельнымъ членомъ сидѣлъ бывшій сослуживецъ его въ Артиллеріи подполковникъ Алексѣй

Кириловичъ Зыбинъ, не участвовала въ обвиненіи его. Графъ Брюсъ изъ личныхъ объясненій Татищева, подкрѣпленныхъ справками изъ дѣлъ, могъ признать всю правоту его, но не могъ устоять противъ вліятельныхъ лицъ.

Дегеннинъ, осмотрѣвъ всѣ заводы и рудныя мѣста, описалъ ихъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ (въ письмахъ своихъ графу Апраксину и самому Петру):

„На Государевы заводы сожальтельно смотрѣть, и оныя весьма нынѣ въ худомъ порядкѣ: первое не въ удобномъ мѣстѣ построены, и за умаленіемъ воды много прогулу бываетъ; второе: припасовъ (т. е. инструментовъ и другихъ техническихъ приборовъ) мало; третье: мастера самыя бездѣльные и необученныя; и нынѣ оныя заводы мнѣ надлежитъ исправить, а паче вновь въ хорошихъ мѣстахъ построить, и фабрики, которыя мнѣ велѣно въ дѣйство произвести, чтобы впредь прогулу за умаленіемъ воды не было, понеже я присмотрѣлъ положенія мѣстъ изрядныя, а припасы до С.-Петербурга и въ прочія мѣста въ Россію ставить водою можно“.

Но вѣдь таковъ отзывъ и почти въ такихъ же выраженіяхъ подавалъ въ Бергъ-Коллегію и Татищевъ, и если Дегеннинъ началъ прежде всего ставить новый заводъ (чугуноплавленый и желѣзоковательный) на р. Исети, то на эту мѣстность указалъ ранѣе и даже началъ постройки возводить также Татищевъ. Далѣе о рудныхъ (мѣдныхъ) мѣстахъ около Кунгура Дегеннинъ не только подтвердилъ мнѣніе Татищева, но и принялъ его способъ разработки ихъ (посредствомъ вольныхъ рудокоповъ, а не отъ казны). О желѣзной рудѣ въ Алапаевскомъ заводѣ Дегеннинъ сказалъ: „и гдѣ такая богатая желѣзная руда есть, что половина желѣза изъ нея выходитъ, а на Олонцѣ пятая доля выходитъ“. Впослѣдствіи найдены на Уралѣ руды лучше и богаче. О времени, когда можно перестроить заводы, Дегеннинъ въ письмѣ къ Петру говоритъ такъ: „И хотя я въ трудахъ разорвусь, однако заводы новыя, желѣзные и мѣдныя, немогу скорѣе строить и умножить. Остановка истинно не отъ меня: то ты повѣрь мнѣ; но остановка есть, что у меня немного искусныхъ людей въ горномъ и заводскомъ дѣлѣ, и вездѣ самъ для дальнаго разстоянія быть и указать не могу; а плотники здѣсь не такіе, какъ Олонецкіе, но пачкуны“. Далѣе въ томъ же письмѣ своемъ Дегеннинъ проситъ, чтобы всѣ мѣстные воеводы не только помогали бы, но и были послушны ему, и тому, кто займетъ его мѣсто: „безъ такого указа быть невозможно, а будетъ не такъ, послѣ опять неладно будетъ, самъ знаешь ихъ, и чтобъ они не описывались“.

Не смотря на то, что Дегеннинъ взялъ съ собой много иностранныхъ и доморощенныхъ (съ Олонца) мастеровъ, онъ просилъ выписать для него еще нѣсколько человѣкъ иностранцевъ, и когда ему присланы были нанятые вновь въ Германіи (ассессоромъ Бергъ-Коллегіи Райзеромъ въ 1724 г.), то Дегеннинъ остался ими недоволенъ и выразился иронически: „Саксонскіе мастера или, какъ ихъ назвать, ученики сюда прибыли, и я ихъ опредѣлилъ куда слѣдуетъ. То-то надлежало бы тамъ людей прежде хотя словами экзамено-

вать, и потомъ принять, чтобъ время и деньги не пропадали, а которые нужны мастера, (тѣхъ) Райзеръ позабылъ привести“.

Вотъ въ общихъ чертахъ мнѣніе Дегеннина о мѣстныхъ заводахъ, и мы привели его здѣсь съ тою цѣлію, чтобы показать, что Татищевъ тоже самое и по многимъ предметамъ почти въ тѣхъ же выраженіяхъ высказывалъ Бергъ-Коллегіи въ своихъ доношеніяхъ; также просилъ прислать мастеровъ, а ему послали одного и притомъ такого, въ услугахъ котораго онъ вовсе не нуждался. Нельзя не пожалѣть, что Бергъ-Коллегія, отдавая впрочемъ справедливость достоинствамъ и трудамъ Василя Никитича, недостаточно внимала его настояніямъ и медлила исполнить его требованія.

Весь октябрь и часть ноября Дегеннинъ провелъ въ обзорѣніи. Возвратясь въ Кунгуръ 20 ноября, онъ чрезъ шесть дней отправился къ Демидову, прибылъ на Невьянскій заводъ 1 декабря и тотчасъ приступилъ къ розыску ¹⁾.

Вотъ что написалъ Дегеннинъ графу Апраксину, 17 декабря 1722 года, изъ Уктуса: „О ссорѣ Демидова съ Татищевымъ, когда я у него (Демидова) письменно и словесно требовалъ, чтобы онъ, учиня извѣстіе, принесъ: какія ему отъ Татищева обиды и въ дѣлахъ помѣшательство или остановка были и о прочемъ; и онъ, Демидовъ, говорилъ: „я де буду съ нимъ, Татищевымъ, мириться, а взять мнѣ съ него нечего“. И на то я ему сказалъ: такой мировой челобитной безъ воли Его Величества принять не могу и мирить ихъ не мое дѣло, понеже я посланъ отъ самого Государя для онаго розыску, и велѣно учинить не маня ни для кого, и Его Величество хочетъ вѣдать, праведно-ль ты Его Величеству и прочимъ въ Москвѣ доносилъ; но онъ тогда о той жалобѣ на письмѣ дать не хотѣлъ, и говорилъ: „я де писать не могу, и какъ писать—не знаю, и не ябѣдникъ“. Это былъ первый допросъ.

„И потомъ, продолжаетъ Дегеннинъ, послалъ я гвардіи сержанта (Украинцова) и прочихъ и велѣлъ ему сказать не въ сердцѣ, но христіанскою любовью, чтобъ онъ на письмѣ свою жалобу объявилъ, о которой онъ словесно мнѣ доносилъ, дабы я могъ оное дѣло изслѣдовать, и къ Его Величеству писать, а ежели-жъ о томъ письменно не подастъ, то всякъ будетъ мнить, что онъ (Демидовъ) виноватъ, для того его, Татищева, уличить не можетъ, и зпато будетъ, что онъ Его Величеству и вашему сіятельству (графу Апраксину) и прочимъ на Татищева жалобу приносилъ напрасно“.

„И потомъ же онъ, Демидовъ, принесъ доношеніе, объявля отъ Татищева и отъ комисара Бурцова; который подъ его же, Татищева, командой былъ, учиненныя ему, Демидову, обиды, а именно: о учиненіи заставъ, отъ которыхъ ему въ непривозѣ хлѣба на заводахъ была превеликая нужда, и

¹⁾ Не найдя въ горномъ архивѣ подлинныхъ документовъ о розыскомъ дѣлѣ, мы заимствовали свѣдѣнія о немъ изъ писемъ Дегеннина, напечатанныхъ въ „Горномъ Журналѣ“ за 1826 г. и изъ Исторіи Р. Г. С. М. Соловьева.

объ отнятіи нѣкоторой части его, Демидова, пристани, что на р. Чусовой (Курьинская деревня). А другія отъ Татищева ему обиды были-ли, также и о прочемъ его дѣлѣ письменнo о нѣ, Демидовъ, мнѣ не показаль“.

Такимъ неловкимъ положеніемъ своимъ въ описанномъ розыскѣ старикъ Никита Демидовъ, человѣкъ, заслужившій своими трудами имя и славу въ исторіи отечественной горнопромышленности, обязанъ былъ своему сыну Акинфію. Осторожность и сдержанность Никиты Демидова въ отвѣтахъ его Дегеннину была необходима; иначе роли могли переимѣниться, и изъ обвинителя онъ могъ попасть въ обвиняемаго: если бы дѣло дошло до спроса мастеровъ и рабочихъ, пострадавшихъ „отъ хлѣбной скудости“, по поводу непропуска на заставахъ хлѣба, то легко могъ явиться къ допросу бѣглый рекрутъ, или мастеръ Ѳедоръ Инютинъ, бѣжавшій съ казенныхъ заводовъ къ Демидову, чтобы избѣжать жестокаго наказанія. И тогда Татищевъ заговорилъ бы съ своей стороны противъ своихъ обвинителей.

Дальнѣйшія подробности розыска неизвѣстны, и мы можемъ привести только результатъ его, выраженный въ письмѣ Дегеннина Царю ¹⁾.

„Когда Татищевъ здѣшніе заводы и дистрикты не вѣдалъ, а о заставахъ не доносилъ, то свободно было тайными дорогами съ заповѣдными товары и съ прочими съѣстными припасы безъ выписей и не заплатя пошлинъ на Демидова заводы прѣзжать, какъ и нынѣ явилось, иное въ правдѣ, а болѣе лгали, чтобъ такимъ крѣпкимъ заставамъ не быть, а Демидовъ мужикъ упрямъ: видя, что ему другіе стали въ карты смотрѣть, не справясь, повѣря мужицкой злобѣ, жаловался для того: до сего времени никто не смѣлъ ему, бояся его, слова выговорить, и онъ здѣсь поворачиваль какъ хотѣлъ. Ему же досадно было, что Татищевъ сталъ съ него спрашивать отъ желѣза десятую долю“. „Ваше Величество изволили мнѣ дать отъ гвардіи сержанта Украинцова, чтобы безъ бытности моей быть ему надъ всѣми заводами директоромъ, и хотя онъ человѣкъ добрый, но не смыслить сего дѣла, и десятеро въ Украинцову мѣру не смыслять. Того ради Вашему Величеству отъ радѣтельнаго и вѣрнаго моего сердца, какъ отцу своему, объявляю: къ тому дѣлу лучше не смскаль, какъ капитана Татищева, и надѣюсь, что Ваше Величество изволите мнѣ въ томъ повѣрить, что я онаго Татищева представляю безъ пристрастія, не изъ любви или какой интриги, или бѣ чьей ради просьбы, я и самъ его рожу калмыцкой не люблю, но видя его въ дѣлѣ весьма права, и къ строенію заводовъ смышленна, разсудительна и прилежна, и хотя я ему о томъ представлялъ, но онъ мнѣ отговаривается, что ему у того дѣла быть нельзя: первое, что Ваше Величество имѣете на него гнѣвъ и подозрѣніе, котораго опасаясь, смѣло, какъ надлежитъ (дѣйствовать) не посмѣеть, и черезъ то дѣло исправно не будетъ. Та-

¹⁾ Исторія С. М. Соловьева.

кожъ если онъ не увидитъ Вашей къ себѣ милости, то нѣтъ надежды упо-
вать за трудъ награжденія, и особливо въ такомъ отдаленіи, гдѣ и великаго
труда видѣть не можно, ежели не чрезъ представительство другихъ полу-
чить. Третье: ежели на Демидова управы учинено за *оболганіе* не будетъ, и
убытки его (Татищева) награждены не будутъ, то онъ и впредь съ нимъ бу-
детъ во враждѣ и безпокойствѣ, чрезъ что пользѣ Вашего Величества не
безъ вреда быть можетъ, а сихъ ради причинъ онъ, Татищевъ, здѣсь
быть охоты не имѣетъ. Пожалуй, не имѣй на него гнѣву и выведи его изъ
печали и прикажи ему здѣсь быть оберъ-директоромъ, или оберъ-совѣтни-
комъ“.

Въ этомъ письмѣ видна вся правдивая и честная душа Дегеннина: не
смотря на то, что онъ Татищева не любитъ, а равно и на то, что графъ
Апраксинъ, генераль-адмиралъ, очень сильный и вліятельный сановникъ,
просилъ Дегеннина „оказать Демидову вспоможеніе“, онъ остался справедли-
вымъ, и мы думаемъ, что лучшаго оправданія нельзя было привести.

Письмо Дегеннина застало Петра Великаго въ Рочервикѣ (Ревелѣ), и
оттуда 16 іюля 1723 г. на кораблѣ „Екатерина“ Царь издалъ слѣдующій
указъ за собственноручнымъ подписаніемъ на имя Дегеннина: „Господинъ
генераль-маіоръ! Пишете о сержантѣ Украинцовѣ, что (онъ) при тѣхъ за-
водскихъ дѣлахъ быть незвычайенъ (необыченъ), и чтобъ у того дѣла быть
по прежнему Татищеву, ибо онъ по дѣлу съ Демидовымъ явился правъ,
того для: онаго Татищева опредѣли къ тѣмъ дѣламъ. Также и Ѳедору
Еварлакову при немъ же вели быть у того дѣла“.

Копія съ сего Высочайшаго указа прислана была графу Брюсу Каби-
нетъ-Секретаремъ Государя Алексѣемъ Васильевичемъ Макаровымъ при осо-
бомъ письмѣ его, отъ 19 іюля, и это письмо замѣчательно тѣмъ, что въ
немъ подробнѣе, чѣмъ въ указѣ, развиты намерѣнія Петра Великаго отно-
сительно будущаго управленія Сибирскими заводами, и мы приведемъ письмо
дословно.

„Государь мой милостивый, Яковъ Вилимовичъ! Письмо вашего граф-
скаго сіятельства я получилъ, въ которомъ изволите писать о совѣтникѣ Ми-
хаэлисѣ, какимъ бы образомъ съ генераль-маіоромъ Генниномъ въ ссорахъ
ихъ развести, и именно, чтобъ имъ быть каждому у особаго дѣла, о чемъ
я Его Величеству доносилъ, на что (Государь) изволилъ сказать: что Ген-
нину-де тамъ быть не долго, а дѣла его велѣно поручить Василью Тати-
щеву, о чемъ указъ Геннину посланъ (съ котораго при семъ прилагаю
кошію), и для того, какъ скоро и совѣтникъ Михаэлисъ тамъ дѣло свое
скончаетъ, то бы-де лучше и его взять по старому въ Бергъ-Коллегію. Од-
накожь лучше, что изволите о томъ обождать до прибытія Его Величества
въ Петербургъ, ибо Его Величество вскорѣ отсель изволитъ путь свой взять
въ Петербургъ. Впрочемъ остаюсь вашего графскаго сіятельства, моего ми-
лостиваго государя, покорный слуга Алексѣй Макаровъ“. И потомъ на под-

ливномъ письмѣ слѣдуетъ приписка рукою самого Кабинетъ-Секретаря: „Р. С. Увѣдомился я, что Василію Татищеву жалованья посылать удержано, а нынѣ онъ явился правъ, то прикажите ему (жалованье) отпускать. При чемъ же прилагаю копію съ указа (второго) Его Величества къ нему же генералу Геннину о литьѣ мортирѣ и бомбѣ ¹⁾“.

Такимъ образомъ Демидовы, не смотря на сильныхъ „милостивцовъ“ своихъ, дѣло проиграли: Петръ Великій, входя во все дѣла самъ, не допустилъ смять Татищева, и возвратилъ ему свою милость. Смирился и Акинфій Демидовъ, и въ письмѣ своемъ къ князю Меншикову, отъ 24 апрѣля 1724 г., пишетъ слѣдующее: „Въ благодареніе содѣтеля моего Бога случилось, что съ господиномъ совѣтникомъ Татищевымъ въ происшедшемъ между нами дѣлѣ состоялся миръ: этого ради низжайше вашу высококняжескую свѣтлость прошу: буди, Государь, по отеческой своей милости, за меня заступникъ, чтобъ сему подобно смириться и съ благороднымъ господиномъ генералъ-лейтенантомъ Салтыковымъ по дѣлу моему съ нимъ въ сысканіи на мнѣ за бѣглыхъ его крестьянъ пожилыхъ денегъ“... Читатель уже знаетъ о какихъ крестьянахъ идетъ тутъ рѣчь. Василій Никитичъ однако не пропустилъ клеветы Демидову даромъ, и долго спустя по возвращеніи своемъ изъ Швеціи, въ 1726 году, потребовалъ отъ него, по обычаямъ того времени, за „оболганіе“ вознагражденіе въ 2000 руб. ²⁾“.

Оба Высочайшіе указа, отъ 16 іюля въ Розервикѣ, Дегеннинъ получилъ 5 сентября, чрезъ курьера Вельяминова, во вновь построенной имъ заводской крѣпости: *Екатеринбургъ*, гдѣ уже успѣлъ возвести много заводскихъ устройствъ, какъ-то: доменные печи и фабрики для дѣла жести, проволоки и стали. Въ отвѣтномъ доношеніи своемъ къ Императору онъ писалъ, что „о прощеніи Еварлакова и опредѣленіи Татищева къ заводскимъ дѣламъ отъ радости не могъ читать безъ слезъ“.

Василій Никитичъ въ это время находился у Соли-Камской, гдѣ зани-

¹⁾ Второй Высочайшій указъ Дегеннину: „По полученіи сего вели вылить на желѣзныхъ заводахъ 20 мортирѣ чугунныхъ, въ томъ числѣ 10 трехпудовыхъ, а другія 10 двухпудовыхъ, и чтобъ станки у нихъ были желѣзные, также и бомбѣ къ нимъ ста по два, или по три, и какіе поспѣютъ отправъ въ Астрахань для посылки въ новые города. Петръ. 16 іюля 1723 года, Рочервикѣ. Корабль Екатерина“.

²⁾ Въ письмѣ своемъ къ князю Меншикову отъ 15 февраля 1727 г., Акинфій Демидовъ, сдѣлавшійся въ то время, по смерти своего отца, полноправнымъ владѣльцемъ всехъ Невьянскихъ заводовъ, говоритъ: „Нынѣ бергъ-совѣтникъ Василій Татищевъ желаетъ со мной мириться и проситъ двухъ тысячъ рублевъ... Токмо я подъ такимъ сомнѣніемъ остаюсь, понеже который приговоръ до мнѣнія господина генералъ-маіора Геннина, въ Вышнемъ Судѣ и учиненъ, и въ томъ того не показано, чтобъ ему, Василію Татищеву, какую награду учинить, но однакъ въ семъ на высокое вашей высококняжей свѣтлости отческое милосердіе полагаюсь, какъ ты, Государь, о семъ соизволишь, хотя ему что и дать, быть такъ“. Но неизвѣстно получили-ли Татищевъ это вознагражденіе или нѣтъ. Въ концѣ письма Акинфій Демидовъ проситъ князя Меншикова снова объ отдачѣ Алапаевскихъ заводовъ, но непремѣнно съ приписными къ нимъ слободами.

мался постройкою двухъ заводовъ по системѣ р. Камы,—Пыскорскаго и Ягошиненскаго для плавки мѣди. Тамъ же находились и Украинцовъ съ Михаэлисомъ. По полученіи радостнаго извѣстія Татищевъ пріѣхалъ къ Дегеннину, который и послалъ его въ послѣднихъ мѣсяцахъ 1723 года въ С.-Петербургъ курьеромъ съ представленіемъ къ Императору „о нужнѣйшихъ заводскихъ дѣлахъ съ пунктами, что все строеніе, фабрики и заводы, къ содержанію своему, требуютъ рабочихъ людей и денегъ, и сколько можно получить отъ заводовъ прибыли“. Надо полагать, что Петръ Великій принялъ Татищева милостиво, что видно изъ слѣдующаго указа, объявленнаго ему въ концѣ мая 1724 года въ Сенатѣ, по повелѣнію Императора: „отъ артиллеріи капитану Василию Татищеву быть совѣтникомъ отъ Бергъ-Коллегіи въ Сибирскомъ Горномъ Начальствѣ, и о томъ сказать ему указъ въ Сенатѣ, а какъ ему въ управленіи того Горнаго Начальства и по отбытіи изъ Сибири генераль-маіора Дегеннина: вышеупомянутые казенные заводы обще-ли съ совѣтникомъ Михаэлисомъ вѣдать, и о томъ опредѣлить въ Бергъ-Коллегіи“. Исполнительные указы по этому приговору Сената посланы въ Бергъ-Коллегію 8 іюня. Но распоряженію этому не суждено осуществиться: Сенатъ издалъ указъ слѣдующаго содержанія: „Императоръ Петръ Великій, сего октября въ 1 день указалъ: послать въ Швецію Бергъ-Коллегіи совѣтника Татищева для послѣдующаго: 1) призывать ему мастеровъ, потребныхъ къ горнымъ и минеральнымъ дѣламъ, о которыхъ дать ему изъ Бергъ-Коллегіи роспись колико какого ремесла призывать, и почему жалованья обѣщать, и тамъ для подъему дать; 2) изъ школы адмиралтейской выбрать ему, совѣтнику, самому, школьниковъ 22 человекъ и оставить при Коллегіи, чтобы по полученіи изъ Швеціи о приѣмѣ ихъ извѣстія, отправить ихъ туда; 3) о вспоможеніи ему въ потребностяхъ къ министру Бестужеву послать указъ, и чтобъ онъ у Сената (шведскаго) требовалъ позволенія принять къ мастерству учениковъ“¹⁾.

¹⁾ Для обученія нашихъ школьниковъ управляющіе рудниками и заводами потребовали болѣе 3,000 руб. Эта сумма показалась Бергъ-Коллегіи очень большою, и она послала въ Швецію только 7 человекъ, содержаніе и обученіе которыхъ стоило казнѣ, конечно, дешевле. Изъ туземныхъ мастеровъ разныхъ ремеслъ въ русскую службу Татищевъ никого не принялъ, кромѣ поручика Рефа, гранильщика „понеже того чинить ему Корона шведская не допустила и мастерамъ къ нему тайно для такихъ договоровъ приходитъ воспретила“. Изъ перениски Татищева изъ Швеціи видно, что Бергъ-Коллегія вообще замедляла отвѣчать на его представленія и скупилась на расходы, имъ предъявляемые. Жалованья, какъ Бергъ-Совѣтникъ, онъ получалъ 600 р. На поѣздку въ Швецію ему дали 1½ червонца въ день. Татищевъ просился на возвратномъ пути изъ Швеціи съѣздить въ Саксонію, но „Ея Величество (это было уже по смерти Петра Великаго) не указала ему туда ѣздить“. Татищевъ просилъ денегъ для заказа чертежей съ новыхъ и превосходныхъ заводскихъ и рудничныхъ машинъ; но Бергъ-Коллегія отвѣтила ему, чтобы онъ „обозрѣлъ машины твердымъ вниманіемъ и старался помнить все что видитъ“. На это Татищевъ написалъ въ Бергъ-Коллегію: „машинъ внятно смотрю, и надѣюсь нѣкоторыя упомнить, однако не вѣря себѣ упоминать, договорился съ маркшейдромъ Гейслеромъ составить имъ планы на 10 александрійскихъ листахъ за 100 червонныхъ“. Бергъ-Коллегія отказала въ томъ.

Посылка Василя Никитича въ Швецію, какъ видно изъ указа, не была поворотомъ въ служебной дѣятельности его, напротивъ, служила продолженіемъ оной: поставленный рядомъ съ Дегенниномъ, самымъ компетентнымъ въ то время техникомъ по горнозаводству въ нашемъ отечествѣ, онъ могъ замѣтить въ себѣ недостаточную подготовку въ горнозаводскихъ техническихъ производствахъ, и желалъ дополнить свое образованіе новыми приобрѣтеніями. Выборъ Швеціи объясняется тѣмъ, что онъ еще на Уралѣ, знакомясь съ шведскими военно-плѣнными и убѣдясь въ основательности ихъ пониманій горнозаводства, могъ заключить о лучшемъ, чѣмъ у насъ, устройствѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ заводовъ въ техническомъ и хозяйственномъ отношеніяхъ. На мысль о поѣздкѣ въ Швецію могъ навести его тотъ же Дегеннинъ, цѣнившій его способности и трудолюбіе, и написавшій Царю, что „лучше его къ управленію заводами другаго не найдешь“, и весьма вѣроятно, что Татищевъ, объясняя Петру Великому „представленія Дегеннина съ пунктами“, самъ напросился у Государя на эту поѣздку. При отправленіи въ Швецію, Петръ Великій пожаловалъ его въ полковники ¹⁾.

На этомъ и оканчивается дѣятельность В. Н. Татищева по управленію Сибирскими горными заводами въ царствованіе Петра. По возвращеніи изъ Швеціи онъ неугодилъ въ Сибирь, и тамъ оставался и продолжалъ управлять ими генераль-маіоръ Дегеннинъ ровно 12 лѣтъ. Только въ царствованіе Анны Ивановны онъ былъ вызванъ въ С.-Петербургъ, въ 1734 году, и тогда посланъ на мѣсто его снова В. Н. Татищевъ въ званіи главнаго начальника тѣхъ заводовъ съ обширными полномочіями.

Въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о бергъ-совѣтникѣ Михаэлисѣ. Съ Дегенниномъ они не сошлись, но въ чемъ заключалось ихъ разногласіе—изъ архивныхъ дѣлъ не видно. Въ письмѣ Дегеннина къ кабинетъ-секретарю А. И. Макарову отъ 23 окт. 1723 г. мы читаемъ только слѣдующее: „Доносилъ и я Государю, что сочиняю штатъ здѣшнимъ начальникамъ для того, чтобъ Бергъ-Коллегія не ускорила подать, сочтя по представленію Михаэлиса, который безъ потребности много чиновъ написалъ, и по оному можетъ больше въ расходѣ на жалованье, нежели въ приходѣ прибыли быть“. Извѣстно, что Михаэлисъ былъ отозванъ изъ Сибири, и въ январѣ 1726 г. подписывалъ указы Бергъ-Коллегіи въ прежнемъ званіи.

¹⁾ Въ бытность свою въ Швеціи, Василій Никитичъ, знакомясь со многими профессорами и учеными, предавался историческимъ изслѣдованіямъ, и здѣсь пришла ему мысль написать исторію Россіи.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I

Петръ Великій, въ бытность свою за-границей, просилъ курфюрста саксонскаго, короля польскаго Августа II прислать и прислать въ Москву на царскую службу „рудодѣльныхъ“ мастеровъ. Король не оставилъ безъ вниманія просьбы царской: посоль его, генераль Карловицъ, въ концѣ 1699 года привезъ съ собой въ Москву шесть человѣкъ „рудодѣльныхъ и рудоплавныхъ“ мастеровъ съ однимъ переводчикомъ. Всѣ иноземцы были родомъ изъ Саксоніи, и мы приведемъ ихъ поимянно: опытный (пробирный) мастеръ *Иоганъ Фридрихъ Блюэръ*, рудодѣльный мастеръ *Эндерлинъ*, плавильщики *Яганъ Цехариусъ* и *Фарстенеръ*, рудокопные мастера (штейгеры) *Габріэль Шенфельдеръ* и *Шнейдеръ* и переводчикъ *Яганъ Пауль Прифценъ*. Послѣдняго русскіе тотчасъ обратили въ *Павла Бривцина*. Не задолго до прибытія сихъ иноземцевъ въ Москву посланы были въ Саксонію „для обученія рудному и монетному дѣлу“ изъ русскихъ: *Иванъ Патрушевъ*, *Яковъ Власовъ*, *Данило Вороновъ* и *Ив. Зубковъ*; изъ нихъ Ив. Патрушевъ зналъ по-нѣмецки, а гдѣ онъ научился—неизвѣстно; не былъ ли онъ въ числѣ служителей во время заграничнаго путешествія Царя? Родомъ онъ происходилъ изъ дворцовой деревни Кашиной (тверской губ.); дѣдъ его былъ „трубникомъ“ въ Государевыхъ палатахъ. Русскіе ученики пробыли въ Саксоніи не болѣе года и всѣ вернулись въ Москву.

Въ началѣ 1701 года Блюэръ и Патрушевъ снова были посланы въ Саксонію, и тамъ наняли и привезли съ собой (11 сентября 1701 г.): плавильныхъ мастеровъ *Мартина Циммермана* и *Ягана Фрештейна*, рудокоповъ *Георга Шмидта* и *Еремія Блехшмидта*. Въ 1704 году къ нимъ были прибавлены еще 4 иноземца: братья *Мих.* и *Гавр. Ланги*, *Андреасъ Беэръ* и *Самуэль Печъ* (толмачъ). Надъ всѣми иноземными рудокопами и плавильщиками „начальнымъ“ человѣкомъ былъ Блюэръ: онъ долженъ былъ распоряжаться и слѣдить за работами всѣхъ прочихъ „рудознатцовъ“, повѣрять ихъ дѣйствія. По первоначальному уговору ему было назначено жалованья по 192 руб. 50 коп. въ годъ. По возвращеніи изъ заграницы (съ Патрушевымъ въ 1701 году) Блюэру, по его ходатайству, это жалованье было увеличено до 282 р. 50 к., такъ какъ на него были возложены „бергмейстерскія дѣла“. Годичная плата прочимъ рудокопамъ и мастерамъ была отъ 80 до 110 р.; переводчикъ *Павель Бривцинъ* получалъ 36 р.; при посылкѣ его на Уралъ съ *Татищевымъ*, ему дали 60 р., какъ рудокопу.

Кромѣ саксонскихъ рудодѣльныхъ мастеровъ въ Рудномъ Приказѣ считалось нѣсколько Грековъ, ранѣе того приглашенныхъ въ Россію; въ числѣ ихъ были: два *Левандіана*, *Веніаминъ* и сынъ его *Александръ*. Послѣдній былъ

посланъ прежде на поиски серебряной руды за Томскомъ, а потомъ въ Нерчинскѣ началъ выплавку серебра. вмѣстѣ съ Александромъ упоминаются Гречане Симонъ Григорьевъ, Ив. Филипповъ и Андрей Христофоровъ.

Приглашенные для руднаго дѣла иноземцы и русскіе, бывшіе для обученія тому дѣлу въ Саксоніи, составляли весь контингентъ горныхъ и плавильныхъ мастеровъ и назывались въ то время „рудознатцами“. Къ нимъ присоединилось нѣсколько человѣкъ „охочихъ“ людей, по доброй волѣ, преимущественно изъ школьниковъ и военныхъ, грамотныхъ; они назывались „горными учениками“.

Между прочими поѣздками Блюэра за пріисками рудъ на Олонцѣ и Уралѣ, онъ былъ посланъ на Кавказъ, по указу Царскому 15 марта 1715 г.: „ѣхать ему, Блюэру, говорилось въ указѣ, въ Астрахань къ князю Александру Бековичу Черкасскому для сыску серебряной и мѣдной руды въ землѣ черкесской Кабардѣ, и взять съ собой рудознатца Ив. Зубкова“. вмѣсто Зубкова поѣхалъ съ Блюэромъ Пав. Бривдинъ и еще одинъ иноземецъ Ганъ, взятый въ Москвѣ съ воли. Вотъ какъ описываетъ свою поѣздку самъ Блюэръ: „По пріѣздѣ въ Астрахань кн. Черкасскій послалъ меня въ землю Большую Кабарду и выдалъ 200 р. на подарки тамошнимъ мурзамъ. А какъ прибылъ въ Б. Кабарду, то жители сказали, что нынѣшнимъ зимнимъ временемъ до тѣхъ рудныхъ мѣстъ ни пѣшему, ни конному за большими снѣгами дойти нельзя“. Вернувшись въ Москву безъ успѣха, Блюэръ въ слѣдующемъ 1716 году былъ посланъ туда снова заблаговременно, дошелъ до рудныхъ мѣстъ и накопалъ будто бы нѣсколько кусковъ руды съ содержаніемъ золота и серебра; полученный изъ пробъ металлъ онъ будто бы показывалъ самому Царю Петру, сказавъ ему, что руда не прибыльна и плавки заводитъ невыгодно. Въ какой степени это правда, сказать трудно: Блюэръ описываетъ свою поѣздку на Кавказъ позднѣе; именно въ 1719 году, прося выдать ему жалованье за 2 года, проведенные имъ въ поѣздкѣ.

II

Мѣдная руда около Кунгура была открыта въ послѣднихъ годахъ XVII столѣтія крестьянами Фед. Попковымъ, Егор. Мальцовымъ и татаринномъ Болякъ Русаевымъ. По заявленію объ ней, посланъ былъ на мѣсто изъ Казани въ 1697 году рудознатный мастеръ подполковникъ Лаврентій Нейдхартъ, занимавшійся въ то время постройкою мѣдиплавильнаго завода на рѣкѣ Сарали (Казанской губ.). Желая прежде испытать пригодность руды изъ подъ Кунгура, Нейдхартъ нагрузилъ оною особый стругъ и отправилъ его по р. Камѣ на свой Саралинскій заводъ; но стругъ съ рудою на пути потонулъ; на томъ эта попытка и кончилась. Послѣ того ѣздили въ Кунгуръ рудознатцы Данило Вороновъ и Яковъ Власовъ для изысканій и „опыта“, но работъ никакихъ не заводили, и найденныя рудныя мѣста были заявлены на

„Государя“. Правительство поручало Верхотурскому воеводѣ Алексѣю Калинину заняться разработкою тѣхъ рудъ, но и онъ не успѣлъ: „крестьяне, говоритъ Дегеннинъ позднѣе, не допустили его къ той добычѣ, знатно не желая того горнаго дѣла видѣть, чтобъ имъ въ горной работѣ не быть, его, Калитина, отогнали, и онъ съѣхалъ“. За тѣмъ является на Кунгуръ въ 1704 году московскій промышленникъ Ѳедоръ Молодой съ Царской грамотой изъ Руднаго Приказа, по которой ему разрѣшалось искать и плавить всякія руды въ Кунгурскомъ, Усольскомъ, Вятскомъ и Галичскомъ уѣздахъ, и въ Сибири на земляхъ казенныхъ, монастырскихъ и частныхъ владѣльцевъ, заводы строить и работы вести „своими проторями“ и владѣть тѣми рудными мѣстами впредь 30 лѣтъ съ уплатою въ казну десятаго пуда. Съ челобитчикомъ пріѣхали по своей волѣ, безъ указа, сынъ его Иванъ, и еще московскій посадскій человекъ Никифоръ Огневъ въ товарищахъ. Прибывъ въ Кунгуръ, Ѳ. Молодой завелъ на рѣчкѣ Мазуевкѣ, въ 20 верстахъ отъ города, молотовой анбаръ, и въ немъ занимался только протяжкою желѣзныхъ крицъ, покупаемыхъ у другихъ хозяевъ, на шины и другіе мелкіе сорта; самъ крицъ не варилъ. Не видя себѣ прибытковъ отъ этой операціи, промышленникъ въ 1710 году отправился въ Москву и тамъ, по хадатайству князя М. П. Гагарина, Сибирскаго генераль-губернатора, получилъ новый указъ: заводитъ новыя устройства для мѣдной плавки, „гдѣ пристойно“, на деньги Государевы, и мѣдь плавить на „Государя“. Видно промышленникъ опасался вести дѣло на своихъ „проторяхъ“ и явился снова на Кунгуръ, но въ качествѣ казеннаго приставника, съ жалованьемъ по 200 р. въ годъ. По пріѣздѣ на мѣсто, Ѳед. Молодой поставилъ въ своихъ прежнихъ молотовыхъ анбарахъ мѣдиплавленныя печи и навозилъ много руды; взялъ къ себѣ въ помощь мѣстнаго жителя Ѳедора Инютина, какъ мастера, умѣлаго въ копкѣ и плавкѣ рудъ. Но судьба этого промышленника очень печальна: онъ не успѣлъ еще своего завода въ „совершенство привести“, какъ пріѣхалъ въ Кунгуръ въ воеводы Василій Лихаревъ, который, осмотрѣвъ по порученію кн. Гагарина постройки и работу Ѳ. Молодаго, нашелъ нужнымъ почему-то взять его и съ сыномъ Иваномъ подъ карауль, и скованнымъ отправить въ Тобольскъ. Здѣсь держали ихъ въ тюрьмѣ около года и по прибытіи кн. Гагарина отправили обоихъ въ Березовъ, гдѣ они содержались, какъ арестанты, въ тюрьмѣ ровно 4 года. Только въ 1718 году ихъ вернули изъ заточенія и послали въ Уктусъ, какъ казенныхъ мастеровыхъ, на заводскія работы. Князь Гагаринъ, все еще находившійся въ Москвѣ, получивъ свѣдѣнія отъ Лихарева, прибывшаго въ Москву, поручилъ устроить и завести плавку мѣдной руды въ Кунгурѣ вновь назначенному туда указомъ 5 декабря 1712 г. комендантомъ Леонтію Шокурову, который поставилъ двѣ печи на новомъ мѣстѣ, близъ самаго города, и на нихъ въ 2½ года выплавилъ 165 п. мѣди. Князь Гагаринъ изъ Москвы послалъ въ Кунгуръ сына коменданта, Льва Шокурова, и поручилъ ему вести плавку, для чего

выдалъ ему изъ казны 1100 р. Комендантъ Леонтій Шокуровъ при передачѣ заведенныхъ имъ плавильныхъ устройствъ своему сыну, 2-го августа 1715 г., послалъ отъ себя начальнику „Розыскной Канцеляріи“ извѣстному отъ лейбъ-гвардіи капитанъ-поручику Ивану Никифоровичу Плещееву два штуфа мѣдной руды, которая по пробѣ въ Москвѣ чрезъ саксонскаго пробирнаго мастера Ягана Ланга оказалась содержаніемъ въ одномъ штуфѣ въ 32 проц. мѣди, а во второмъ—въ 14 проц., причемъ въ первомъ штуфѣ найдено серебра $\frac{3}{4}$ золотника. Плещеевъ объ этомъ довелъ до свѣдѣнія Государя и результаты пробъ до того заинтересовали Его Величество, что онъ велѣлъ тотчасъ же ѣхать въ Кунгуръ самому Плещееву для освидѣтельствованія на мѣстѣ, гдѣ такія богатая руды сысканы. Но у Плещеева было много дѣла въ Москвѣ и онъ испросилъ разрѣшеніе у Государя послать въ Кунгуръ стольника кн. Сонцева-Засѣкина съ наказомъ, отъ 2 августа 1716 года. Кн. Сонцевъ-Засѣкинъ, въ декабрѣ того же года, прислалъ Плещееву „сыскъ“ и два слитка мѣди вѣсомъ въ 12 фунт., выплавленныхъ при немъ изъ 27 п. руды, а въ „сыскѣ“ писалъ слѣдующее: „Шокуровъ (сынъ) пробылъ въ Кунгурѣ недолго и выплавилъ всего 45 п. мѣди. Князь Гагаринъ въ проѣздѣ свой изъ Москвы въ Тобольскъ велѣлъ и ему (Шокурову) отправиться туда же. Въ то же время отправлены были въ Тобольскъ, но подъ карауломъ и въ желѣзахъ, два рудоплавные мастера: Никифоръ Огневъ, товарищъ Ѳед. Молодаго, и другой Ѳед. Инютинъ изъ здѣшнихъ. Мазуевскій заводъ еще при Леонтій Шокуровѣ взятъ былъ на „Государя“ (т. е. въ казну) и этимъ комендантомъ была складена тамъ доменная печь, но не окончена. Затѣмъ заводъ отдавался въ частныя руки изъ оброка и теперь заброшенъ вовсе. Плавильныя печи около города нынѣ сгорѣли.

Мѣдные слитки были испробованы въ Москвѣ и въ нихъ серебра не оказалось нисколько.

Послѣ того назначенъ былъ комендантомъ въ Кунгуръ Ларіонъ Синявинъ, который вскорѣ послѣ пожара выстроилъ вновь печи и на нихъ въ два года выплавилъ 200 п. мѣди. Синявина смѣнилъ въ 1718 году полковникъ Иванъ Васильевичъ Воронежскій, который вовсе не производилъ мѣдной плавки, отзываясь тѣмъ, что ему не было дано на то указа; мало того: онъ запретилъ рудоискателямъ заявлять о рудѣ и даже отбиралъ отъ нихъ подписки, что руда „вынута вся“. Смѣнившій Воронежскаго комендантъ Афонасій Усталковъ не только дѣйствовалъ въ духѣ своего предмѣстника, но зашолъ далѣе, и „для того у него былъ поставленъ у воротъ (на заставахъ) и на мостахъ карауль, чтобы не возили изъ города „снастей рудокопныхъ“. Также и крестьяне, узнавъ, что начальство не расположено продолжать добычу и плавку руды, приходившихъ охочихъ рудокоповъ сгоняли съ ямъ. Но это еще не весь мартирологъ отечественнаго горнозаводства при водвореніи его подъ Кунгуромъ: „розыскъ“ Татищева показываетъ еще болѣе рельефныя страницы его.

III.

Проконій Марковъ сынъ Сталовъ, крѣпостной человѣкъ имянитыхъ людей Строгоновыхъ, отданный прикащиками ихъ въ солдаты, бывшій рудоискатель, находясь на службѣ въ С.-Петербургѣ, подалъ въ 1718 году чрезъ Артиллерійскую Канцелярію доношеніе на имя Государя, что онъ, Проконій, въ вотчинѣ Строгоновыхъ у села Романова обыскалъ, мѣдную руду и объявилъ объ ней Кунгурскимъ рудоплавленнымъ мастерамъ что та руда плавилась при Львѣ Шокуровѣ, который довелъ объ ней до свѣдѣнія князя Гагарина и выдалъ ему, рудоискателю, Государева жалованья 8 руб.; что при комендантѣ Сенявинѣ посланы были туда мастера съ 10 рабочими, и они накопили руды до 1½ тысячи пудъ, но что прикащики Строгоновыхъ посланныхъ людей уговаривали и подкупали замять открытіе руды, а его, Сталова, записавъ неправильно въ крѣпостные, били кнутомъ нещадно, грозили бросить въ воду съ камнемъ на шеѣ и отдали въ солдаты. Сталовъ къ доношенію своему приложилъ 13 кусковъ мѣдной руды. Петръ Великій велѣлъ (2 іюля 1718 г) передать доносителя въ вѣдѣніе генераль-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса съ жалованьемъ по полтинѣ въ мѣсяць и съ выдачею пайка наравнѣ съ артиллерійскими солдатами. Справились съ „сыскомъ“ князя Сонцева-Засѣкина; нашли, что и при немъ Кунгурскіе рудознатцы добывали мѣдную руду въ присутствѣ (уѣздѣ) Соли-Камской, у г. Орла, по Яйвѣ рѣкѣ, у села Романова, у деревни Березовки и въ другихъ мѣстахъ вотчины Строгоновыхъ; добытая руда плавилась въ Кунгурѣ и получалось изъ 40 п. оной чистой мѣди 1 п. 6. ф. Справились съ дѣлами прежняго Руднаго Приказа, и тамъ нашли подтвержденіе, что въ тѣхъ мѣстахъ, по свидѣтельству иноземца Блюэра (въ 1713 г.) есть мѣдная руда. Въ справкахъ прошло время, а между тѣмъ составила Бергъ-Коллегія, Президентомъ которой назначенъ Царемъ тотъ же генераль-фельдц. Брюсъ. Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій новаго правительственнаго учрежденія (10 декабря 1719 г.) было опредѣлено: снять допросъ съ доносителя Проконія Сталова, призвать и допросить дѣтей именитаго человѣка Строгонова, почему записанъ къ нимъ въ крѣпость доноситель, также обязать ихъ представить въ Бергъ-Коллегію на срокъ прикащика ихъ Воронова для допроса. Но Александръ Григорьевичъ Строгоновъ представилъ на вниманіе Бергъ-Коллегіи, что Воронову довѣрены имъ и братьями его всѣ соляные промыслы, и за отсутствіемъ его можетъ произойти остановка въ работахъ, просилъ снять допросъ на мѣстѣ, съ чѣмъ Бергъ-Коллегія согласилась и поручила произвести розыскъ назначенному вновь для обозрѣнія и управленія Уральскими казенными заводами артиллеріи капитанъ-поручику Василю Татищеву.

IV.

Томскихъ рудоискателей (Костылевъ и Комаровъ), переданныхъ новымъ Сибирскимъ губернаторомъ въ Москвѣ Татищеву, онъ отправилъ еще изъ Кунгура въ свои мѣста, выдавъ имъ на дорогу по 2 р. и внушивъ имъ продолжать поиски и явиться, когда будетъ посланъ въ тотъ край особый рудознатецъ. Василій Никитичъ написалъ объ нихъ Томскимъ воеводамъ. Но воеводы, какъ оказалось, съ перемѣной губернатора и, вѣрнѣе, по приказанію его еще изъ Москвы, посылали уже въ тѣ мѣста рудознатнаго мастера Ѳедора Инютина, того самаго, который занимался на Кунгурѣ съ промышленникомъ Ѳед. Молодымъ, и впоследствии былъ отправленъ кн. Гагаринымъ въ Тобольскъ въ 1715 году. Нѣсколько дней ранѣе отправки рудоискателей, Василій Никитичъ, еще будучи въ Кунгурѣ, получилъ (11-го октября 1720 г.) письмо изъ Тобольска отъ вице-губернатора полковника Александра Козмича Петрово-Соловаго съ нарочнымъ курьеромъ, казачьимъ сыномъ Михайломъ Волковымъ. Къ письму были приложены два куска руды безъ отмѣтокъ о томъ: гдѣ руда найдена и кѣмъ именно; на ярлыкахъ значилась только надпись: „изъ Томска“.—, „Того ради (такъ доноситъ Татищевъ Бергъ-Коллегіи отъ 19-го октября), просилъ я вице-губернатора написать (мнѣ): кто именно эту руду и въ какомъ урочищѣ приискалъ. Казачій же сынъ Волковъ сказалъ, что руду привезъ Ѳедоръ Инютинъ, посланный въ тѣ мѣста, по доношенію Костылева и Комарова о рудахъ, которыхъ знаки были отправлены въ Бергъ-Коллегію изъ Москвы. Но понеже присланные нынѣ рудные знаки ни мало съ прежними несходны и едва-ли какую (либо) руду въ себѣ имѣть могутъ (по пробѣ куски оказались пустою породою), того ради видно, что оный осмотрщикъ (Ѳ. Инютинъ) добрыя руды утаилъ, а взялъ пустыя, и объ этомъ мы писали, чтобъ прислать его сюда къ намъ, понеже онъ и по здѣшнему (въ Кунгурѣ) розыску виновенъ является“.

Догадки Татищева оправдались: Ѳед. Инютинъ оказался лукавымъ челоуѣкомъ. Князь А. М. Черкасскій указомъ 17 февраля 1721 г. увѣдомилъ Василю Никитича, что казачій сынъ Волковъ подалъ доносъ на руднаго мастера Ѳ. Инютина „въ неприискѣ (т. е. въ утайкѣ) въ Томскомъ уѣздѣ рудъ и о взяткахъ его съ жителей того уѣзда Чеужскаго острога“. По розыску на мѣстѣ дознались, что Инютинъ взялъ съ жителей 400 р. деньгами, нѣсколько „косяковъ“ камки и другихъ подарковъ, и о рудѣ утаилъ. Кн. Черкасскій приказывалъ Татищеву произвести „розыскъ“. За Ѳ. Инютинымъ, находившимся въ это время въ Каменскомъ заводѣ въ числѣ мастеровъ, послали драгуна Коршунова, но тотъ, узнавъ о бѣдѣ, ему грозившей, на дорогѣ отъ драгуна бѣжалъ и скрылся у Акинфія Демидова на Невьянскомъ заводѣ, откуда, какъ замѣтилъ при одномъ случаѣ Василій Никитичъ, „выдачи бѣглыхъ не бываетъ“.

Мы распространились объ этомъ обстоятельстве потому именно, что это—первое фактическое указаніе на присутствіе серебряной руды въ нынѣшнемъ Алтайскомъ горномъ округѣ; что мѣстные жители, можетъ быть, находя самородное серебро, пользовались имъ издавна, почему въ интересѣ ихъ было скрывать о рудѣ; что Оед. Инютинъ скрылся у Акинфія Демидова, послѣ чего и слѣдовъ его нигдѣ не видно. Не онъ-ли навелъ этого предпріимчиваго заводовладѣльца на богатство того края въ серебряной рудѣ? Дѣло очень вѣроятное. По крайней мѣрѣ извѣстно изъ архивныхъ источниковъ, что Акинфіей Демидовъ вскорѣ послѣ того завелъ въ томъ краѣ плавку мѣдной руды; основалъ нѣсколько заводовъ и скрытно отъ правительства выплавлялъ серебро.

Послѣ бѣгства Инютина схватили и привезли въ Уктусъ жену его Мавру, которая на допросѣ 7 марта показала: „слышала-де, что мужъ воротился изъ Томска богатъ и въ Тобольскѣ дарилъ кого-то; что на распросы ея про пожитки мужъ ея сказалъ: занялъ-де въ Тобольскѣ у добраго человѣка денегъ ста два руб., и на тѣ деньги торговалъ и получилъ-де прибыли вдвое; да привезъ съ собой домой атласъ черный, да два косяка красныхъ да зеленую камку, всего пять косяковъ, два мѣха, да камзолъ съ кружевами и серебряными пуговицами и золотое кольцо. Когда поѣхалъ въ Кунгуръ на допросъ (по дѣлу Оед. Молодаго), такъ продолжала Мавра, то взялъ съ собой камки 3 косяка для подарка судьямъ“. На вторичномъ допросѣ въ застѣнкѣ Мавра показала; „солдатъ, везшій доносителя Волкова, на обратномъ пути заходилъ къ нимъ въ домъ и мужу ея сказалъ поклонъ отъ Волкова, прибавивъ, что этотъ доносить на него; что косякъ зеленой камки мужъ ея носилъ въ Кунгурѣ къ капитану В. Н. Татищеву но что капитанъ подарка не принялъ; что мужъ ея очень друженъ съ шведомъ Захаріемъ Аполовымъ, и бралъ у него денегъ подъ закладъ.“ Спрошенный Захарій Аполовъ подтвердилъ слова Мавры и прибавилъ, что О. Инютинъ писалъ женѣ своей и подьячему Петру Клушину изъ Оедьковского завода. Но писемъ этихъ не нашли. Такъ и пропалъ Оед. Инютинъ.

